

Костанайская академия МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева

УДК 343.487

На правах рукописи

БАЗАРБАЕВА АИДА БАТЫРБЕКОВНА

Пробационный контроль: проблемы теории, законодательства и практики

Специальность 6D030300 – «Правоохранительная деятельность»

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты:

Профессор кафедры уголовного
права и криминологии
Карагандинской академии МВД
Республики Казахстан
имени Б. Бейсенова,
д.ю.н., профессор Токубаев З.С.

Начальник
Костанайской академии
МВД Республики Казахстан
имени Ш. Кабылбаева,
к.ю.н., доцент Дарменов А.Д.

Республика Казахстан
Костанай, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ	3
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	7
ВВЕДЕНИЕ	9
1 ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОБАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ КАК ФОРМЫ ПРОБАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ В РЯДЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	19
1.1 Возникновение и генезис института пробационного контроля как формы пробации	19
1.2 Правовое регулирование применения и организация осуществления пробационного контроля в ряде зарубежных стран.....	30
2 СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ	69
2.1 Историко-правовые аспекты становления института пробационного контроля в Республике Казахстан.....	69
2.2 Пробационный контроль по действующему законодательству Республики Казахстан: сущность, цели, принципы осуществления.....	83
2.3 Субъекты уголовно-исполнительных отношений в рамках осуществления пробационного контроля	101
2.4 Содержание пробационного контроля как формы пробации.....	114
3. МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОБАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ КАК ФОРМЫ ПРОБАЦИИ	136
3.1 Организационно-правовые аспекты осуществления пробационного контроля службой пробации.....	136
3.2 Организационно-правовые аспекты осуществления пробационного контроля органами полиции.....	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	179
ПРИЛОЖЕНИЕ А	200
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	204
ПРИЛОЖЕНИЕ В	207

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящей диссертации использованы ссылки на следующие нормативные правовые акты:

Конституция РК – Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года.

УК РК – Уголовный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года.

УПК РК – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года.

УИК РК – Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года.

КоАП РК – Об административных правонарушениях: Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года.

Кодекс РК «О браке и семье» – О браке (супружестве) и семье: Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 года.

Трудовой кодекс РК – Трудовой кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года.

Кодекс РК «О здоровье народа» – О здоровье народа и системы здравоохранения: Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года.

УК РК 1997 г. – Уголовный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года.

УПК РК 1997 г. – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года.

УИК РК 1997 г. – Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года.

Закон РК от 15.02.2012 г. – О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам службы пробации: Закон Республики Казахстан от 15 февраля 2012 года.

Закон РК «О пробации» – О пробации: Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года.

Закон РК «О правовых актах» – О правовых актах: Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года.

Закон РК «О правах ребенка» – О правах ребенка в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан от 8 августа 2002 года.

Закон РК «О персональных данных и их защите» – О персональных данных и их защите: Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года.

Закон РК «О дактилоскопической и геномной регистрации» – О дактилоскопической и геномной регистрации: Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года.

Закон РК «О жилищных отношениях» – О жилищных отношениях: Закон Республики Казахстан от 16 апреля 1997 г.

Закон РК «О миграции» – О миграции населения: Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 г.

Закон РК «О профилактике правонарушений» – О профилактике правонарушений: Закон Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года.

Закон РК «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних» – О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности: Закон Республики Казахстан от 9 июля 2004 года.

Закон РК «О документах, удостоверяющих личность» – О документах, удостоверяющих личность: Закон Республики Казахстан от 29 января 2013 года.

Закон РК «О государственной правовой статистике» – О государственной правовой статистике и специальных учетах: Закон Республики Казахстан от 22 декабря 2003 года.

Закон РК «О специальных социальных услугах» – О специальных социальных услугах: Закон Республики Казахстан от 29 декабря 2008 года.

Закон РК «О минимальных социальных стандартах» – О минимальных социальных стандартах и их гарантиях: Закон Республики Казахстан от 19 мая 2015 года.

Закон РК «Об органах внутренних дел» – Об органах внутренних дел Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 года.

Закон РК «Об административном надзоре» – Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Закон Республики Казахстан от 15 июля 1996 года.

Закон РК от 12.07.2018 г. – О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов: Закон Республики Казахстан от 12 июля 2018 года.

Комплексная стратегия социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения, на 2017-2019 гг. – Комплексная стратегия социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017-2019 годы: Указ Президента Республики Казахстан от 8 декабря 2016 года № 387.

Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года – О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858.

Нормативное постановление Верховного Суда РК от 2.10.2015 г. № 6 – О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания и сокращения срока назначенного наказания: Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 2 октября 2015 года № 6.

Нормативное постановление Верховного Суда РК от 11.04.2002 г. № 6 –

О судебной практике по делам об уголовных правонарушениях несовершеннолетних и о вовлечении их в совершение уголовных правонарушений и иных антиобщественных действий: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 апреля 2002 года № 6.

Правила оказания социально-правовой помощи – Правила оказания социально-правовой помощи лицам, состоящим на учете службы пробации: постановление Правительства Республики Казахстан от 23 октября 2014 года №1131.

Правила опеки и попечительства – Правила осуществления функций государства по опеке и попечительству: постановление Правительства РК от 30 марта 2012 года № 382.

Правила ведения и использования специальных учетов – Правила ведения и использования специальных учетов лиц, совершивших уголовные правонарушения, привлекаемых к уголовной ответственности, лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение уголовного правонарушения и дактилоскопического учета задержанных, содержащихся под стражей и осужденных лиц: приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 27 февраля 2018 года № 29.

Правила организации деятельности службы пробации – Правила организации деятельности службы пробации: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 15 августа 2014 года № 511.

Правила организации деятельности участковых инспекторов полиции – Правила организации деятельности участковых инспекторов полиции, ответственных за организацию работы участкового пункта полиции, участковых инспекторов полиции и их помощников: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 1095.

Правила организации деятельности участковых инспекторов по делам несовершеннолетних – Правила организации деятельности участковых инспекторов полиции по делам несовершеннолетних органов внутренних дел: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 1098.

Правила осуществления контроля за поведением лиц, освобожденных по УДО – Правила осуществления контроля за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания: приказ и.о. Министра внутренних дел Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года № 622.

Правила взаимодействия подразделений ОВД по контролю за поведением лиц, состоящих на учетах служб пробации – Правила взаимодействия служб пробации и подразделений полиции по контролю за поведением лиц, состоящих на учетах служб пробации: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 18 августа 2014 года № 517.

Правила взаимодействия подразделений ОВД по осуществлению учета лиц, освобожденных из мест лишения свободы – Правила взаимодействия подразделений органов внутренних дел Республики Казахстан по осуществлению учета лиц, освобожденных из мест лишения свободы: приказ

Министра внутренних дел Республики Казахстан от 30 января 2016 года № 89.

Правила организации выполнения общественных работ – Правила организации выполнения общественных работ лицами, осужденными к данному виду наказания: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан

от 2 июня 2017 г. № 386.

Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (1985 г.) – Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29 ноября 1985 года Резолюцией 44/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

Правила Совета Европы по пробации – Рекомендация No. Rec (2010) 1 Комитета Министров государствам-членам о Правилах Совета Европы по пробации: принята Комитетом Министров 20 января 2010 года на 105-м заседании заместителей Министров, государств-членов Совета Европы.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

В настоящей диссертации применяются следующие термины с соответствующими определениями, а также сокращениями:

АИПС	– автоматизированные информационно-поисковые системы
Верховный Суд РК	– Верховный Суд Республики Казахстан
Генеральный Прокурор РК	– Генеральный Прокурор Республики Казахстан
ГОР(У)ОП	– городские, районные (управления) отделы Департаментов полиции областей, городов Астаны, Алматы, Шымкента
ДП	– Департаменты полиции областей, городов Астаны, Алматы, Шымкента
ЕИС «Беркут-клиент госорганов»	– единая информационная система «Беркут-клиент госорганов» Комитета национальной безопасности Республики Казахстан
Закон РК	– Закон Республики Казахстан
ИАЦ	– информационно-аналитический центр
ИБД МВД РК	– Интегрированный банк данных МВД Республики Казахстан
ИПГО	– интернет-портал государственных органов
ИПК-ЛЦ	– информационно-поисковая карточка на лицо
Комитет ПСиСУ	– Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан
Комитет УИС МВД РК	– Комитет уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Казахстан
лат.	– латинское
МВД РК	– Министерство внутренних дел Республики Казахстан
МПС	– местная полицейская служба
МРП	– месячный расчетный показатель
ОВД	– органы внутренних дел
ПЛС	– пожизненное лишение свободы
Правительство РК	– Правительство Республики Казахстан
Президент РК	– Президент Республики Казахстан
п.	– пункт
пп.	– пункты
подп.	– подпункт, подпункты
ст.	– статья
ст.ст.	– статьи
Территориальные	– департаменты Комитета УИС МВД РК по областям,

органы УИС

УДО

УИИ

УИК

УИП

УИС

УК

УПК

Учреждения УИС

ЦАБД

ч.

чч.

также по городам Алматы, Астана, Шымкент

– условно-досрочное освобождение

– уголовно-исполнительная инспекция

– Уголовно-исполнительный кодекс

– участковый инспектор полиции (участковый инспектор полиции по делам несовершеннолетних)

– уголовно-исполнительная система

– Уголовный кодекс

– Уголовно-процессуальный кодекс

– учреждения уголовно-исполнительной системы

– Централизованная автоматизированная база данных

– часть

– части

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. Диссертационное исследование связано с детальным анализом сложившейся законодательной и правоприменительной практики в вопросах реализации пробационного контроля как самостоятельной формы probation в Республике Казахстан. Исследование произведено на фоне относительной стабилизации вопросов нормативного регулирования, однако при сохранении отдельных противоречивых и непоследовательных аспектов, препятствующих признанию сложившегося механизма пробационного контроля в качестве эффективного и достаточного ресурса исправительного воздействия на лиц, в отношении которых он устанавливается. При этом дальнейшее развитие законодательства и практики в вопросах реализации пробационного контроля приводит как к периодическим изменениям, требующим достижения органического единства нормативного материала, так и к необходимости поиска дополнительных ресурсов и инструментов, отвечающих динамике общественных отношений и потребностям уголовно-исполнительной практики.

Актуальность темы исследования. Социально-экономические и политико-правовые преобразования, интенсивно проводимые в Казахстане, позволяют сделать вывод о том, что происходят изменения места и роли государства и гражданина в современном обществе. Наряду с решением многих вопросов жизнедеятельности общества это предполагает обязательное обновление и совершенствование законодательства, в том числе направленного на борьбу с преступностью, купирование рисков повторных форм криминального поведения, без чего достижение необходимого уровня безопасности граждан является невозможным. Это обуславливает необходимость постоянного анализа, переработки и совершенствования действующих механизмов уголовно-исполнительного воздействия по отношению к лицам, совершившим уголовные правонарушения.

К настоящему времени в качестве социально-правовой аксиомы установилось признание за лишением свободы крайне противоречивого характера, что требует его исключительно дозированного применения и только в случаях, когда исправление лица без физической изоляции не представляется возможным. С одной стороны, положительными моментами лишения свободы являются нейтрализация возможности совершения лицом новых уголовных правонарушений, разрушение связей с антиобщественной средой, создание условий для осуществления целенаправленного карательно-воспитательного воздействия и др. С другой стороны, изоляция осужденного несет в себе негативные последствия в виде утраченных социально-полезных связей, институализации личности в условиях несвободы, для формирования которой, как показывают специальные условия, достаточно 5-7 лет изоляции [1, с. 147; 2, с. 446; 3, с. 4].

Именно для преодоления соответствующих негативных явлений, снижения количества лиц, помещаемых в пенитенциарный социум, во всем мире на протяжении последних десятилетий выражена тенденция к тому, чтобы

максимально ориентировать национальные уголовно-исполнительные практики на использование всех возможных ресурсов сокращения численности лиц, попадающих в условия физической изоляции. На протяжении относительно продолжительного периода Казахстан демонстрировал благополучные показатели, выразившиеся в ежегодном снижении «индекса тюремного населения». Вместе с тем, по данным, представленным международными организациями, Казахстан к 2024 году имеет индекс тюремного населения, равный 184 (т.е. 184 чел. на 100 тыс. населения). При этом общая численность осужденных к лишению свободы к 2024 году составляет 35,228 тыс. человек, из которых только 7 % женщины [4]. В казахстанских информационных ресурсах к середине 2024 года указывалась уже цифра в 37 тысяч осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, и констатировался рост числа соответствующей категории осужденных на 7 тысяч за последние 4 года. Однако это объясняется не столько ухудшением криминальной обстановки в стране, сколько тем, что в последние годы имело место ужесточение уголовного законодательства по так называемым общеуголовным преступлениям [5].

Вместе с тем лабильность криминологической обстановки в стране требует постоянного внимания, а обратный рост численности тюремного населения может свидетельствовать в том числе и о недостаточной эффективности мер пробационного воздействия. При этом под «пробацией» (от англ. «probation» – «испытание») принято понимать такие санкции и меры уголовно-правового характера, когда осужденный помещается на испытательный срок, устанавливаемый судом, под надзор специальных органов, с возможностью применения в отношении него ряда различных ограничений. К настоящему времени пробация во всех формах ее реализации фактически оценивается как достижение современных социально-правовых практик, поскольку воплощает в себе такие принципы, как гуманизм, экономия мер уголовно-правовой репрессии, превалирование превенции над наказанием и т.д. Институт пробации был фактически анонсирован в РК с принятием Концепции правовой политики РК на период с 2010 по 2020 гг., в которой, в частности, отмечалось, что «...для более активного применения судами мер, альтернативных лишению свободы, необходимо добиваться повышения эффективности их исполнения, для чего требуется институциональное развитие специализированного органа, ответственного за исполнение таких мер» [6]. В Концепции правовой политики РК до 2030 г. в большей степени уже ставится акцент на вопросах качества пробационной деятельности: повышение статуса сотрудников пробации; изменение подходов к оценке эффективности постпенитенциарной пробации, углубление взаимодействия субъектов пробации и т.п. [7].

В отличие от самого института пробации, пробационный контроль не стал принципиально новой практикой, поскольку в прежней организации уголовно-исполнительного воздействия схожие механизмы применялись в отношении условно осужденных лиц. Именно на институт условного осуждения была впервые применена проекция пробационного контроля в связи

с принятием Закона РК от 15 февраля 2012 г. № 556-IV [8]. В дальнейшем, с принятием в 2014 г. новых УК РК, УИК РК, УПК РК, институт пробационного контроля был расширен уже до нескольких категорий лиц и имел тенденцию к дальнейшему расширению, причем появились механизмы для сочетания контрольной деятельности с элементами социально-правового вспоможения [9; 10]. Завершающим этапом оформления национального института пробации стало принятие в 2016 г. Закона РК «О пробации», которым были систематизированы основные вопросы, касающиеся соответствующей деятельности, конкретизированы ее субъекты, определены формы, цели, принципы и т.д. [11].

При этом «пробационное население» к настоящему времени пропорционально снижается по отношению к численности «тюремного населения». Так, на конец 3 квартала 2024 года общее количество лиц, состоявших на учете службы пробации, составляло 28070 чел.; при этом количество осужденных, находящихся в местах лишения свободы, составило 41 515 чел. [12]. В 2020 г. на учете службы пробации состояли 33316 чел.; в 2021 г. – 30989 чел.; в 2022 г. – 28458 чел.; в 2023 г. – 29048 чел., что свидетельствует о том, что имеет место явная тенденция к сокращению на фоне роста «тюремного населения».

При этом наибольший процент «пробационного населения» составляют именно лица, в отношении которых устанавливается пробационный контроль. Так, в 2020 г. ограничение свободы было назначено 21079 осужденным; в 2021 г. – 21358; в 2022 г. – 19606; в 2023 г. – 20422 осужденным. Достаточно высока и численность лиц, к которым было применено условное осуждение: в 2020 г. – 4491 осужденный; в 2021 г. – 3862; в 2022 г. – 3758; в 2023 г. – 3641 осужденный. Достаточно численную категорию представляют и лица, условно-досрочно освобожденные из мест лишения свободы, пробационный контроль в отношении которых осуществляется ОВД (МПС). Так, в 2020 г. их было 4748 чел.; в 2021 г. – 4587; в 2022 г. – 4241; в 2023 г. – 4111 человек [13].

Как показывают количественные показатели по отмене пробационного контроля в силу нарушения его требований со стороны осужденных, в значительном количестве случаев ожидаемые положительные результаты достигнуты не были. Так, в 2020 г. ограничение свободы было заменено на лишение свободы в отношении 2243 лиц; в 2021 г. – 2620; 2022 г. – 1956; 2023 г. – 1987 лиц. Что касается условного осуждения, то в 2020 г. оно было отменено в отношении 81 осужденного; в 2021 г. – 124; в 2022 г. – 77; 2023 г. – 88 осужденных.

Только сбалансированный механизм пробационного контроля способен гарантировать более или менее позитивные результаты, для чего он должен быть, с одной стороны, унифицированным, с другой – гибким и адресным. Несмотря на то обстоятельство, что отмена пробационного контроля в отдельных случаях не может быть автоматическим свидетельством неэффективности данной меры, тем не менее, его механизм требует глубокого исследования на предмет достаточности контрольно-карательного воздействия, гибкости применяемых средств воздействия, степени индивидуализации в

отношении конкретных лиц, совершивших уголовные правонарушения и т.д. Именно данные обстоятельства и являются свидетельством актуальности исследования пробационного контроля как самостоятельного института уголовно-исполнительного права, составляющего по своей сути значимую социально-правовую практику в структуре противодействия преступности в стране.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Разработке вопросов, связанных с уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политикой в области пробационной деятельности как в Республики Казахстан, так и в зарубежных странах, к настоящему времени уделено достаточное внимание. Так, в частности, исследованию отдельных организационно-правовых проблем, связанных в целом с институтом пробации и пробационным контролем, в частности, были посвящены работы: М.Н. Абдирова, И.М. Агзамова, А.Ш. Аккулева, С.Б. Акылбая, Э.Ю. Аскерова, К.Ж. Балтабаева, С.Н. Бачурина, И.А. Бурлаковой, М.Р. Гета, К.Ф. Гуценко, У.С. Джекебаева, Б.Ж. Жунусова, Р.Т. Нуртаева, В.К. Кленова, И.Д. Козочкина, А.А. Коровина, В.С. Крылова, Н.Е. Крыловой, С.П. Кубанцева, М.А. Кызылова, А.Л. Островского, П.Г. Пономарева, Н.Н. Полянского, В.П. Романовой, З.С. Садвакасовой, Е.А. Саламатова, А.В. Серебренниковой, Ю.И. Симоновой, И.В. Слепцова, А.А. Смагулова, Н.А. Стручкова, С.Ю. Скобелина, Ш.Ж. Тулкинбаевой, В.А. Уткина, О.В. Филимонова, О.Б. Филипец, Н.Б. Хуторской, Е.В. Хромых, Е.Н. Шатанковой, В.П. Шупилова и др.

Вместе с тем законодательное оформление вопросов пробационного контроля, равно как динамика и тенденции правоприменительной практики, не позволяют в каждый отдельно взятый период констатировать достаточную степень изученности вопроса. Вопросы пробационного воздействия и непосредственно пробационного контроля неизбежно находятся под влиянием меняющихся общественных отношений, в том числе и криминологической обстановки в обществе, что неизбежно отражается на реакции законодателя и на деятельности правоприменительных органов. Кроме того, к настоящему времени обоснована постановка вопроса о том, что первичная стадия формирования института пробационного контроля в РК уже пройдена, что требует объективной оценки ее результатов и постановки вопросов о направлениях дальнейшего совершенствования. Все это свидетельствует о том, что уголовно-исполнительная практика государства по-прежнему нуждается в специальных исследованиях, к которому относится и данная диссертационная работа.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является комплексный анализ теоретических и практических проблем, связанных с вопросами нормативного закрепления и механизмом реализации пробационного контроля как одной из форм осуществления пробации в контексте современной уголовной и уголовно-исполнительной политики Республики Казахстан, а также разработка предложений по совершенствованию законодательной регламентации данного института в целях упорядочивания правоприменительной практики, а также ее дальнейшего развития.

В соответствии с указанной целью в ходе диссертационного исследования ставились и решались следующие **задачи**:

- исследовать исторические этапы зарождения и развития пробационного контроля в законодательстве и практике зарубежных государств;
- проанализировать правовое регулирование применения и организацию пробационного контроля в отдельных зарубежных странах;
- дать оценку историческим этапам становления института пробационного контроля в Республике Казахстан;
- исследовать сущность, цели и принципы осуществления пробационного контроля по действующему законодательству Республики Казахстан;
- провести анализ субъектного состава уголовно-исполнительных отношений в рамках осуществления пробационного контроля в РК;
- исследовать содержание пробационного контроля как формы probation в РК;
- осуществить комплексный анализ организационно-правовых аспектов осуществления пробационного контроля службой probation;
- дать оценку специфике организационно-правовых аспектов осуществления пробационного контроля органами полиции.

Объект и предмет исследования диссертационного исследования. Объектом исследования являлись закономерности, обусловившие возникновение, развитие института пробационного контроля как одной из форм probation, а также комплекс общественных отношений, формирующихся в процессе его применения и реализации в деятельности службы probation и подразделений местной полицейской службы.

В качестве **предмета диссертационного исследования** выступили нормы Конституции РК, международно-правовые нормы, нормы национального и зарубежного законодательства, регулирующие процедуру применения и исполнения санкций и мер, не связанных с изоляцией осужденных от общества; подзаконные нормативные правовые акты МВД РК, регламентирующие порядок осуществления пробационной деятельности; программные документы, стратегии, концепции, разрабатываемые по вопросам деятельности УИС; акты официального толкования высшей судебной инстанции РК; статистические данные КПСиСУ Генпрокуратуры РК и МВД РК; практика судов по установлению пробационного контроля; комментарии экспертов и практических работников правоохранительных органов и судебной системы; историко-правовые источники; учебная и научно-монографическая литература по проблемам применения и осуществления probation и пробационного контроля.

Методология и методика исследования. В качестве основополагающего метода исследования был избран диалектический метод познания социальных явлений, позволивший на основе учета закономерностей и противоречий оценить социально-правовую сущность и значение института пробационного контроля. В структуре общенаучных методов познания были использованы: индуктивно-дедуктивный (в частности, по вопросам оценки средств унификации, дифференциации и индивидуализации пробационного

воздействия); метод анализа и синтеза (при анализе отдельных элементов пробационного контроля, объединенных в рамках единого института); метод моделирования (в ходе обоснования необходимых изменений в действующее законодательство). Комплектацию частно-научных методов составили: историко-правовой; сравнительно-правовой; социологический; статистический; структурно-функциональный (в ходе анализа достаточности существующих нормативных конструкций для успешного осуществления пробационного контроля его субъектами); формально-логический (при оценке согласованности законодательных предписаний, в том числе и с нормами других отраслей казахстанского права); контент-анализ теоретических источников, публикаций в СМИ и доступных информационно-коммуникационных ресурсах (в частности, при оценке проблемы использования электронных средств слежения за осужденными, получения данных международных оценок и т.д.) и др.

Эмпирическую базу исследования составили:

- социологическое исследование в виде анонимного анкетирования 274 осужденных, находящихся под пробационным контролем служб пробации г. Караганды и Карагандинской области, г. Костаная и Костанайской области;

- 113 личных дел осужденных, находящихся под пробационным контролем служб пробации г. Караганды и Карагандинской области, г. Костаная и Костанайской области;

- результаты социологического исследования среди 214 сотрудников службы пробации г. Караганды и Карагандинской области, г. Костаная и Костанайской области, г. Астаны и Акмолинской области;

- результаты социологического исследования среди 118 сотрудников МПС, осуществляющих пробационный контроль, г. Караганды и Карагандинской области, г. Костаная и Костанайской области, г. Астаны и Акмолинской области;

- статистические сведения КПСиСУ Генпрокуратуры РК, а также МВД РК по вопросам количественных показателей среди различных категорий осужденных за период с 2019 по 2024 гг.;

- 716 судебных приговоров, вынесенных судами РК по уголовным делам, на предмет оценки сроков пробационного контроля и объемов обязанностей, возлагаемых на лиц, в отношении которых он устанавливался, за период с 2019 по 2024 гг.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что в нем содержится переоценка отдельных нормативных и правоприменительных аспектов, сложившихся к настоящему времени в вопросах назначения и реализации пробационного контроля. Посредством конструктивно-критического анализа выявлены отдельные вопросы чрезмерной унификации механизма пробационного контроля, недостаточной комплектации обязанностей, возлагаемых на лиц, в отношении которых он устанавливается, отсутствие гибких и дифференцированных механизмов воздействия на отдельные категории осужденных в рамках пробационного контроля и др. Обоснован ряд частных предложений по стабилизации нормативного материала и его дальнейшему развитию, а также рекомендации, связанные с доступными

способами оптимизации правоприменительной практики службы пробации и МПС в вопросах реализации соответствующих контрольных функций.

Новизна осуществленного диссертационного исследования преимущественно нашла отражение в следующих **основных положениях, выносимых на защиту:**

1. Пробационный контроль как самостоятельная форма пробации стал наиболее успешным элементом репликации передовых зарубежных практик ввиду изначального присутствия в национальной системе схожих элементов уголовно-исполнительного воздействия, реализуемых в отношении условно осужденных лиц, что способствовало его успешной правовой аккультурации, в отличие от иных форм пробационного воздействия, а также закреплению в рамках приговорной и постпенитенциарной пробации. При этом необходимо упорядочивание нормативного материала, сохраняющего до настоящего времени значительное количество противоречий, в том числе и в рамках основных дефинитивных конструкций, посредством:

- приведения определения понятия «пробационный контроль» в п. 2 ст. 5 Закона РК «О пробации» в соответствие с положениями п. 9 ст. 3 УИК РК *(в целях соблюдения принципа иерархии нормативных правовых актов)*;

- дополнения ч. 1 ст. 19 УИК РК, а также определения приговорной пробации в п. 2 ст. 12 Закона РК «О пробации» указанием на установление пробационного контроля в отношении дополнительной категории лиц, которым наказание в виде штрафа, исправительных работ или привлечения к общественным работам было заменено на ограничение свободы *(в целях учета соответствующих законодательных изменений)*;

- изменения подпункта 8 ст. 3 УИК РК и п. 1 ст. 9 Закона РК «О пробации» аутентичными дефинициями следующего содержания: «служба пробации – орган уголовно-исполнительной системы, осуществляющий исполнительные и распорядительные функции по обеспечению исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества и иных мер уголовно-правового воздействия, а также по организации и функционированию пробации» *(в целях одновременного устранения избыточности и недостаточности используемых признаков)*.

2. Результатом анализа объекта пробационного воздействия, в качестве которого выступает трансформируемый правовой статус лиц, находящихся под пробационным контролем, является вывод о необходимости дополнения перечня обязанностей, перечисленных в ч. 2 ст. 44 УК РК:

- помимо установления общей обязанности пройти лечение зависимостей от психоактивных веществ (для всех лиц), установить запрет на употребление психоактивных веществ в отношении лиц, которые совершили уголовное правонарушение по причине *пагубного потребления* данных веществ, не связанного с наличием зависимости;

- включить обязанность, корреспондирующую с запретом на употребление психоактивных веществ и заключающуюся в установлении требования периодического освидетельствования, с признанием отказа от такого освидетельствования в качестве уклонения от пробационного контроля;

- обязанность осужденного, связанная с прохождением лечения, должна быть дополнена указанием на «социально значимые заболевания, перечень которых устанавливается Министерством здравоохранения Республики Казахстан» (ВИЧ, туберкулез, вирусные гепатиты);

- включить дополнительную обязанность пройти лечение и медико-социальную реабилитацию от лудомании (как дополнительное мероприятие в рамках Комплексного плана по противодействию незаконному игорному бизнесу и лудомании в Республике Казахстан на 2024-2026 годы);

- ч. 2 ст. 44 УК РК дополнить следующей формулировкой: «В случае установления в отношении осужденного особых требований к поведению в порядке статьи 98-3 настоящего Кодекса, соответствующие ограничения включаются в содержание обязанностей, определяемых судом при установлении пробационного контроля».

3. Учитывая опыт передовых зарубежных практик, а также несостоявшуюся в прошлом законодательную практику РК, аргументирована целесообразность ранжирования пробационного контроля на обычный и усиленный посредством следующих изменений: 1) включение принудительного труда во все разновидности пробационного контроля, реализуемые службой пробации и МПС (за исключением тех лиц, к которым его применение недопустимо в порядке ч. 1 ст. 44 УК РК); 2) установление в рамках усиленного пробационного контроля большего объема принудительного труда (150 часов в год); 3) применение усиленного пробационного контроля в течение установленного судом срока (не менее 6 месяцев) распространить на лиц, допустивших нарушения в ходе отбывания ограничения свободы; условно осужденных за тяжкие преступления; условно-досрочно освобожденных от лишения свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления.

4. Обосновано, что существующая практика установления и реализации наказаний в отношении военнослужащих, совершивших уголовные правонарушения, не отвечает современным потребностям государства в обеспечении обороноспособности и устойчивости кадрового состава ВС РК, вследствие чего требуется:

- снизить императивность норм Закона РК от 16 февраля 2012 г. № 561-IV «О воинской службе и статусе военнослужащих» в вопросах увольнения осужденных по отрицательным мотивам за счет изменения существующей формулировки следующим образом: *«вступление в силу обвинительного приговора суда за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также назначение наказания в виде ограничения свободы или реального отбывания лишения свободы»*;

- признать в качестве субъектов пробационного контроля по отношению к условно осужденным военнослужащим командования воинских частей (реконструкция ранее существовавшего механизма в рамках ст. 181 УИК РК 1997 г. с учетом потребностей современной практики).

5. В целях более эффективной реализации принципа стимулирования правопослушного и общественно полезного поведения осужденных обосновано предложение о дополнении ст. 64 УК РК положением следующего содержания:

«Условное осуждение может быть отменено по истечении одной трети установленного срока, если осужденный в течение года осуществлял волонтерскую деятельность в соответствии с законодательством Республики Казахстан, а также в случае его участия в ликвидации последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных и других катастроф, а также оказания помощи лицам, пострадавшим от них. При этом срок пробационного контроля к моменту рассмотрения вопроса об его отмене судом не может составлять менее одного года» (ст. 72 УК РК должна быть дополнена аутентичной редакцией с пропорциональным сокращением сроков фактически отбытого наказания в виде ограничения свободы).

6. По причине выраженной однородности таких принудительных мер воспитательного воздействия, как «пробационный контроль» и «ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетних», осуществить их соединение в рамках единой конструкции пробационного контроля посредством следующих изменений:

- актуализации перечня обязанностей, которые могут возлагаться на несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности с установлением пробационного контроля, за счет включения *запретов на пользование определенными социальными сетями и на общение с иными несовершеннолетними или взрослыми лицами, чье негативное влияние способствовало совершению уголовного правонарушения несовершеннолетним;*

- дополнения 2) ч. 2 ст. 44 УК РК новым параграфом следующего содержания: *«На несовершеннолетних осужденных с учетом характера совершенного преступления, жизненной ситуации и образа жизни могут быть также возложены обязанности, предусмотренные частью седьмой статьи 85 настоящего Кодекса»* (в которой надлежит сформулировать содержание пробационного контроля в качестве принудительной меры воспитательного воздействия).

7. С учетом факта преимущественно дистанцированной оценки поведения лица, в отношении которого установлен пробационный контроль, сохраняющийся дефицит электронных средств слежения может быть успешно компенсирован за счет разработки и внедрения в практику *адресного мобильного приложения*, снабженного функцией автоматической идентификации внешности и местоположения лица, осуществляемой посредством случайной выборки, что позволит существенным образом сократить физические и временные затраты сотрудников службы пробации и МПС.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования. Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что полученные в ходе него результаты расширят и дополнят имеющиеся в теории уголовного и уголовно-исполнительного права положения, касающиеся института пробационного контроля и организации деятельности службы пробации и МПС по его осуществлению, в том числе позволят обобщить его основные черты, образующие и специфицирующие национальную модель пробационного контроля в РК. Практическая значимость

исследования состоит в том, что в нем представлены рекомендации по обновленному варианту пробационного контроля в РК, в рамках которого имеются более выраженные возможности по дифференциации и индивидуализации контрольно-карательного воздействия на отдельных лиц, оптимизации значительных вопросов законодательного оформления и правоприменительной практики. Соответствующие рекомендации (предложения) могут быть востребованы в ходе дальнейшего совершенствования норм законодательства, касающихся вопросов применения и реализации пробационного контроля в РК; ряд сформулированных предложений может получить развитие в последующих монографических исследованиях по вопросам пробационного контроля, а весь материал использован в ходе организации и осуществления учебного процесса по дисциплинам «Уголовное право Республики Казахстан», «Уголовно-исполнительное право Республики Казахстан», «Административная деятельность органов внутренних дел Республики Казахстан», а также в рамках спецкурсов для будущих сотрудников полиции и УИС, в том числе на курсах повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования. Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД РК имени Баримбека Бейсенова. Основные положения теоретико-методологического характера и конкретные результаты исследования докладывались на международных, региональных научно-практических конференциях и опубликованы в периодических юридических изданиях. Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в 12 научных статьях по теме исследования, в том числе 1 научная статья – в журнале, входящем в международную базу данных Scopus; 5 научных статей - в изданиях, рекомендованных Комитетом по обеспечению качества в сфере науки и высшего образования Министерства науки и высшего образования РК; 5 научных статей – в сборниках и материалах международных научно-практических конференций, из них 1 научная статья – в материалах зарубежной конференции.

Результаты диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность Департамента уголовно-исполнительной системы по Костанайской области, учреждений ДУИС по Костанайской области КУИС МВД РК, а также в учебный процесс Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, Актюбинского юридического института МВД РК имени М. Букенбаева.

Структура и объем диссертационного исследования. Структура диссертации обусловлена поставленными целями и задачами проведенного исследования. Работа состоит из введения, трех разделов, объединяющих восемь подразделов, заключения, списка использованных источников, приложений???

Базарбаева

Базарбаева

Базарбаева

Базарбаева

Базарбаева

Базарбаева

Базарбаева

Базарбаева

Базарбаева

1 ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОБАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ КАК ФОРМЫ ПРОБАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ В РЯДЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

1.1 Возникновение и генезис института пробационного контроля как формы probation

Исторический метод, предполагающий изучение заявленных проблем в развитии, с учетом правил конкретности, взаимозависимости с иными родственными проблемами, как известно, является одним из основных методов в науке. Это связано с тем, что социальные процессы и явления современности невозможно познать вне исторического контекста, их связывающего. Без знания истории любого правового института, без глубокого ретроспективного анализа невозможно себе представить его дальнейшее совершенствование, поскольку исследование прошлого может и должно служить средством познания настоящего, предвидения будущего [13, с. 47; 14, с. 16; 15, с. 18].

Не является исключением и анализируемая в данной работе проблема, поскольку для углубленного понимания сущности пробационного контроля нельзя упускать из виду исторические корни данного явления, в противном случае исключается глубокое осмысление соответствующего правового института, его содержания и взаимодействия с другими социальными явлениями. Институт пробационного контроля, появившись в конце XIX в. в качестве одной из форм probation, получил широкое распространение во многих зарубежных странах и на протяжении многих десятилетий занимает важное место в системе мер борьбы с преступностью.

По поводу probation существуют различные мнения о том, кому – Великобритании или США, – должно быть отдано первенство в ее введении. Однако, как отмечают многие исследователи, появление института probation связано с последовательным развитием и модификацией существующей правовой практики, а не созидательного законотворчества определенной страны, и, вероятнее всего, предпосылки введения режима probation коренятся в английской системе общего права. Именно данная система позволила более гибко приспособить право к новым требованиям общественного развития. Так, англо-американские суды еще во времена, предшествующие probation, применяли различные способы для того, чтобы избежать механического применения жестких правил репрессивного уголовного права. К каким, в частности, относились привилегия духовенства (*the benefit of the clergy*); юридическая отсрочка (*the judicial reprieve*), обязательство законопослушного поведения (*the recognizance*) и другие юридические методы, цель которых – отсрочка наказания при вынесении или исполнении приговора [16, с. 37].

Но, в целом, предпосылкой появления и развития probation является институт условного осуждения, который возник во второй половине XIX в. как одна из альтернатив тюремному заключению в рамках общей либерализации уголовной политики. Этому предшествовал процесс, начавшийся еще во второй

половине XVIII в., когда во многих развитых странах мира применение тюремного заключения, особенно на короткий срок, начало подвергаться резкой критике за неспособность решить главную задачу – социальную реабилитацию и исправление правонарушителей [17; 18, с. 373; 19, с. 5].

Данному процессу способствовали как обстоятельства социально-экономического, политического, духовно-идеологического характера, так и результаты проводившихся в то время научных исследований. Так, например, И.Я. Фойницкий предполагал, что настало время для «рождения идеи временного освобождения от наказания на условиях испытания» [20, с. 577]. При этом он отмечал, что суд, применяя условно-погасительную отсрочку, отнюдь не провозглашает «забвение» деяний преступника, но словно на определенный срок отодвигает кару наказания. Данный срок должен быть достаточным для «побуждения решимости преступника исправиться ... привлечь к делу исправления духовные импульсы самого виновника» [20, с. 577].

Вопрос неэффективности тюремного заключения и введения альтернативного института был предметом обсуждения на 1-ом Международном тюремном конгрессе в Лондоне в 1872 г., затем и на аналогичном конгрессе, прошедшем в Риме в 1885 г. [13]. В дальнейшем система условного осуждения (условного приговора, погасительной отсрочки) как результат поиска новых, более совершенных видов наказания стал закономерным явлением и получил широкое распространение во многих странах мира. Так, например, в США данный институт официально был закреплен в 1869 г., в Великобритании он был введен в 1887 г. [21, с. 648; 22, с. 30]. Впоследствии он нашел законодательное закрепление в странах континентальной Европы: в Люксембурге (1892 г.); в швейцарских кантонах (в Невшателе 1891 г., в Женеве, в 1892 г.); в Португалии в 1893 г; в Норвегии в 1894 г. [23, с. 330]. При этом, как отмечал А.А. Пионтковский, институт условного осуждения стал играть в европейском карательном механизме заметную роль в качестве орудия борьбы со «случайным преступным людом» [24, с. 36].

Но родиной института пробации в том виде, в котором он существует в настоящее время, все-таки принято считать США. Там первый пример применения условного осуждения имел место в 1820 г., когда Уорквиркский суд приговорил нескольких молодых людей к одному дню тюремного заключения с последующей передачей на поруки родителям [25, с. 35]. Собственно, сам режим пробации, то есть условное осуждение с осуществлением надзора, в США возник благодаря Мэтью Девенпорту Хиллу. В частности, он предложил новый вариант наказания – пробацию, который он разработал еще 20 лет назад. Найдя для преступников дом, он поместил их туда и контролировал их поведение с верой в то, что таким образом преступники смогут измениться в лучшую сторону. Безусловно, у него нашлись последователи. Так, Джон Август – сапожник и филантроп из Бостона (штат Массачусетс), который в 1841 г. выступил в качестве поручителя за одного пьяницу, убедив суд назначить номинальный штраф в сумме 1-го цента (в

оплату судебных издержек) вместо обычного наказания – заключения в «исправительном доме» [25, с. 37-38; 26, с. 41].

В дальнейшем, в течение 18 лет, Д. Август был поручителем в отношении примерно 2000 человек. Он следил, чтобы его подопечные получали профессиональное образование или работу, обеспечивал их жильем; по просьбе суда он представлял отчеты о поведении своих подопечных. После его смерти эту деятельность продолжил тюремный пастор Руфис Кук и другие лица. Они, предварительно исследовав жизнедеятельность осужденного, посещали подопечного на дому, о чем регулярно составляли отчеты для суда. В дальнейшем это и привело к оформлению режима пробации. Периоды надзора были, как правило, краткими (часто несколько недель). Деятельность этих добровольцев не основывалась на каких-либо научных принципах о поведении лиц, преступивших закон, или методах реабилитации, а руководствовались они исключительно гуманным стремлением избавить правонарушителей, совершивших малозначительные преступления, от разлагающего влияния тюрьмы [21, с. 42].

С 1869 г. в целях поиска наиболее эффективных способов воздействия на несовершеннолетних преступников в штате Массачусетс впервые ввели практику назначения для них особых агентов (Probation officer). На них было возложено сопровождение уголовного процесса над лицами, не достигшими 16-летнего возраста; сбор сведений о личности и о причинах, толкнувших их на преступление; формулировка предложений судье о наиболее целесообразных в данном случае мерах уголовного воздействия, в том числе, оставление несовершеннолетнего без изоляции на определенный срок для испытания. В случае применения последней меры probation officer осуществлял надзор «за отпущенным для испытания», также на него возлагалась забота о создании условий, способных содействовать исправлению правонарушителя [21, с. 648-649].

Успех применения этой меры к несовершеннолетним привел к распространению ее и на взрослых преступников. По существу, это и есть начальный период возникновения пробации в США. При этом законодательно режим пробации для всех категорий правонарушителей впервые был предусмотрен в Законе штата Массачусетс от 26 апреля 1878 г. Единственным критерием назначения режима пробации являлась предполагаемая вероятность того, что правонарушитель сможет исправиться без применения реального наказания [26, с. 42; 21, с. 649]. Принятие данного Закона позволило иметь штатного сотрудника службы пробации, который назначался губернатором Бостона и состоял в штате полиции. Данный сотрудник был обязан раз в 3 месяца предъявлять начальнику полиции доклад «О задачах, которые ему надлежит выполнять в целях применения закона», а также список лиц, подвергнутых пробации, с указанием места жительства, с тем чтобы в случае возникновения необходимости их можно было незамедлительно арестовать [26, с. 42-43].

В дальнейшем в 1891 г. в Массачусетсе был принят закон, предусматривающий обязательное назначение сотрудников службы пробации,

которые уже не являлись кадровыми полицейскими. Испытательный срок для осужденных устанавливался от 3-х недель до 1-го года; однако на практике надзор длился, как правило, 6-12 недель. На общенациональном уровне пробация в США стала применяться с 1925 г. с принятием федерального закона о пробации; а в 1957 г. эта мера уголовно-правового воздействия была введена и во всех штатах страны [25, с. 62; 27, с. 53; 28, с. 23].

Разработанная в США «система испытания» была воспринята Австралией, а также рядом европейских стран. Так, в Великобритании она была введена в 1887 г. Законом «Об испытании впервые осужденных» и окончательно закреплена в 1907 г. Законом «Об испытании преступников». Но фактически в Великобритании институт пробации появился еще до законодательного закрепления. Так, еще в 1879 г. судьи получили право освобождать лиц, виновных в преступлениях небольшой тяжести, от тюремного заключения с применением к ним системы испытания. У осужденного отбиралась подписка, в которой предусматривалось, что в случае совершения им в испытательный период новых правонарушений, он будет направлен в тюрьму и подвергнут штрафу [14, с. 199; 22, с. 30; 25, с. 39; 28, с. 32]. С официальным введением института пробации Законом от 1887 г. основаниями для ее применения являлось совершение преступления впервые, а равно его небольшая опасность (максимально возможный срок тюремного заключения не превышает 2-х лет). В отношении обвиняемого устанавливалось требование являться в суд по первому вызову, возместить потерпевшему причиненный ущерб, в течение испытания не нарушать законов. Если испытуемый не выполнял возложенные на него обязанности, суд приговаривал его к тюремному заключению, а также дополнительно налагал денежное взыскание [14, с. 199; 28, с. 32-33].

В принятом в 1907 г. Законе «Об испытании преступников» уже более четко регламентировались основания применения пробации. В частности, решая вопрос о ее назначении, суд должен был учитывать не только тяжесть преступления, но и особенности личности подсудимого: его возраст, состояние здоровья, интеллектуальное и эмоциональное развитие, жизненный опыт. Кроме того, этим законом вводился институт надзора за поведением условно осужденного, который осуществляли офицеры пробации, находившиеся, в свою очередь, под контролем мировых судей. Однако лишь только к 1925 г. удалось полностью создать институт «оплачиваемых сотрудников службы пробации», до этого они действовали на добровольной основе.

В дальнейшем в Великобритании были изданы еще ряд законодательных актов, регулирующих применение и осуществление пробации, которые в 1948 г. были консолидированы и, начиная с этого времени, данный институт начинает широко применяться. В 1965 г. были приняты «Правила о пробации», в которых достаточно подробно регламентировались вопросы, связанные с осуществлением пробационной деятельности [14, с. 199; 25, с. 40; 28, с. 32-33; 29, с. 90-91].

В других странах Европы формирование института пробации также происходило на базе института условного осуждения. При этом, например, в

Бельгии, в соответствии с Законом от 31 мая 1888 г., суд, приговаривая лицо к лишению свободы на срок свыше 6-ти месяцев, мотивированным определением мог постановить, чтобы исполнение приговора было отложено на определенный срок, но не свыше 5 лет. Считалось, что если в течение этого времени условно осужденный не будет осужден за совершение нового преступления или проступка, то приговор считается «юридически не существующим». В противном же случае, первично назначенное наказание отбывается совместно с тем, которое было определено за вновь совершенное преступное деяние [22, с. 30; 30, с. 451-452].

Во Франции условное осуждение было введено Законом от 26 марта 1891 г., согласно которому отсрочка исполнения приговора могла быть применена к лицу, приговоренному к денежному взысканию или к содержанию в тюрьме, если оно ранее не осуждалось к лишению свободы. Отсрочка прекращалась, если в течение 5 лет приговоренный был снова осужден к наказанию в виде лишения свободы. В этом случае ранее назначенное наказание отбывалось независимо от нового, а последнее преступление расценивалось как рецидив [21, с. 454; 24, с. 30;].

Согласно Закону Норвегии от 2 мая 1894 г., суд при применении условного осуждения обязан был учитывать возраст виновного и его образ жизни; особенную незначительность преступного деяния; особые смягчающие вину обстоятельства, при которых оно совершено; полное и откровенное осознание виновным своего деяния и готовность, по возможности, возместить причиненный вред и убытки потерпевшему. В последнем случае в приговор включалось условие о выплате возмещения в течение назначенного судом срока [25, с. 455-456].

Сообразно фактическому поступательному развитию элементов пробации происходило и теоретическое осмысление данного института и его влияния на практику исправления преступников. Так, исходя из существующих моделей условного осуждения (как с осуществлением надзора, так и без наличия такового) в начале XX в. зарубежные и русские юристы определили 4 формы данного института: англо-американскую, франко-бельгийскую, австро-германскую и австралийскую. В частности, в соответствии с англо-американской формой условного осуждения судья признавал лицо совершившим преступление, но самоосуждение откладывалось. К данному лицу применялись трудовая порука и попечительский надзор. Все формы пробации объединяла предусмотренная законом возможность фактического неприменения наказания на основании установления испытательного надзора в отношении правонарушителя. При этом отличительным признаком англо-американской системы являлось то, что, во-первых, вынесение обвинительного приговора уже не допускалось, если лицо успешно отбывало «испытание», обязывающее подчиняться правилам надзора, вело себя надлежащим образом и не совершило новых преступлений. И, во-вторых, это испытание проводилось под наблюдением особого должностного лица [16, с. 7; 31, с. 45-47].

Франко-бельгийская форма условного осуждения предполагала отсрочку

исполнения назначенного срока наказания и являлась одной из форм уголовной ответственности. Условное осуждение здесь заключалось в том, что суд осуждал лицо с вынесением обвинительного приговора и назначением наказания, однако с отсрочкой его исполнения на определенный срок. При этом какие-либо дополнительные меры к осужденному не применялись. Соответственно, лицо, не совершившее в течение этого срока нового преступления, автоматически освобождалось от наказания; при этом в течение испытательного срока никакого контроля за его поведением не осуществлялось [16, с. 7; 31, с. 47].

Австро-германская форма условного осуждения, именовавшаяся еще как «уголовное помилование», была в основном схожа с франко-бельгийской, но реализация этого института находилась в руках административных органов власти. Решение об освобождении от реального отбывания наказания принимал не суд, а министр юстиции, причем, в дальнейшем процедура освобождения трансформировалась в акт помилования от имени главы государства [16, с. 8]. Как отмечал И.Я. Фойницкий, в Австро-Венгрии и Германии четко прослеживалась тенденция придать условному осуждению характер института судебного контроля [20, с. 581].

Таким образом, в начале XX в. условное осуждение (пробация) получило широкое распространение и к 1914 г., по данным Н.С. Тимашева, применялось в 110 государствах и автономных территориях [32, с. 12]. Причем в большинстве из них получила признание либо англо-американская (пробация), либо франко-бельгийская система [31, с. 47-48]. При этом Международный тюремный конгресс, прошедший в 1910 г., оценивая практику применения условного осуждения, в своей резолюции отдал предпочтение англо-американской системе, т.е. системе пробации, что во многом предопределило дальнейшее широкое распространение данного института как одной из мер уголовно-правового характера [30, с. 14]. Вместе с тем и франко-бельгийская система не была полностью отвергнута. В конечном счете появилась третья – австралийская, или смешанная, форма условного осуждения, которая соединяла франко-бельгийскую форму отсрочки исполнения наказания с системой дополнительных мер, известных англо-американской системе. Условное осуждение здесь сопровождается осуждением и назначением наказания, но в течение испытательного срока также осуществляется и исправительный надзор. Именно эта симбиотическая система впоследствии получила наибольшее распространение [17, с. 8; 32, с. 13, 418].

Испытательный надзор постепенно сложился в две основные формы: осуществляемый государственными органами и общественное наблюдение (патронат или попечительство), осуществляемое как отдельными гражданами на добровольных началах, так и различными благотворительными организациями (обществами). Главное различие между ними состояло в том, что установление надзора предполагало возможность применения мер государственного принуждения, в то время как патронат основывался исключительно на мерах убеждения и помощи, что, впрочем, не исключало возможности отмены условного осуждения и применения наказания к лицам, не

поддающимся исправлению [33, с. 14].

Параллельно с развитием пробации в форме испытательного надзора как меры уголовно-правового воздействия (условное осуждение) данный институт начал применяться и в форме постпенитенциарного контроля в рамках института УДО (условно-досрочного освобождения) от отбывания тюремного заключения. УДО в данном случае представлялось в качестве своеобразного этапа на пути к полной свободе осужденного лица, в связи с чем устанавливался специальный надзор за его поведением [28, с. 35]. Элементы УДО впервые появились в австралийском законодательстве XVIII в.: так, например, «Жалованная грамота Иосифа II» 1788 г. обещала заключенным, чье поведение будет хорошим и которые обнаружат перспективу твердого исправления, освобождение по истечении половины срока [34, с. 5].

Однако возникновение условного освобождения с применением постпенитенциарного контроля относится уже к началу XIX в. и связано с системой «австралийской ссылки» и возникновением «прогрессивной системы отбывания лишения свободы». Впервые возможность применения УДО от отбывания тюремного заключения появилась в эксперименте английского капитана А. Мэконочи, предпринятом им в 40-х годах XIX в. в одной из английских тюрем, находившейся на острове Норфолку побережья Австралии. Разработанная А. Мэконочи «исправительная программа» включала в себя, в частности, такое положение, которое предусматривало «смягчение условий содержания в последний период пребывания заключенного в тюрьме путем перевода на полусвободный режим» [35]. Однако в данном случае лицо полностью не освобождалось, а пожизненно прикреплялось к одному из свободных поселенцев, проживающих на острове, «получившему право неограниченной эксплуатации его рабочей силы». При этом поселенец принимал на себя обязанность содержать освобожденного и имел право налагать на него дисциплинарные взыскания. Исправительная философия А. Мэконочи в то время не была поддержана, но в дальнейшем идея прогрессивного отбывания наказания в зависимости от поведения осужденного, выдвинутая и претворенная им в жизнь, нашла свое отражение в английской и ирландской «прогрессивных тюремных системах» (вторая половина XIX в.) [35]. В частности, в Англии с прекращением ссылки в Австралию законами 1853 и 1857 гг. вводится «английская прогрессивная система» («звездная», или «марочная») исполнения лишения свободы, состоящая из одиночного заключения, общих каторжных работ и условного освобождения. То есть сужденные, достигшие до истечения срока наказания специального класса и заработавшие соответствующее число марок, получали условный отпуск по билетам, в которых отмечалось, на каких условиях осужденному предоставляется свобода [35, с. 26; 36, с. 49].

В 50-х годах XIX в. Вальтером Кронфортом в Ирландии вводится своя ступенчатая система (собственно, «классическая» прогрессивная тюремная система, позднее получившая разветвления в разных странах), которая в дальнейшем, Законом 7 августа 1854 г., была законодательно закреплена. Она отличалась от английской, в частности, тем, что в целях приучения

заключенных к свободной жизни в обществе их перед освобождением переводили в «переходные» тюрьмы, где они содержались без охраны, занимались земледельческими работами и некоторыми ремеслами, получая за свой труд вознаграждение, и пользовались относительной свободой [35; 36, с. 28; 38]. Время пребывания в «переходных» тюрьмах также сокращалось прогрессивно, в зависимости от зачтенного уже времени и продолжительности еще неотбытого наказания. В дальнейшем осужденные на весь остающийся срок наказания освобождались условно-досрочно «по отпускным билетам», которые «за дурное поведение на свободе» во всякое время могли быть отобраны с повторным заключением лица в тюрьму [36, с. 31].

При досрочном освобождении «по билетам» как в «английской», так и в «ирландской» прогрессивной системе, в них указывались обязанности, которые должен выполнять условно освобожденный: не совершать правонарушений; не общаться с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни; добывать средства к существованию честным трудом; постоянно иметь при себе отпускной билет и предъявлять его по первому требованию «мирового судьи или чинов полиции»; сообщать полиции о перемене места жительства в течение 48-ми часов; проходить ежемесячно регистрацию в полиции и др. [37, с. 49-50]. За соблюдением этих условий осуществлялось наблюдение со стороны специальных чиновников, и условно освобожденный мог быть арестован полицией без особого на то приказа. Если освобожденный не выполнял указанные условия, то он возвращался обратно в тюрьму на неотбытый срок наказания. Вместе с тем условно освобожденный, «ведущий честную жизнь», по истечении некоторого времени получал помилование от Короны [31, с. 45; 33, с. 1-3; 37, с. 50].

Институт УДО с обязательным осуществлением контроля за освобожденным действовал в Англии в рамках Борстальской системы, которая была введена в 1908 г. и получила свое название по местечку Борсталь, где появилась первая такая тюрьма (для лиц от 16 до 21 лет). В борстальских учреждениях существовала система относительно неопределенных приговоров, при которой лицо помещалось в такую тюрьму формально на 4 года, но реально должно было отбыть не менее 9 месяцев и не более 3-х лет. На оставшийся до 4-х лет срок в отношении освобожденных из этого учреждения устанавливался официальный надзор. Обеспечение контроля за освобожденными, их трудоустройством, налаживанием быта возлагалось на так называемые Борстальские комитеты, состоявшие из членов общества патроната, начальника и священника тюрьмы. В начале XX в. борстальские учреждения существовали по всей Англии, однако в последующие годы они потеряли свое значение и их упразднили [34, с. 32; 39, с. 67].

В других странах Европы УДО с последующим поспентенциарным надзором начало развиваться сначала в отдельных германских государствах (Саксония – 1862 г., Браун-швейг – 1864 г.) и швейцарских кантонах (Ааргау – 1868 г., Цюрих – 1870 г., Люцерн, Цуг – 1871 г., Неуенбург, Тессин – 1873 г.). В дальнейшем, когда данный институт был законодательно закреплен

Общегерманским уголовным уложением 1871 г, он получил свое развитие и в ряде других странах: Дании (1873 г.), Венгрии (1878 г.), Голландии (1881 г.), Франции (1885 г.), Болгарии (1886 г.), Бельгии (1888 г.), Финляндии (1889 г.), Италии и Бельгии (1890 г.), Португалии (1893 г.), Норвегии (1902 г.), Швеции (1906 г.), России (1909 г.). В 1976 г. он был предусмотрен законодательством рядом штатов США, а в 1982 г. был введен и в Японии [34, с. 6, 7; 40, с. 57-58; 41, с. 19]. Причем в разных странах существовали различные сроки осуществления поспенитенциарного надзора. Так, например, продолжительность испытательного режима при условном освобождении в Великобритании составляла от 9 месяцев до 5 лет для мужчин и от 1 года до 6 лет и 8 месяцев – для женщин. Немецкий юрист Кроне предлагал унифицировать продолжительность данного испытательного срока и установить его для всех условно-освобожденных продолжительностью 3 года. Однако это предложение встретило критику по причине «механического» уравнивания лиц, совершивших и незначительные, и опасные преступления, то есть отсутствия индивидуального подхода к правонарушителю [42, с. 56].

Интенсивность и характер поспенитенциарного надзора в различных странах также отличались значительным разнообразием. Чаще всего надзор был связан с воспрепятствованием свободе передвижения лица, самовольной перемене места жительства, обязыванием его выполнять те или иные требования органов надзора [31, с. 44]. К примеру, в Германии условно-освобожденный поступал под надзор полицейских властей. Ему вменялось в обязанность не покидать свое место жительства более чем на 48 часов, трудиться, не заниматься пьянством и не заводить знакомств с сомнительными личностями. Нарушение хотя бы одного из этих правил позволяло возвращать его в тюрьму для отбывания оставшейся части наказания. В свою очередь, в Англии поспенитенциарный контроль не имел такой строгости и ограничивался негласным наблюдением за преступником со стороны полиции, а основные функции такого контроля выполнялись общественным патронатом, тесно контактирующим с судами [28, с. 35-36; 42, с. 56].

Таким образом, институт УДО с осуществлением постпенитенциарного контроля довольно широко применялся на практике в анализируемом историческом периоде. Так, например, во Франции в 1889 г. из числа 4092 освобожденных из тюрем мужчин 609 человек были освобождены условно, а из 515 женщин – 158 осужденных. При этом в исследовательской литературе того времени отмечалась высокая эффективность осуществления условного освобождения: например, в Венгрии в 1880-1884 гг. из 2673 условно-досрочно освобожденных только 46 не выдержало требований испытания. В Бельгии в 1890 г. на 106 условно-освобожденных был зарегистрирован только 1 случай рецидива. Во Франции в 1884 г. из 3776 досрочно освобожденных лишь 27 человек были возвращены в тюрьму. Особо примечательно, что среди лиц, освобожденных условно, довольно значительный удельный вес занимали рецидивисты: в частности, в странах Европы с 1888 по 1890 гг. из числа 2833 освобожденных досрочно рецидивисты составили 619 человек [28, с. 34-35].

В целом постпенитенциарный надзор, осуществляемый при применении

УДО, имел много общего с испытательным надзором, который предусматривался при условном осуждении. Содержанием как того, так и другого являлись наблюдение и контроль за поведением лица, в отношении которого он был применен, со стороны специальных должностных лиц, соединенное с определенными условиями и правоограничениями. В то же время в основе испытательного надзора при применении этих институтов были положены несколько разные идейно-теоретические (концептуальные) соображения [28, с. 46]. Так, постпенитенциарный надзор рассматривался, главным образом, как дополнительное наказание и был направлен в основном на предупреждение совершения лицом повторных преступлений. Цель исправления правонарушителя перед ним либо вовсе не ставилась, либо рассматривалась в качестве второстепенной. В связи с этим в процессе его осуществления акцент ставился преимущественно на правоограничения, которые затрудняли бы возможность рецидива (запрещение поднадзорному покидать без разрешения установленное место жительства, выходить из дома в вечерние и ночные часы, являться в установленное время в полицию для регистрации и т.п.). Кроме того, соответствующие меры применялись вне зависимости от исправления лица и, как правило, в течение длительного времени или пожизненно. Следовательно, постпенитенциарный надзор фактически сам по себе приобретал определенный характер кары, наказания. И этот факт, как отмечает О.В. Филимонов, «вызывал недоверие к поднадзорным со стороны населения, нередко подвергавшего этих лиц дополнительным унижениям, страданиям» [31, с. 46].

В свою очередь, испытательный надзор при условном осуждении был основан на идее о возможности исправления правонарушителей без изоляции их от общества, но в условиях постоянного наблюдения за ними, сопряженного с угрозой возможного применения наказания или реального исполнения назначенного. Соответственно, в процессе его осуществления ставка делалась не на установление правоограничений, а на соблюдения лицом определенных условий, которые должны были стимулировать его к правопослушному поведению, а также «облегчать усилия должностного лица по его исправлению» [31, с. 46-47].

Так, например, согласно законодательству штата Нью-Йорк (США) 1910 г., условно осужденный обязан был соблюдать следующие условия: не предаваться вредным, незаконным и порочным наклонностям; избегать подозрительных или порочных лиц и мест; представлять отчеты о себе; давать ответы на расспросы попечителя относительно своего поведения и условий своей жизни; допускать периодические посещения [33, с. 9-10]. При этом испытательный надзор осуществлялся в течение сравнительно непродолжительного времени, в связи с чем отношение к поднадзорным со стороны населения было более терпимым. Этому способствовало и то, что условно осужденные формально не могли считаться преступниками, поскольку обвинительный приговор в отношении них не выносился [31, с. 47]. Именно поэтому испытательный надзор за условно осужденными в науке уголовного права того времени оценивался как прогрессивный институт и в этом смысле

противопоставлялся постпенитенциарному надзору. Если последний признавался по своей сущности наказанием, то испытательный надзор и патронат рассматривались как особые и при этом как весьма перспективные меры уголовно-правового воздействия [32, с. 420-422; 42, с. 347].

Критика в адрес постпенитенциарного надзора привела к тому, что в ряде стран он был вовсе отменен, и законодательно был предусмотрен только испытательный надзор и патронат. Однако в целом ряде других стран постпенитенциарный надзор не только был сохранен, но, напротив, был еще более ужесточен и стал осуществляться в условиях специальных учреждений полузакрытого типа, играя роль своего рода переходной меры от тюремного заключения к полному освобождению [31, с. 48]. Одновременно в ряде государств постпенитенциарный надзор воспринял положительные черты исправительного надзора и практически стал тождественен ему, а патронат стал распространяться на лиц, как условно-досрочно освобожденных из мест лишения, так и на тех, кто отбыл весь срока наказания. В связи с этим в науке уголовного права изменилась оценка сущности надзора, который стал рассматриваться как особая предупредительная мера и включаться в группу так называемых мер социальной защиты, или мер безопасности [31, с. 48; 42, с. 346-349].

Таким образом, подводя итог проанализированным историческим аспектам формирования практики пробационного контроля, можно сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, история возникновения и становления пробационного контроля как одной из форм probation напрямую связана с развитием испытательного надзора в рамках условного осуждения и постпенитенциарного контроля, осуществляемого в отношении лиц, освобожденных по УДО от отбывания тюремного заключения, практика которых может быть признана оформленной ко второй половине XIX в. Поступательное развитие соответствующей социально значимой практики и ее осмысление в науке уголовного и уголовно-исполнительного права привели к тому, что в некоторых национальных моделях уголовно-исполнительного воздействия происходила унификация контрольно-надзорных мероприятий в отношении правонарушителей (осужденных).

Во-вторых, преимущественная оценка постпенитенциарного надзора была связана с тем, что он фактически выступал в качестве дополнительного наказания и был направлен на предупреждение совершения лицом повторных преступлений. В свою очередь, испытательный надзор был основан на идее о возможности исправления правонарушителей без изоляции их от общества, но в условиях постоянного наблюдения за ними, сопряженного с угрозой возможного применения наказания или реального исполнения уже назначенного. По причине распространения гуманистических концепций относительно наиболее приемлемых практик воздействия на лиц, совершивших преступления, испытательный надзор оценивался как более прогрессивный институт, нежели постпенитенциарный надзор, что, как следствие, привело к прямо противоположным законодательным практикам: полному отказу от

использования инструментов постпенитенциарного контроля (слияние с исправительным надзором в качестве мер социальной защиты) и, напротив, его дальнейшее применение в более ужесточенном варианте с использованием режима «полусвободы» для поэтапной подготовке осужденного к жизни в условиях свободы.

1.2 Правовое регулирование применения и организация осуществления пробационного контроля в ряде зарубежных стран

В настоящее время пробационный контроль существует во многих зарубежных странах в рамках института пробации. Современный институт пробации, как уже отмечалось ранее, возникнув в США в XIX в. на основе условного осуждения, в XX в. трансформировался в системную модель ресоциализации правонарушителей, в самостоятельный метод воздействия на них, основанный на использовании социальных технологий и в условиях осуществления контроля [43]. И, как отмечает Р. Кантон, «стремление улучшить соблюдение прав человека для преступников в общем смысле является еще одним стимулом для развития пробации. Оно связано с целью сокращения применения тюремного заключения» [44, с. 67]. Сегодня пробация является важнейшим институтом сферы уголовного правосудия и предупреждения преступлений во многих странах мира [45, с. 24-25]. Причина такой распространенности, в частности, по мнению М.Р. Гета, заключается «... в том, что она относится к гуманным и эффективным мерам уголовно-правового воздействия, нацеленным на исправление преступника и профилактику правонарушений» [28, с. 42]. При этом в материалах ООН институт пробации определяется как «условная отсрочка исполнения наказания с помещением на это время преступника под индивидуальный надзор с обеспечением над ним руководства и проведения исправительного курса» [46, с. 20].

В свою очередь, в Правилах Совета Европы по пробации она определяется как «процесс исполнения в обществе наказаний и мер, предусмотренных законом и назначенных правонарушителю, которая включает широкий круг видов деятельности и мер воспитательного воздействия, таких как надзор, контроль и оказание помощи, цель которых вовлечение осужденного в общественную жизнь, а также обеспечение безопасности общества» [47, с. 127-150]. Следовательно, современный институт пробации предполагает как осуществление надзора и контроля за поведением лица, в отношении которого она применяется, так и использование мер по коррекции его социального поведения, а равно оказания помощи в социальной адаптации со стороны специального должностного лица (агента, помощника, уполномоченного по пробации). Последний осуществляет контроль за поведением поднадзорного, выполнением им определенных обязанностей и условий пробации и обеспечивает проведение исправительного курса [48, с. 369].

Как отмечает В.П. Шупилов, в основе института пробации, применяемого в зарубежных странах, «... лежит идея о возможности широкого использования некарательных мер воздействия на преступников, осуществления их перевоспитания путем оказания им помощи, направленной на восстановление их личности и осуществление контроля за их поведением [49, с. 5-6, 15]. Практически во всех случаях пробация предполагает соблюдение лицом, в отношении которого она применяется, определенных условий и

правоограничений: несовершение новых преступлений и выполнение обязанностей, специально определенных судом в приговоре. При этом условия и правоограничения, налагаемые на осужденных в процессе probation, во всех странах в основном совпадают по своему содержанию и направленности. К их числу, например, относятся: воздерживаться от посещения запрещенных судом мест (увеселительных заведений, казино и пр.), не общаться с определенными лицами, не владеть огнестрельным и (или) другим оружием, возместить причиненный ущерб, сообщать суду о любом изменении места жительства и работы, являться по вызову агента по probation и т.п. Вместе с тем в ряде стран суд может установить probation с обязательным пребыванием в специальных учреждениях, а также обязать осужденного пройти соответствующий курс лечения (психиатрический, лечение от алкоголизма и наркотической зависимости), продолжить профессиональное обучение и др. [31, с. 51-52; 48, с. 369; 49, с. 83].

Таким образом, в зарубежных странах институт probation применяется как в форме осуществление контроля и надзора за поведением лиц, в отношении которых он применяется (т.е. непосредственно в виде probationного контроля), так и в форме оказания им «помощи, направленной на восстановление их личности» путем «вовлечения осужденного в общественную жизнь», т.е. помощи в социальной адаптации. При этом необходимо отметить, что в законодательстве и правоприменительной практике зарубежных государств такое понятие, как «probationный контроль», не применяется. Он выступает в форме именно «надзора и контроля» как соответствующих контрольных функций за поведением лиц, в отношении которых осуществляется probation.

Надзор как «контрольная функция» осуществляется «до, во время или после судебного разбирательства, например, при условном освобождении; на время проведения следствия или суда, в случае освобождения под залог; при условном освобождении от уголовной ответственности; при условном освобождении от наказания или отсрочке отбывания наказания; при досрочном освобождении, в целях обеспечения выполнения лицом установленных условий и возложенных обязанностей» [47, с. 127-150]. В свою очередь, «контроль» как иная контрольная функция – форма probation, которая является разновидностью надзора. Контроль осуществляется за «осужденными после освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы, в отношении которых в соответствии с законом действуют некоторые обязанности, (например, в период УДО), для осуществления непрерывного контроля и продолжения воспитательного воздействия, которое осуществлялось во время тюремного заключения и в целях обеспечения выполнения ими условий освобождения» [47, с. 127-150].

Несмотря на универсальные признаки, присущие институту probation, в каждом государстве, где она применяется, есть собственный национальный опыт ее развития. Как отмечает Р. Харрис, probation – «набор идей и возможностей, которые должны использоваться творчески, стратегически для

решения местных проблем уголовного судопроизводства; структура, в которую могут быть встроены решения, выполнимые и желательные в местных условиях» [44, с. 71]. Но в то же время, по мнению М.Р. Гета, своеобразии пробации в каждой конкретной стране не отменяет ее универсализма и необходимости соответствовать основным критериям современности [43]. Очевидно, именно поэтому в настоящее время пробационный контроль в форме контроля и надзора, осуществляемого в рамках пробации, в ряде зарубежных стран применяется и как одна из мер уголовно-правового воздействия, и в виде уголовно-исполнительной деятельности. Однако в ряде стран данный институт выступает только в форме осуществления пробационной деятельности. При этом в одних государствах законодатель определяет применение пробации как наказание (Швеция, Финляндия, Латвия), в других – относит к иным мерам уголовно-правового характера (Дания), в-третьих – связывает применение этой меры с освобождением от наказания (Эстония), а в некоторых странах вообще не обозначает природу данного института (например, США) [19, с. 13-14].

Осуществление пробации в зарубежных странах, как правило, возлагается на специально создаваемую государственную службу. В большинстве европейских государств эта функция возложена на службы пробации, которые входят в систему органов Министерства юстиции. В ряде стран они являются самостоятельными агентствами (Ирландия, Молдова, Португалия, Румыния); в других – выступают в качестве структурных подразделений тюремного ведомства (Болгария, Финляндия, Франция и др.). При этом, например в Великобритании, Дании, Италии и Швеции, одна и та же структура отвечает за тюрьмы и осуществляет функции пробационной службы. В некоторых национальных моделях службы пробации входят в состав иных ведомств: например, в Сингапуре – в управление Министерства общественного развития и спорта; а в Нидерландах отдельные функции выполняют Национальная служба пробации, Организация по охране психического здоровья и Армия спасения. При этом в ряде европейских государств постепенно возникали новые ведомства (например, в Бельгии – патронажные комитеты). В свою очередь, в Чехии, Эстонии и США офицеры пробации являются сотрудниками суда, а, например, в Латвии создана самостоятельная государственная служба пробации. Кроме того, практически во всех странах Европы, а также в США и Канаде в штатах службы пробации имеются сотрудники, специализирующиеся на осуществлении пробационной деятельности в отношении несовершеннолетних, а также психологи, которые оказывают необходимую консультационную помощь как персоналу службы пробации, так и лицам, состоящим на их учете [50, с. 82-83; 51, с. 113; 52, с. 25].

Основываясь на исследовании сущности института пробации, законодательства и опыта правоприменительной практики данного института в зарубежных странах, можно выделить ряд основных функций службы пробации: 1) сбор информации о правонарушителе с целью предоставления доклада суду, для определения наиболее эффективного для подсудимого вида наказания (т.е. осуществление функций в рамках досудебной пробации); 2) социально-реабилитационная и контролирующая деятельность при исполнении

наказаний, не связанных с лишением свободы, а также в отношении условно осужденных и лиц, на которых судом были возложены определенные обязанности и ограничения при освобождении их от уголовной ответственности (т.е. осуществление функций в рамках приговорной probation); 3) участие в подготовке осужденного к освобождению из пенитенциарного учреждения, в том числе по УДО (т.е. осуществление функций в рамках пенитенциарной probation); социально-реабилитационная и контролирующая деятельность в отношении освобожденных по УДО (постпенитенциарная probation); социально-реабилитационная и контролирующая деятельность при отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (т.е. осуществление функций в рамках как приговорной, так и постпенитенциарной probation); организация процедур примирения и восстановления (т.е. осуществление функций в рамках как досудебной, так и пенитенциарной probation).

При этом в законодательстве большинства государств не предусмотрено осуществление контроля в рамках постпенитенциарной probation за лицами, полностью отбывшими наказание в виде лишения свободы. Такой контроль в форме постпенитенциарного надзора предусмотрен лишь в нескольких государствах, например, в Германии и Великобритании. При этом режим его осуществления практически тождествен режиму надзора при освобождении от отбывания лишения свободы по УДО, а его осуществление возложено на те же органы [31, с. 53]. Таким образом, функции служб probation зарубежных стран достаточно разнообразны и охватывают досудебную стадию, стадии назначения и исполнения уголовно-правовых санкций, а также постпенитенциарную стадию [50, с. 83-84; 51, с. 113]. При этом невыполнение осужденным возложенных на него обязанностей и указаний суда, уклонение от надзора, равно как и совершение нового преступления в течение испытательного срока влечет за собой отмену probation и назначение реального отбывания лишения свободы. Вместе с тем до применения лишения свободы в некоторых государствах суду предоставляется возможность использовать и иные меры воздействия [27, с. 194-231; 31, с. 53; 53, с. 115; 54, с. 52; 55, с. 69].

Институт probation для стран континентальной правовой системы является относительно новым; при этом в Великобритании и США он функционирует на протяжении уже многих десятилетий. Великобритания принадлежит к семье общего права (Common Law), или так называемой англосаксонской правовой системе, в которой главное место среди источников уголовного права традиционно отводится судебному прецеденту. Вместе с тем в настоящее время основными источниками права, в том числе и уголовного, являются статуты (законодательство). При этом отсутствие УК или какого-либо единого законодательного акта, определяющего систему наказаний, восполняется значительным числом законов, определяющих полномочия судов по назначению уголовных санкций [29, с. 8; 56, с. 31; 57, с. 84; 58, с. 52].

В связи с этим система уголовных санкций, порядок их применения и исполнение регламентируются сложным сочетанием прецедентов, норм уголовного, уголовно-процессуального и пенитенциарного права. Кроме того,

несмотря на многочисленные реформы, судебная система Великобритании отличается чрезвычайной сложностью. Наверху иерархической лестницы находится Палата лордов, решения которой обязательны для всех других судов; особое место в судебной системе Великобритании занимают также верховные суды, поскольку они не только рассматривают конкретные дела, но и создают прецеденты. В состав верховных судов входят: Высокий суд, Суд короны и Апелляционный суд. Помимо высоких судов действуют разнообразные нижестоящие инстанции (суды графств и магистратские суды), которые рассматривают около 90% всех уголовных дел. В настоящее время к компетенции магистратских судов в сфере уголовной юстиции относятся определения лицу, подозреваемому в совершении преступления, меры пресечения; рассмотрения нетяжких преступлений; все дела в отношении несовершеннолетних правонарушителей, вне зависимости от тяжести преступления. При этом, например, если мировой судья принял решение об аресте, сотрудник службы пробации готовит досудебный доклад в отношении задержанного [56, с. 32-33; 57, с. 84-87; 59; 60].

В Великобритании до недавнего времени пробация являлась альтернативным лишению свободы видом наказания, применяемым в отношении лиц старше 16 лет, суть которой состояла в установлении определенных ограничений, налагаемых на осужденного. Согласно вынесенному приказу о пробации осужденный должен был находиться под наблюдением службы пробации в течение срока, определяемого судом (от 6 месяцев до 3 лет). Но издание такого приказа происходило только если осужденный был согласен с ним и брал на себя обязанность выполнять условия пробации. В случае отказа суд назначал лишение свободы [25, с. 64; 29, с. 90-91; 31, с. 43; 48, с. 369-370; 60, с. 387; 61, с. 58]. В настоящее время пробация как вид наказания в Великобритании отменен Законом «Об уголовном правосудии» 2003 г. (вступил в силу 4 апреля 2005 г.) и выступает в виде «приказов в интересах общества» (community sentence). При этом данное наказание назначается судом как альтернатива лишению свободы или штрафу и как таковое не предусмотрено в санкциях соответствующих норм уголовного законодательства [57, с. 270-271; 62, с. 63-64]. На фоне опыта зарубежных стран, служба пробации соответствующим образом должна предоставлять досудебные доклады и правильно их использовать для наиболее полной работы по коррекции поведения осужденного и для повышения уровня реабилитации лиц (как в местах лишения свободы, так и за их пределами). [63].

Так, суд (мировой судья) имеет право назначить данное наказание вместо лишения свободы за любое преступление, кроме тех, за которые предусмотрены абсолютно-определенные санкции, а также тех, за совершение которых суд обязан назначить ПЛС или «продленный» срок лишения свободы. Взамен штрафа «наказание в интересах общества» назначается только тогда, когда суд (мировой судья) сочтет, что в интересах правосудия целесообразнее назначить данное наказание лицу, ранее уже трижды приговаривавшемуся к штрафу. Применение «наказания в интересах общества» предусматривает возложение на осужденного соответствующих обязанностей, которые, по

мнению суда, будут способствовать его хорошему поведению и предупреждению рецидива. Но такие обязанности должны быть соизмеримы с серьезностью совершенного преступления и не должны противоречить религиозным убеждениям лица, а также препятствовать его нормальной работе или обучению [57, с. 272-273].

Срок действия «приказа в интересах общества» не может превышать 3-х лет, а в отношении отдельных требований в приказе могут устанавливаться и сокращенные сроки. Функция контроля за лицом, в отношении которого вынесен такой приказ, возложена на службу пробации; при этом Закон «Об уголовном правосудии» 2003 г. предусматривает следующие виды обязанностей, которые могут по отдельности или в сочетании содержаться в «приказе в интересах общества»: 1) «активное поведение», которое предполагает, например, встречи с потерпевшими в течение определенного времени или посещение тематических занятий (например, по программам «обучения навыкам мышления», «по работе с лицами, совершившими сексуальные преступления», «по замещению агрессии»); 2) посещение реабилитационного центра для прохождения определенной программы (например, обучение жизненным навыкам, финансовому управлению, навыкам трудоспособности и устройства на работу). При этом данная обязанность может применяться только к лицам в возрасте от 18 до 25 лет и продолжительностью от 12 до 36 часов, но не более 3-х часов в день; 3) запрет заниматься определенным видом деятельности в течение определенного периода времени (но не более 36 месяцев), конкретно определенной в приказе (например, не заходить в центры ставок и пари; не заходить в определенные пабы и бары, не посещать футбольные матчи и т.п.); 4) запрет на срок от 6 до 12 месяцев пребывания в определенных местах в течение определенного периода времени (например, не появляться на определенной улице, в микрорайоне или районе); 5) обязанность выполнить бесплатные общественные работы (вид которых устанавливается службой пробации) в пределах от 40 до 300 часов в течение 12 месяцев; 6) требование проживать по определенному адресу (согласованному со службой пробации месте) – до 36 месяцев; 7) требование соблюдать «комендантский час», т.е. обязанность лица находиться в течение не менее 2-х и не более 12 часов в день (обычно с 19.00 до 7.00 часов) в период установленного судом времени (от нескольких недель до 6 месяцев) в определенных местах (обычно по домашнему адресу); 8) пройти курс психокоррекционного лечения – только с согласия самого осужденного и, максимум, на 36 месяцев; 9) пройти курс лечения от наркозависимости по месту жительства в специальных наркологических службах (только с согласия самого осужденного на срок от 6 до 36 месяцев; 10) пройти курс лечения от алкогольной зависимости по месту жительства (только с согласия самого осужденного на срок от 6 до 36 месяцев; 11) пройти обучение по специальным реабилитационным программам продолжительностью от 20 до 60 дней, проводимое сотрудниками службы пробации (например, «занятость, образование и профессиональная подготовка», «групповая программа по домашнему насилию»,

«индивидуальная работа по обучению когнитивно-поведенческим навыкам», «индивидуальная программа по работе с лицами, совершившими сексуальные преступления»; «программа, связанная с восстановительным правосудием» и др.) [57, с. 271-272; 62, с. 64; 64, с. 1-3].

При назначении требований в рамках «наказания в интересах общества» суд может применить к осужденному средства «электронного мониторинга» за его поведением (в рамках требований «комендантского часа» и «запрещения пребывания в определенных местах» суд обязан применить к лицу электронный мониторинг) [57, с. 272; 64, с. 2]. Именно в Великобритании впервые в истории Европы спутниковые технологии начали использоваться для контроля за лицами, состоящими на учете службы пробации [29, с. 47; 61]. Так, в конце сентября 2004 г. была введена в эксплуатацию система спутникового наблюдения за преступниками-рецидивистами и педофилами. Вначале нововведение применялось в г. Манчестер, а также в графствах Уэст-Мидлендс и Хэмпшир. В настоящее время территория действия спутникового наблюдения распространена на всю Великобританию, в частности, в отношении угонщиков автомобилей, осужденных условно и условно-досрочно освобожденных [65].

Нарушение требований «приказа в интересах общества» может повлечь либо их ужесточение, либо назначение наказания в пределах санкции, предусматривающей ответственность за совершенное преступления, либо назначение наказания в виде лишения свободы на срок не свыше 51 недели, если санкция, предусматривающая ответственность за совершенное лицом преступление, не предусматривает лишения свободы, а нарушение требований приказа носило преднамеренный и неоднократный характер. В свою очередь, при наличии данных «о хорошем прогрессе» лица в период действия приказа возможна досрочная его отмена либо назначение более мягкого наказания [57, с. 273]. Функции контроля за лицами, в отношении которых вынесен «приказ в интересах общества», осуществляет служба пробации. При этом особого внимания заслуживает опыт деятельности службы пробации Англии и Уэльса, которые ранее действовали только на местном уровне, в графствах и крупных городах. В 2001 г. была создана Национальная служба пробации, которая являлась структурным подразделением Министерства внутренних дел. В дальнейшем, в 2006 г. в Англии и Уэльсе была образована Национальная служба по контролю за правонарушителями (National Offender Management Service - NOMS). Целью ее создания явилось объединение службы пробации и тюремного ведомства, которые ранее были самостоятельными организациями. В мае 2007 г. было создано Министерство юстиции, организующее исполнение всех видов наказаний, как связанных, так и не связанных с лишением свободы, в состав которого и вошла служба пробации [17; 69, с. 66; 66, с. 7].

Впоследствии британское правительство приняло решение, что некоторые функции службы пробации могут быть переданы на конкурсной основе частным организациям, и в 2015 г. из государственной службы пробации функции, связанные с работой с правонарушителями, совершившими менее опасные правонарушения, были переданы в специально созданную частную службу пробации. В 2017 г. служба пробации вошла в образованную

«Службу тюрем и пробации Ее Величества»; в Северной Ирландии и Шотландии существуют свои собственные службы пробации [67, с. 7; 71].

В структуру службы пробации в настоящее время входят: общественная (государственная) служба пробации и частная служба пробации. Государственная служба пробации осуществляет свою деятельность в отношении лиц, совершивших более опасные правонарушения (тяжкие насильственные, все сексуальные посягательства, а также менее тяжкие преступления, за которые назначается более 12 месяцев тюремного заключения). Частная служба пробации осуществляет свою деятельность в отношении лиц, совершивших менее опасные преступления [68]. Основными задачами деятельности службы пробации являются обеспечение надзора за поведением осужденных, проведение «социального исследования» личности правонарушителей, оказание им практической помощи в социальной адаптации. Вместе с тем служба пробации работает не только с осужденными к «наказаниям в интересах общества», но и с лицами, которым наказание в виде тюремного заключения отсрочено или которые временно находятся вне места отбывания наказания либо досрочно освобождены от его отбывания [60; 66, с. 66].

Кроме того, на службу пробации возложены следующие функции:

- 1) организация взаимодействия и сотрудничество с пенитенциарными учреждениями при подготовке осужденных к освобождению и оказание социальной помощи лицам, освобождающимся из мест лишения свободы;
- 2) обеспечение возможности примирения в системе «жертва-преступник»;
- 3) наставничество, т.е. возможность назначения наставника правонарушителю.

При этом наставником может быть полицейский, родственник, социальный работник, волонтер, но это должен быть человек, заинтересованный в оказании помощи [67, с. 11]. Сотрудники службы пробации включаются в работу с правонарушителями с момента, как они попадают в полицию, и в их обязанности входит подготовка досудебного доклада с целью оказания помощи суду в определении наиболее эффективного вида наказания. Аналогичные доклады также готовят для решения вопроса о мере пресечения, а также при подготовке материалов о досрочном условном освобождении осужденного [67, с. 12-13; 68].

Службу пробации Ее Величества возглавляет главный офицер пробации, на местах же образованы пробационные округа. В пробационных округах руководящим органом являются комиссии по пробации, состоящие из мировых судей и граждан, «которые пользуются уважением в обществе». Комиссия назначает сотрудников службы пробации в округе, контролирует их финансовые отчеты, работу и т.п. [60; 66, с. 66; 72 с. 69]. При этом сам пробационный контроль заключается как во встречах «клиентов» с сотрудником службы пробации, так и в обязанности этих лиц участвовать в определенных программах исправления, которые определены судом. При этом в Великобритании существует определенная «Система оценки уровня опасности правонарушителя (OASys)» (система оценки рисков), которая рассчитывает возможности совершения «клиентами» повторного

правонарушения, а также потребности в проведении с ним программ коррекции поведения [67, с. 14-15; 68]. В рамках постпенитенциарной пробации деятельность осуществляется в отношении: отпущенных из пенитенциарного учреждений по лицензии; освобожденных по УДО; лиц, совершивших тяжкие преступления (в рамках программы «Prolific and Priority Offender – PPO»). Кроме того, деятельность по осуществлению постпенитенциарного надзора в отношении отдельных категорий освобожденных осуществляется в рамках программы «Межведомственная государственная защита общественной безопасности – MAPPA», которая начинается за 6-8 месяцев до освобождения по инициативе администрации пенитенциарного учреждения и в зависимости от степени опасности правонарушителя для общества. Также существует отдельная программа работы с правонарушителями старше 21-го года, которые отбыли краткосрочные периоды тюремного заключения (Integrated Offender Management Schemes – IOMs), направленная на восстановление социального статуса, обучение, получение профессиональной квалификации [67, с. 16; 71].

При освобождении по лицензии в отношении лица также могут быть установлены определенные требования, а период действия лицензии зависит от отбытого срока наказания. После срока действия лицензии устанавливается еще дополнительный период реабилитации освобожденного. При этом за 6 месяцев до применения лицензии офицер службы пробации составляет отчет, который состоит из данных о правонарушителе и правонарушении; прогноза о будущем поведении освобожденного. В случае нарушения условий освобождения лицу могут быть вынесены 2 вида предупреждения - от офицера пробации и от Министерства юстиции [68].

В Великобритании существует институт, схожий с практикой досрочного освобождения – это институт «отсроченного приговора», применяемый к лицам, в отношении которых может быть вынесено наказание в виде лишения свободы сроком от 28 до 51 недели. В этом случае суд признает вынесенный приговор условным и обязывает лицо соблюдать требования, которые предусматриваются законодательством применительно к «приказу в интересах общества». В случае нарушения предписанных требований в течение «периода надзора» либо совершения любого нового преступления суд либо ужесточает предъявляемые к лицу требования, либо постановляет об исполнении приговора полностью, либо об исполнении приговора со смягчением срока наказания. И «период надзора», и «период отсрочки» самостоятельны и определяются судом в размере от 6 месяцев до 2-х лет («период надзора» не может превышать «период отсрочки») [57, с. 265-266].

США также относятся к государствам англосаксонской правовой системы, а по форме государственного устройства представляет собой федерацию, в рамках которой субъекты имеют существенную государственную самостоятельность, в том числе законодательную. В связи с этим в США нет единой уголовно-правовой системы. Существуют федеральное законодательство и законодательство штатов и округа Колумбия, также нет единой уголовной юрисдикции. На территории каждого штата действует как

уголовное законодательство штата, так и федеральное, при этом они действуют параллельно, поскольку отсутствует презумпция верховенства федерального законодательства [29, с. 108; 58, с. 86-87; 59; 70, с. 134]. В США нет как федерального УК, так и УИК в их общепринятом понимании. В 1948 г. Конгрессом США основная масса ранее действовавшего федерального уголовного и уголовно-исполнительного законодательства была пересмотрена и включена в форме законодательных норм в Раздел 18 Свода законов США: «Преступления и уголовный процесс». Вместе с тем существуют и другие федеральные законы, действующие в этой сфере, которые были приняты для урегулирования каких-либо конкретных вопросов [14, с. 547-549; 29, с. 108-111; 58, с. 87; 71, с. 22]. В свою очередь, к источникам уголовного и уголовно-исполнительного законодательства штатов относятся: конституции штатов; специальные законы, содержащие нормы уголовного и пенитенциарного характера; подзаконные акты, издаваемые властями штатов. При этом в системе права штата УК чаще всего представлен в виде главы или раздела его Свода законов. Так, УК штата Нью-Йорк – это гл. 40, УК штата Иллинойс – гл. 38, УК штата Огайо – раздел 29, а УК Кентукки – 50. Не все уголовно-правовые нормы в штатах кодифицированы, многие из них можно обнаружить в отдельных законах [14, с. 549; 29, с. 115; 58, с. 87].

В настоящее время как федеральное уголовное законодательство, так и законодательство штатов предусматривает различные виды наказаний. Вместе с тем основными видами являются смертная казнь – в большинстве штатов страны и на федеральном уровне; тюремное заключение; probation и штраф. При этом на федеральном уровне и в большинстве американских штатов система наказаний строится с учетом деления уголовных правонарушений на ряд категорий, каждой из которых соответствует своя подсистема санкций. Наиболее распространенной классификацией является деление преступлений на две большие группы: на felonies (felony) – наиболее опасные посягательства и misdemeanors (misdemeanor) – менее опасные. Вместе с тем уголовное законодательство ряда штатов предусматривает и так называемые «нарушения», которые в основном представляют собой разного рода дорожно-транспортные происшествия (нарушение правил эксплуатации транспорта, перехода улиц, незаконная парковка) [29, с. 216; 48, с. 123, 346; 59; 72, с. 58-83, 141]. Достаточно четкую границу между felonies и misdemeanors провести не всегда представляется возможным. По общему правилу, felony – это деяние, караемое тюремным заключением на срок свыше 1-го года, а misdemeanor соответственно – до 1-го года. Вместе с тем законодательство отдельных штатов указывает другие критерии отнесения деяния к категории felonies или misdemeanors.

В США probation выступает как в качестве меры уголовно-правового воздействия, так и в качестве уголовно-исполнительной деятельности. Как мера уголовно-правового характера она предусмотрена федеральным законодательством и законодательством всех штатов в качестве альтернативы лишению свободы. Нередко probation включается в систему наказаний [48, с. 123;]. Б.С. Никифоров и Ф.М. Решетников отмечают, что в американской

системе уголовных наказаний пробация является «весьма существенным звеном» [73, с. 85]. Вместе с тем, по мнению И.Д. Козочкина, «пробация – это не наказание, т.к. в решении суда оно (которым могло быть тюремное заключение) даже не указывается» [29, с. 235]. Н.Б. Хуторская в сложной и многоаспектной системе исполнения уголовных наказаний США («corrections» или «correctionalfield») институту пробации отводит особое место как наказанию, возникшему на основе нескольких направлений в криминологии США, в основе юридической природы которого лежит отсрочка исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы [74, с. 7].

Как уже было ранее отмечено, пробация впервые появилась в США в 1878 г., и за время своего существования она претерпела ряд коренных изменений. Если на ранней стадии развития пробации (приблизительно до 1935 г.) считалось, что она исчерпывается наблюдением за условно осужденными лицами, то к началу 70-х гг. XX в. институт пробации рассматривается уже в качестве одного из средств, которое может содействовать достижению определенных успехов в снижении рецидивной преступности [74, с. 8]. В настоящее время применение пробации в США означает, что суд либо откладывает вынесение приговора вообще, либо приостанавливает действие приговора в отношении признанного виновным лица под определенными условиями и на определенный срок с помещением осужденного под надзор специального должностного лица. Последний осуществляет контроль за поведением поднадзорного, выполнением им обязанностей и условий пробации и обеспечивает проведение исправительного курса [48, с. 369; 67, с. 23].

Пробационный контроль, как правило, может быть применен к лицу, совершившему фелонию, если это лицо не осуждено за нее или за иное преступление к реальному сроку лишения свободы, не относящееся к тем деяниям, за которые запрещено назначать пробацию. В некоторых штатах существуют дополнительные условия: отсутствие судимости в прошлом, возмещение всех судебных издержек, предусмотренное наказание не превышает 10 лет лишения свободы [48, с. 371-372; 67, с. 23-24; 75, с. 122]. При этом запрещено применять пробацию в случае, когда суд выносит приговор за более чем одно преступление и назначает наказание в виде тюремного заключения за любое из этих преступлений. В других случаях пробация не может быть назначена, только если это «несовместимо с целями правосудия» (к примеру, осужденный был ранее освобожден по УДО и вновь совершил преступление) [48, с. 372; 67, с. 24].

Как правило, пробационный надзор может быть назначен на срок от 1 года до 5 лет в случае совершения фелонии; при совершении же мисдиминора – на срок до 5 лет; за совершение нарушения (преступления небольшой тяжести) – на срок не более 1 года. Вместе с тем продолжительность пробации на федеральном уровне и в законодательстве штатов определяется по-разному. В одних штатах этот вопрос отдан на усмотрение судей, в других считается, что срок пробации не должен превышать срока тюремного заключения, к которому мог быть приговорен подсудимый, в третьей группе штатов – максимальный

срок установлен в 5 лет. По законодательству отдельных штатов допускается и пожизненная пробация, а в некоторых американских штатах, например в штате Огайо, длительность срока пробационного надзора вообще не определяется, и разрешение данного вопроса оставлено на усмотрение суда. По истечении сроков пробационного надзора лицо считается выполнившим условия приговора и освобождается от выполнения каких бы то ни было обязательств [31, с. 51; 48, с. 372; 67, с. 24; 75, с. 122; 76, с. 28].

Лицо, осужденное к пробации, обязано соблюдать определенные условия, которые устанавливаются судом. При этом судьи вправе предписать соблюдение условий по своему усмотрению, а также видоизменить их перечень в любое время до истечения срока пробации. Как правило, пробация предполагает соблюдение следующих условий: несовершение новых преступлений; запрет на появление в определенных местах, заведениях или даже приближение к ним на определенное расстояние, ограничения в выборе рода деятельности (запрет на управление автомобилем и др.). Также к наиболее распространенным обязанностям, устанавливаемым при применении пробации, относятся выполнение бесплатных общественных работ, запрет владеть огнестрельным или другим оружием, пройти курс обучения или лечения, воздержаться от употребления алкоголя, возместить причиненный ущерб, сообщать суду о любом изменении места жительства и работы, являться в суд и по вызову чиновника службы пробации и т.д. [29, с. 236; 48, с. 374; 67, с. 24; 75, с. 122]. В случае соблюдения осужденным условий, определенных судом, правовыми последствиями пробации являются полное освобождение от какого бы то ни было наказания и отсутствие судимости. В свою очередь, например, по федеральному законодательству, в случае невыполнения осужденным без уважительных причин возложенных на него обязанностей, уклонения от надзора суд может вынести одно из следующих решений: продолжить пробацию с продлением или без продления ее срока, с изменением либо без изменений ее условий или отменить пробацию и назначить другое наказание. В случае же совершения лицом в период пробации нового преступления суд обязан отменить ее и вынести приговор как за прежнее, так и за новое преступление. Такие же последствия неисполнения осужденным условий пробации могут наступить для него и по законодательству штатов [29, с. 237; 48, с. 372-373; 67, с. 46]. Таким образом, пробация в США является одним из элементов системы исполнения уголовных наказаний. И, как отмечает Н.Б. Хуторская, она представляет собой систему, или «структурированную социальную общность, в рамках которой протекает деятельность» по исполнению специфического вида наказания [74, с.11].

В США, как и в большинстве стран, существует система досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы. Причем данная система отличается своеобразием и включает в себя институт УДО и институт «освобождения под честное слово (parole)». При этом институт УДО связан с существованием в американской правовой системе такого понятия, как «неопределенный приговор», который представляет собой вынесение судом

обвинительных приговоров без точного указания в них срока лишения свободы. Суд устанавливал для осужденного лишь общие пределы тюремного заключения, обычно довольно большие (например, 5-20 лет) или очень большие (например, от 20 до 50 лет или даже от 1 года до 99 лет). В свою очередь, «parole» применяется в отношении осужденных, которым был вынесен «определенный приговор». При освобождении по «parole» лицо передается под наблюдение специального органа штата на период, равный неотбытой части наказания, а лицо, освобожденное по УДО, обременяется, например, следующими обязанностями: запрет на поддержание контактов с жертвами преступления или с потенциальными жертвами преступлений (в частности, несовершеннолетними, если преступление включало в себя сексуальное насилие над детьми), или с соучастниками преступления. Также могут быть установлены такие ограничения, как запрет на владение оружием или употребление алкогольных напитков. Кроме того, осужденные могут быть направлены на выполнение бесплатных общественных работ. В случае, если лицо нарушает условия досрочного освобождения или совершает новое преступление, то это влечет направление его в пенитенциарное учреждение [48, с. 382; 67, с. 29, 32, 36; 75, с. 122; 77, с. 10].

В отношении осужденных, отбывающих лишение свободы, в ряде штатов применяется так называемый «ударный» надзор», который осуществляется в рамках программы «ударной пробации» (Shockprobation), которая дает судье право пересматривать первоначальный приговор о тюремном заключении. В процессе отбывания лицом тюремного заключения судья может повторно рассмотреть дело заключенного и заменить ему данное наказание на «испытательный срок в виде пребывания в обществе под строгим надзором со стороны службы пробации». Но такой «надзор» может быть использован только с определенного периода тюремного заключения, а именно через 30-120 дней после вынесения первоначального приговора [67, с. 37].

Осуществление как пробационного, так и постпенитенциарного контроля, как правило, возлагается на разные службы, но в ряде штатов служба пробационного контроля и служба контроля за досрочно освобожденными объединены и входят в единую службу пробации. При этом, по федеральному законодательству, офицер службы пробации при осуществлении надзора за поведением подопечного одновременно является и полицейским, и патронажным служащим. Он может направить подопечного в принудительном порядке на проверку уровня алкоголя или наркотиков в крови или на принудительное психологическое лечение; в случае нарушения условий пробации или условного осуждения он может арестовать поднадзорного без соответствующего ордера. Такие же последствия неисполнения осужденным условий пробации могут наступить для него и по законодательству штатов [17; 29, с. 236; 67, с. 30, 32; 75, с. 122; 78].

Подразделения службы пробации созданы на различных уровнях (штат, округ, город), однако наиболее общей является служба на уровне округа. Все службы пробации, независимо от уровня, находятся в двойном подчинении.

Общий контроль за их деятельностью осуществляет Административный офис при Верховном суде США через свой отдел пробации, а непосредственное руководство – местные суды [17; 67, с. 39; 75, с. 121; 79, с. 45]. Службы пробации в США первоначально начали создаваться с 1878 г. на уровне штатов. Первая такая служба появилась в Массачусетсе. В 1925 г. на федеральном уровне был принят соответствующий закон (Federal Probation Act), который наделял федеральные суды, за исключением суда округа Колумбия, полномочиями по назначению сотрудников федеральной службы пробации. Первоначально федеральная служба пробации была в ведении Федерального управления тюрем, входившего в состав Министерства юстиции. В 40-е годы XX в. она стала частью федеральной судебной системы [27, с. 53; 67, с. 21-22; 78].

В настоящее время на федеральном уровне функционирует Федеральная служба пробации и досудебных услуг (Probation Pretrial Services), которая входит в состав Административной службы федеральных окружных судов и которая осуществляет пробационный надзор в течение периода осуществления уголовного преследования и испытательного срока, а также постпенитенциарный надзор в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные федеральным законодательством. На нее возложены следующие обязанности: 1) предоставление исследований и отчетов, а также рекомендаций для оказания содействия суду в принятии справедливого решения при избрании меры процессуального пресечения, вынесении приговоров и установлении условий надзора; 2) контроль за соблюдением обвиняемыми и осужденными условий надзора в полном соответствии с судебными предписаниями; 3) содействие «позитивным изменениям у обвиняемых и осужденных путем активного вмешательства со стороны сотрудников службы пробации в процесс их исправления» [17; 67, с. 19-20; 78; 79, с. 45].

Все сотрудники Probation Pretrial Services подчиняются Главному офицеру пробации и досудебных услуг в соответствующем федеральном судебном округе, который, в свою очередь, подконтролен главному окружному судье. Надзор за деятельностью сотрудников службы пробации осуществляет Комитет по уголовному праву Конференции судей США, который, в свою очередь, является высшим административным органом федеральной судебной системы США [78]. Но основная нагрузка по осуществлению пробационного и постпенитенциарного контроля ложится на местные органы пробации. При этом структура и организация деятельности этих органов на уровне штатов довольно сложная, нередко агентства рассредоточены среди сотен других, не связанных между собой учреждений, каждое из которых обладает широким спектром функций и организационных структур. Так, например, лица, осуществляющие надзор, работают либо только с несовершеннолетними, либо, к примеру, с лицами, совершившими тяжкие преступления.

В местностях с малочисленным населением юрисдикция лица, осуществляющего надзор, распространяется и на взрослых, и на несовершеннолетних. В других подразделениях офицеры службы пробации

работают в местах содержания под стражей и детских школьных центрах, в ряде из них они контролируют лиц до вынесения приговора или досрочно освобожденных либо осуществляют профилактические коррекционные программы на базе школ. При этом, согласно федеральному законодательству, Генеральный прокурор США (Генеральный атторней) может заключать договоры с частными агентствами или частными лицами, а также с различными неправительственными организациями для наблюдения и попечения над лицами, в отношении которых осуществляется пробация [67, с. 30; 75, с. 122; 78; 79,

с. 41]. Несмотря на существующие различия в подходах к осуществлению пробационной деятельности, основополагающие принципы работы служб пробации едины. В обязанности ее сотрудников входит, прежде всего, осуществление пробационного и постпенитенциарного контроля; ресоциализация лиц, отбывших наказание; их реинтеграция в общество. Сотрудники службы пробации осуществляют надзор за лицами во время испытательного срока или при досрочном освобождении посредством персональных контактов с правонарушителями и их семьями. Встречи могут проходить не только в офисе данной службы, но и по месту жительства «поднадзорного», на работе или в местах прохождения им лечения. В ходе таких встреч офицеры общаются с членами его семьи, друзьями и другими лицами, находящимися в непосредственном контакте с ним. При осуществлении своей деятельности офицеры службы пробации тесно сотрудничают с работниками патронажных агентств, службами социального обеспечения, религиозными учреждениями [75, с. 123; 79, с. 41]. Таким образом, работа по ресоциализации осужденных должна проводиться на всех этапах исполнения наказания (как в период отбывания наказания, так и после освобождения) и в этой нелегкой работе по адаптации должны участвовать не только сотрудники уголовно-исполнительной системы в лице сотрудников пробации в частности, но и уполномоченные государственные органы, органы местного самоуправления. [80].

В США также применяется «пробация с интенсивным надзором». Такой надзор предполагает, что лицо, в отношении которого он применяется, чаще, чем при назначении обычного надзора, встречается с сотрудником пробации и весьма значительно ограничивается в проведении своего досуга. Данный надзор может применяться как в качестве альтернативы лишению свободы при назначении наказания, так и как мера, сопровождающая досрочное освобождение. Программы интенсивного надзора на федеральном уровне и в разных штатах различаются по содержанию. Однако все они имеют общие черты и рассчитаны на небольшие группы лиц; включают надзор, который характеризуется как более жесткий, чем обычный; обязанность лица возместить потерпевшему нанесенный преступлением ущерб; оплатить стоимость осуществления надзора; периодически проходить тестирование на наркотики и др. Продолжительность такой пробации в разных штатах также различна. Так, в штате Джорджия его срок установлен от 6 до 12 месяцев, в Нью-Джерси – от 12 до 56 месяцев, в Иллинойсе - в среднем 12 месяцев [28, с. 46-48; 29, с. 237; 48,

с. 373; 67, с. 33-35; 81 с. 141-142].

В штате Иллинойс процесс такого надзора состоит из 3-х стадий, осуществляемых в порядке уменьшения строгости правоограничений и длящихся 3, 6 и 3 месяца, соответственно. На первой стадии поднадзорный обязан встречаться не менее 5 раз с сотрудником службы пробации еженедельно. Кроме того, он обязан, если не имеет работы, заниматься ее поиском, о чем доводить до сведения службы пробации. Кроме того, поднадзорный не должен оставлять свое жилище после 19.00 часов и, наряду с этим, он привлекается к выполнению общественных работ продолжительностью до 60 часов. От уровня выполнения поднадзорным предписанных ему обязанностей зависит перевод его на 2 стадию. На 2 стадии уменьшается количество встреч поднадзорного и сотрудника службы пробации до 2-х раз в неделю, а продолжительность выполнения общественных работ сокращается до 40 часов. Поднадзорному уже разрешается находиться за пределами своего жилища до 23.00 часов. В случае же перевода поднадзорного на 3-ю стадию правоограничения сокращаются еще больше, а по ее окончании служба пробации передает материалы в суд для решения вопроса о переводе поднадзорного на обычную пробацию или для направления его в места лишения свободы [28, с. 48; 67, с. 35-36].

Как федеральное, так законодательство большинства штатов в качестве дополнительного условия при применении как пробационного, так и постпенитенциарного надзора предусматривают возможность подвергнуть осужденного или досрочно освобожденного электронному мониторингу. Эта мера предполагает обязанность лица не покидать свое место жительства в течение определенного периода времени. При этом в США использование электронного мониторинга в ходе осуществления надзора было предложено Ральфом Швицгелем еще в 1971 г., однако впервые он стал применяться только в 1984 г. в двух штатах – Флорида и Нью-Мексико. Начиная с 1990 г. все американские штаты и федеральная юрисдикция стали использовать электронный мониторинг, который назначается, как правило, лицам, которые не совершили насильственных преступлений либо если использование насилия при совершении преступления было «случайным». При этом, по сложившейся практике, учитывается мнение поднадзорного при его назначении [28, с. 49; 29, с. 237; 49, с. 374-375; 67, с. 36].

Наряду с офицерами, осуществляющими пробационный и постпенитенциарный надзор, в службах пробации есть специалисты по «исправительной работе», которые осуществляют свою деятельность в пенитенциарных учреждениях. Совместно с заключенным, администрацией учреждения и другими органами они осуществляют подготовку и корректирование планов досрочного освобождения. Их сообщения предоставляются соответствующему органу по досрочному освобождению, когда заключенные имеют право на УДО или «parole» [67, с. 38; 76, с. 122].

Служба пробации также является основным органом, который может решить, будет ли возможность предоставить обвиняемому или осужденному испытательный срок. При этом сотрудник службы пробации полномочен не

только определять, представляет ли преступник серьезный риск для общественной безопасности, но и рекомендовать суду меры наказания. В связи с этим офицерами данных служб до суда могут проводиться «предварительные исследования» в отношении подозреваемых, когда последние еще только арестованы полицией. После того, как лицо признано виновным, сотрудник службы пробации должен составить отчет о досудебном расследовании (Presentence Investigation Report – PSIR); при этом они могут привлекаться для дачи разъяснений в суде относительно своих рекомендаций [67, с. 31; 75, с. 123; 78].

По форме государственного устройства Канада является федерацией, в состав которой входят 10 провинций и 3 административно-территориальные единицы. Особая специфика ее правовой системы связана с наличием в национальном уголовном праве ярко выраженного процессуального компонента. Материальные и процессуальные нормы объединены в едином акте УК Канады 1892 г. (в редакции 1985 г. с последующими изменениями и дополнениями)

[82, с. 138]. В Канаде каждая провинция имеет свою собственную правовую систему, вместе с тем уголовные законы относятся к федеральной юрисдикции и поэтому общие для всей страны. При этом дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними (в возрасте от 12 до 18 лет), за исключением тяжких, в соответствии с федеральным Законом «О ювенальной уголовной юстиции» рассматриваются специальными ювенальными судами [83; 84, с. 48-50; 85].

УК Канады не содержит нормы, в которой были бы перечислены все применяемые виды наказаний. На основе анализа ее действующего законодательства С.Т. Сулейманова приходит к выводу, что систему уголовных наказаний Канады представляют probation, штраф, конфискация имущества, налог в пользу жертв преступлений, реституция, условное осуждение к лишению свободы, лишение свободы [84, с. 48-50; 86, с. 18-19]. Согласно Закону «О ювенальной уголовной юстиции», ювенальные судьи также имеют широкий выбор мер наказания - от общественных работы до лишения свободы. По некоторым из этих мер, таких как probation, содержание в исправительном учреждении открытого типа, строгая изоляция, усиленный надзор, помещение в центры ежедневного присутствия предусматривается «работа с поднадзорными» [85].

Компетенция по исполнению наказаний в Канаде разделена между федеральным правительством и правительствами отдельных провинций. На федеральном уровне контроль за исполнением наказаний осуществляет Исправительная служба Канады, находящаяся в ведении Министерства общественной безопасности. В ее обязанности входит не только управление федеральными тюрьмами, но она также отвечает за надзор за правонарушителями, осужденными условно или отбывающими «наказание в обществе». Кроме того, персонал службы также отвечает за реабилитацию освобожденных досрочно и заключенных в период нахождения их в тюрьме [90; 94]. На уровне же провинций управление пенитенциарными учреждениями

и службами, исполняющими наказания, не связанные с лишением свободы (как правило, это службы пробации), может находиться в ведении либо провинциального Министерства юстиции (например, в провинциях Ньюфаундленд и Лабрадор, Нунавут, Новой Шотландии, Северо-Западных Территории и Юконе), либо министерства, отвечающего за охрану правопорядка (провинции Квебек и Онтарио). В составе вышеперечисленных ведомств созданы специальные департаменты (или управления), которые непосредственно занимаются организацией исполнения уголовных наказаний. При этом, например, в провинции Онтарио исполнение приговоров ювенального суда находится в ведении Министерства по делам самоуправления, семьи и детства [84; 87].

Лица, осужденные к пробации и освобожденные досрочно из пенитенциарных учреждений, находятся под надзором служб пробации. Служащие службы пробации работают в каждом регионе провинций под началом региональных менеджеров, при этом численность персонала в службе пробации зависит от населенности региона. Для каждой категории лиц, состоящих под надзором, существуют свои модели программ работы, направленные на снижение рецидивной преступности; в отношении лиц с повышенным риском повторного совершения преступлений применяются программы «с более высоким уровнем социальной работы», в то время как для поднадзорных с низкой вероятностью рецидива применяются программы «со смягченным режимом надзора».

Инспектор службы пробации для работы с поднадзорным назначается руководителем региональной службы пробации по результатам доклада о личности и обстоятельствах жизни подсудимого, подготавливаемого по приказу суда, либо после вынесения приговора о направлении осужденного под надзор по месту жительства либо в места лишения свободы. Данный инспектор работает с соответствующим лицом на протяжении всего срока наказания, а в случае осуждения лица к лишению свободы – и после его освобождения из пенитенциарного учреждения. Работа с поднадзорным осуществляется на основании плана, который включает в себя: 1) уровень надзора, характер и регулярность встреч поднадзорного с инспектором службы пробации; 2) криминогенные факторы потребностей, на которые следует обратить внимание в работе с поднадзорным; 3) факторы, которые должны учитываться при реагировании на поведение поднадзорного; 4) наименование поставщиков услуг или агентств, которые будут предоставлять программы с применением когнитивно-поведенческого подхода; 5) график направления поднадзорного на участие в программах; 6) формы участия представителей общественности, также медико-санитарных работников, полиции, педагогов, работодателей, психологов и др. в работе с поднадзорным. В процессе работы с поднадзорным план работы может подвергаться корректировке. Кроме того, в зависимости от поведения поднадзорного, в случае необходимости, сотрудник службы пробации может выходить с ходатайством о пересмотре режима пробации, а также об отмене пробации и применении к нему более строго наказания. На всем протяжении работы с поднадзорным инспектор службы пробации

осуществляет контроль за выполнением им обязанностей, уставленных судом, а также выполняет роль координатора в оказании ему помощи в ресоциализации.

Также служба пробации осуществляет работу и с осужденными, в отношении которых выносится приговор в виде лишения свободы. В течение первых 30 дней после поступления осужденного в пенитенциарное учреждение разрабатывается план работы по реинтеграции его в общество после освобождения. Кроме того, инспектор службы пробации осуществляет руководство реабилитационным программированием и оказывает содействие администрации пенитенциарного учреждения в разработке собственных планов работы реинтеграции. Поскольку досрочное освобождение в Канаде предполагает исполнение осужденным определенных условий, то, исходя из принципа непрерывности осуществления пробации, один и тот же инспектор службы пробации, как правило, работает с поднадзорным до помещения лица в места лишения свободы, во время пребывания в изоляции и после возвращения к месту жительства. При этом в работе с лицом, освобожденным досрочно, обязаны принимать участие все предусмотренные законодательством органы и учреждения; служба пробации может привлекать к работе с поднадзорным добровольцев-партнеров из местной общественности.

В рамках осуществления пробационного контроля в Канаде широко используются различные когнитивно-поведенческие программы, направленные на изменение антисоциального прокриминального поведения. В основном осуществляются 3 такие программы: обучение навыкам преодоления стрессовых ситуаций, когнитивной реструктуризации и обучение решению проблем, которые дополняют друг друга [85].

Пробация как форма социально-правового контроля существует и в странах Европы. При этом пробационная деятельность осуществляется как в отношении осужденных, приговоренных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, так и в отношении лиц, освобожденных из пенитенциарных учреждений. Осуществление данных форм социального контроля возлагается на специально создаваемые социальные службы, как правило, службы пробации. Почти во всех странах Европы (Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Исландия, Италия, Люксембург, Македония, Нидерланды, Португалия, Сербия, Словакия, Словения, Франция, Финляндия, Чехия, Швеция) службы пробации находятся в ведении Министерства юстиции. В некоторых странах Европы нет отдельных министерств внутренних дел (полиции) и юстиции, в них одно государственное ведомство выполняет функции и того, и другого (Норвегия и Швейцария). Для руководства органами и учреждениями, исполняющими уголовное наказание, в составе Министерства юстиции или в «объединенном министерстве» образуется специальный департамент (агентство, комитет). Структура и организация службы исполнения наказаний, в том числе служб пробации, также может варьироваться в разных странах [87].

На региональном уровне для организации пробационной деятельности создаются оперативные группы (команды) из 8–10 сотрудников, которые функционируют, как правило, по территориально-отраслевому принципу. При

этом часть сотрудников осуществляют надзор за осужденными, проживающими на определенной территории, а часть – реализуют программы, направленные на их социальную реабилитацию. В большинстве европейских стран по нормативам за одним сотрудником службы пробации возможно закрепление до 50 поднадзорных. Количество лиц, находящихся под патронажем одного сотрудника, может быть снижено в случаях, если поднадзорные являются особо «трудными» либо сотрудник реализует много программ по ресоциализации осужденных [66, с. 66-67].

К настоящему времени широкое применение пробации сложилось во Франции, где она представляет собой условное осуждение с режимом испытания, сопровождаемое надзором, которое может быть назначено лицу в случае осуждения к тюремному заключению вне зависимости от срока наказания. Режим испытания (*l'epreuve*) предусмотрен при применении институтов «отсрочка исполнения наказания» и «отсрочка назначения наказания» [28, с. 355; 48, с. 377; 69, с. 80]. Отсрочка исполнения наказания характеризуется тем, что суд, признав подсудимого виновным и назначив ему наказание, выносит решение о том, что исполнение данного наказания будет отсрочено; данная отсрочка представлена в 3-х видах – простая, с режимом испытания, с обязанностью выполнять общественные работы. Отсрочка назначения наказания характеризуется тем, что суд, признав подсудимого виновным, наказание ему не назначает, а выносит постановление о том, что решение вопроса о наказании будет вновь рассматриваться через время; данный тип отсрочки также представлен тремя разновидностями: простая, с режимом испытания, с предписанием. Во всех этих случаях предусмотрено нахождение лица под надзором службы пробации [28, с. 356; 48, с. 76-377; 56, с. 201-202; 57, с. 294-295].

Режим испытания включает в себя, прежде всего, выполнение тех обязанностей, которые возложены на осужденного судом. Так, например, режим испытания при отсрочке исполнения наказания включает исполнение следующих обязанностей: отвечать на вызовы сотрудника службы пробации, предоставлять ему сведения и документы, необходимые для контроля за средствами существования осужденного и предупреждать об изменении места жительства и работы. Кроме того, в каждом конкретном случае, с учетом личности осужденного и обстоятельств совершенного преступления, судья вправе возложить на него и другие обязанности. К таким обязанностям могут быть причислены продолжение образования или профессионального обучения; прохождение медицинского обследования или лечения; возмещение ущерба даже при отсутствии гражданского иска; воздержание от управления некоторыми транспортными средствами; непосещение мест продажи спиртных напитков; непосещение других осужденных, в частности, соучастников преступного деяния; нехранение или ношение оружия и пр. В процессе осуществления режима *l'epreuve* судья имеет право отдавать распоряжение о приводе осужденного, не выполняющего свои обязанности и уклоняющегося от встречи с сотрудниками службы пробации, а также распоряжаться о розыске скрывшегося лица, подвергнутого режиму испытания.

Судья может также на основании мотивированного постановления службы пробации помещать лицо, уклоняющееся от выполнения предписанных условий испытания, в арестный дом на срок до 5 суток и одновременно начать процедуру об отмене отсрочки и исполнении наказания. Также суд вправе полностью или частично отменить отсрочку исполнения наказания, если осужденный в течение испытательного срока совершил новое уголовное правонарушение, за которое ему назначается лишение свободы, либо он не выполняет возложенные на него судом обязанности. По истечении испытательного срока в случае, если отсрочка не была отменена, лицо считается несудимым [21, с. 356-357; 48, с. 377-378; 56, с. 202-203; 57, с. 294-295; 69, с. 80].

Режим пробации при отсрочке исполнения наказания с возложением на осужденного обязанности выполнять общественные работы предполагает безвозмездную работу в диапазоне от 40 до 240 часов, однако этот вид отсрочки может быть назначен только при согласии осужденного. Лицо, в отношении которого применен данный вид отсрочки, находится под надзором службы пробации и, помимо выполнения таких работ, обязано выполнять те же обязанности, которые предусмотрены при применении отсрочки с испытанием. В данном случае испытательный срок равен сроку выполнения общественных работ [29, с. 357; 48, с. 378; 56, с. 203; 57, с. 295].

При применении отсрочки назначения наказания с режимом испытания суд может назначить испытательный срок, который не может превышать 1 года. Обязанности, которые должно исполнять лицо при данном виде отсрочки, аналогичны тем, которые предусмотрены режимом испытания при применении отсрочки с испытанием. По истечении испытательного срока суд может либо полностью освободить виновного от наказания, либо назначить наказание, предусмотренное законом за совершенное ранее преступное деяние, либо вновь отсрочить назначение наказания [29, с. 357; 48, с. 378; 56, с. 203-204; 57, с. 296].

Во Франции на службы пробации также возложены обязанности по надзору за освобожденными по УДО, причем сама процедура УДО сопровождается «особыми условиями» и «мерами содействия и контроля», которые «призваны облегчить и подтвердить возвращение освобожденного к нормальной жизни» (срок применения таких мер определяется при принятии решения об УДО, но он не может быть меньше неотбытой части наказания). Вместе с тем данный срок не должен превышать 1 года, а для освобожденного от отбывания ПЛС такой срок составляет от 5 до 10 лет. Решение об УДО может быть отменено «в случае нового осуждения, ставшего известным дурного поведения», нарушения условий, специально установленных решением об УДО. В случае отмены УДО в силу совершения лицом нового преступления к наказанию за новое преступление присоединяется неотбытый срок предыдущего осуждения. Если же в течение установленного срока УДО не было отменено, освобождение становится окончательным [29, с. 359-360; 48, с. 385; 57, с. 297-298].

Функции по надзору за условно осужденными и условно освобожденными во Франции осуществляют комитеты по пробации под

председательством специальных судей по исполнению наказаний. В состав такого комитета, кроме судьи, входят сотрудники комитета (агенты по пробации), помощники сотрудников (стажеры), социальные работники-консультанты (как правило, педагоги) и секретарь, выполняющий техническую работу. При комитетах создаются специальные ассоциации из представителей благотворительных организаций и фондов, которые, в частности, помогают решать вопросы с оказанием материальной помощи лицам, состоящим на учете в службе пробации. К работе комитетов привлекаются также добровольцы из числа общественности [69, с. 81].

В Германии испытательный надзор осуществляется в рамках условной отсрочки наказания и УДО; при этом существует и «условная отсрочка назначения наказания», которая как своего рода разновидность условного осуждения применяется только по Закону «О судах по делам несовершеннолетних». Условная отсрочка исполнения наказания может быть предоставлена судом при следующих условиях: назначенное наказание в виде лишения свободы не превышает 1 года (в отдельных случаях – 2-х лет) и судом констатируется возможность осужденного «учесть приговор» и в будущем не совершать преступных деяний, что делает реальное исполнение наказания излишней мерой. В отношении же взрослых правонарушителей испытательный срок устанавливается продолжительностью от 2 до 5 лет. Предоставляя отсрочку, суд вправе возложить на условно осужденного определенные обязанности, в частности, посильное возмещение ущерба, причиненного деянием; выплату определенной денежной суммы; выполнение общественных работ и другие, в том числе конкретно не предусмотренные в законе, за исключением «заведомо невыполнимых» [28, с. 56-57; 29, с. 408-409; 48, с. 380; 62, с. 318-319].

Помимо возложения обязанностей, суд в необходимых случаях может дать осужденному «указания» с целью «оказания ему помощи», которые позволят ему в дальнейшем не совершать преступлений. К таким указаниям, в частности, относятся требования о месте пребывания, работе, досуге; о явке в определенное время в суд или другое учреждение; о запрете общаться с определенными лицами; о запрете хранения предметов, которые могут быть использованы при совершении преступления, и др. Такие «указания», как лечение или помещение в специализированное учреждение, могут быть применены только с согласия осужденного. В период испытательного срока перечень указаний и возложенных на осужденного обязанностей может видоизменяться по решению суда [29, с. 409-410; 48, с. 380; 62, с. 319].

Примечательно, что в Германии не существует служба пробации, а в период условного осуждения лицо находится под контролем «помощника судьи по условному осуждению», который наблюдает за выполнением им обязанностей и указаний и регулярно сообщает суду о его образе жизни, о грубых и систематических нарушениях обязанностей или указаний. При этом главной задачей помощника судьи является оказание помощи осужденному в период испытательного срока, в том числе его опека. Помощниками судьи по

условному осуждению могут являться как штатные сотрудники суда, так и граждане, выполняющие данную работу на общественных началах. Вместе с тем, в отличие от иных национальных моделей, институт добровольных помощников пока не получил широкого распространения. Помощник судьи периодически встречается со своим клиентом, выясняет его проблемы, оказывает помощь в их решении и осуществляет исправительные программы. Кроме того, он через определенные промежутки времени, установленные судом, предоставляет в распоряжение последнего информацию об образе жизни своего

подопечного

[21, с. 410; 48, с. 381; 57, с. 319-320; 88, с. 117]. По истечении испытательного срока, если в этот период суд не отменяет условную отсрочку наказания, лицо освобождается от наказания. Отмена условной отсрочки наказания допускается в случаях совершения осужденным в период испытательного срока нового преступления; грубого или систематического нарушения указаний либо систематического уклонения от надзора; грубого или систематического нарушения возложенных на него обязанностей и при наличии других условий, указанных в УК ФРГ. При этом такая отмена не всегда является обязательной – суд может отказаться от отмены условной отсрочки, если сочтет достаточными такие меры, как возложение других дополнительных обязанностей, дача новых указаний, продление испытательного срока. Уголовным законодательством ФРГ предусмотрено осуществление и постпенитенциарного контроля в отношении лиц, освобожденных по УДО [35, с. 410; 48, с. 381; 57, с. 320].

В Нидерландах пробация появилась в рамках условного осуждения в 1832 г. как результат инициативы частных лиц, а в 1915 г. рассматриваемый институт получил уже законодательное закрепление. Действующая законодательная база деятельности службы пробации Нидерландов была сформирована в 1995 г. с выходом специального акта «О пробации и наблюдении за лицами, освобожденными из заключения» (Reclasserings regeling), а также с введением ряда параграфов в законы, касающиеся определенных мер наказания, не связанных с изоляцией осужденных от общества [34, с. 59; 89, с. 2]. Деятельность службы пробации здесь в основном сосредоточена на взрослых преступниках, а пробационная деятельность в отношении лиц моложе 18 лет осуществляется Советом по защите детей. Но в некоторых случаях преступники в возрасте от 16 до 18 лет могут быть отнесены к ведению службы пробации (тяжкие преступления, рецидив) [89, с. 3].

В настоящее время в Нидерландах существуют три организации, которые осуществляют пробационную деятельность: Служба пробации Нидерландов (Reclassering Nederland), Служба социальной реабилитации для наркозависимых правонарушителей (Stichting Verslavingsreclassering – SVG), а также Армия спасения службы пробации (Legerdes Heils Reclassering). Согласно законодательству о пробации и постпенитенциарной опеке, пробационные организации находятся в ведении Министерства юстиции. Оно также определяет, каким образом осуществляется субсидирование в области пробации в соответствии с Правилами выполнения 2005 г. (Uitvoerings regeling). При этом, например, основными задачами службы пробации Нидерландов являются

проведение предварительного социального исследования личности правонарушителя, осуществляемое по поручению прокуратуры или суда (в исследовании должен содержаться вывод о целесообразности применения условного осуждения к конкретному лицу); осуществление надзора над обвиняемыми и осужденными в рамках применения мер условного наказания и полусвободного содержания; направление лиц, противоправное поведение которых связано с наркоманией или психическими расстройствами, в лечебные учреждения; психологическая коррекция поведения осужденного в случае возникновения у него соответствующих затруднений; проведение различной воспитательно-профилактической работы в местах лишения свободы; организация общественных работ [28, с. 60; 89, с. 6-20].

УК Нидерландов с 1987 г. предусматривает возможность применения пробации ко всем видам основных наказаний, за исключением общественных работ. В свою очередь, срок наказания в виде лишения свободы, от которого лицо может быть освобождено по УДО, не может превышать 3 лет. В рамках условного наказания суд может наложить на осужденного ряд обязанностей, которые он должен соблюдать в период испытательного срока и нарушение которых может привести к отмене условного осуждения. К ним, в частности, относятся прохождение определенного курса или программы (например, с целью коррекции поведения); запрет на посещение определенных мест (например, для защиты потерпевших); возмещение ущерба потерпевшему; прохождение курса лечения. Кроме того, суд может установить минимальное количество регулярных личных контактов осужденного с сотрудником службы пробации и участие в одной или нескольких программах. Пробационный надзор применяется также к лицам, освобожденным по УДО, и лицам, отбывающим «условное тюремное заключение». В обоих случаях общим условием применения данных институтов является то, что осужденный не должен совершать преступления в период срока досрочного освобождения. Также на осужденного могут быть наложены особые условия, такие как запрет на определенные контакты; запрет на доступ к определенным местам; запрет употребления алкоголя; обязательство о регулярной отчетности; пройти тот или иной учебный курс; пройти лечение от алкоголизма или наркомании. Если осужденный не выполняет условий, освобождение может быть отменено; в этом случае осужденный должен отбыть оставшийся срок или его часть [89, с. 23-34; 90, с. 67].

Отделение службы пробации состоит из 24-34 штатных сотрудников, однако также задействованы и добровольцы-волонтеры (представители женских, молодежных, правозащитных движений). Сотрудники, осуществляющие надзор, работают одновременно в среднем с 24 подучетными лицами, а сотрудники подразделения общественных работ – примерно в отношении 85 правонарушителей. Кроме того, офицеры службы пробации одновременно выполняют работы по диагностике и консультированию с подготовкой докладов о социальном обследовании [28, с. 60-61; 89, с. 23-48].

Институт пробации применяется и в Швеции, причем достаточно подробно регламентирован уголовным законодательством. Пробационный

надзор может быть назначен как самостоятельная уголовно-правовая мера в тех случаях, когда суд придет к заключению, что наказания в виде штрафа недостаточно. Пробация как комплекс специфических мер может сопровождать и процедуру УДО. Особенностью шведского варианта probation является то, что она может сочетаться с целым рядом иных уголовно-правовых мер: с выплатой штрафа, с выполнением бесплатных общественных работ, с краткосрочным лишением свободы. При этом допускается совместное назначение штрафа и probation даже тогда, когда штраф вообще не предусмотрен в санкции статьи, предусматривающей ответственность за данное преступление. Более того, надзор может быть дополнен новыми обязанностями, а предписания зачастую устанавливаются судом по результатам личного расследования, проведенного службой probation.

Как правило, probationный надзор в Швеции назначается на 3 года. Процесс его осуществления состоит из 2-х стадий. На 1 стадии в течение 1 года за осужденными осуществляется контроль; при отсутствии тех или иных нарушений со стороны осужденного в дальнейшем осуществление контроля над ним прекращается, причем без специального на то распоряжения суда. В случаях, когда в течение срока probation осужденный проходит обследование или подвергается лечению и для их завершения требуется продолжительное время, период надзора может быть продолжительнее. Если в первый период осужденный совершит те или иные нарушения, испытательный срок может быть продлен, но в обоих случаях надзор не должен превышать общего 3-х летнего срока [69, с. 79; 91, с. 105, 110, 234-235; 92].

В качестве одного из условий probation может выступать выполнение общественных работ объемом от 40 до 240 часов, в течение которых осужденный должен трудиться не менее 4 часов в день. При этом общественные работы не назначаются лицам, страдающим наркоманией, лицам агрессивного поведения, психически нездоровым лицам, а сам вид общественных работ выбирается службой probation, которая и контролирует их выполнение осужденным. Работодателями в данном случае могут выступать как муниципальные службы, так и церкви, спортивные клубы и клубы отдыха, общественные организации; при этом труд осужденных не может быть связан с детьми и пожилыми людьми. Если осужденный после второго уведомления не является для их выполнения или уклоняется от труда, то об этом сообщается прокурору с ходатайством о замене общественных работ лишением свободы [92; 93, с. 182].

Несмотря на то, что probationный надзор с выполнением общественных работ не может быть назначен лицам, страдающим алкогольной или наркотической зависимостью, если такое лицо совершило преступление, влекущее наказание в виде лишения свободы на срок до 2-х лет, ему может быть назначен надзор в сочетании с лечебной программой. Соответственно, условия, необходимые для назначения надзора с лечением по контракту – это наркотическая, алкогольная, «игровая» зависимость. В случае вынесения судом меры наказания в виде надзора с лечением по контракту между осужденным, службой probation и лечебным учреждением заключается договор о лечении.

При этом 2/3 срока лечения оплачивается службой пробации, а остальное – социальной службой. Нарушение условий контракта влечет отбывание наказания в виде лишения свободы. Пробация может совмещаться с тюремным заключением, продолжительность которого составляет не менее 14 дней и не более 3-х месяцев. Согласно шведскому уголовному законодательству, по отбытию осужденными к лишению свободы определенного срока наказания, они имеют право на УДО. Данная категория осужденных состоит на учете службы пробации в течение 1-го года [91, с. 25, 243; 92; 93, с. 178, 182; 94].

Служба пробации Швеции находится в ведении единой Службы тюрем и пробации, которая является структурным подразделением Министерства юстиции. Помимо центрального аппарата, служба осуществляет управленческие функции при помощи 5 региональных управлений, а средняя нагрузка одного инспектора составляет 25 человек. Местные пробационные отделы исполняют три основные функции: оказание помощи суду в избрании адекватного наказания обвиняемому посредством представления досудебного доклада; осуществление надзора в отношении лиц, осужденных к уголовному надзору, а также освободившихся из мест лишения свободы по УДО и оказание им «социальной поддержки»; координация реализации лечебных и иных реабилитационных программ, организуемых местными властями и некоммерческими организациями.

При этом необходимо отметить, что сотрудник службы пробации включается в работу сразу же с момента задержания лица по подозрению в совершении преступления. После принятия судом решения об аресте правонарушителя и помещения его в места изоляции от общества сотрудник службы пробации (по запросу суда) готовит на заключенного так называемую социальную характеристику. Данные, содержащиеся в ней, и заключение о целесообразности применения той или иной альтернативной санкции необходимы суду для принятия взвешенного решения о применении к лицу того или иного вида наказаний [94; 95, с. 174-175, 177; 96, с. 89-93; 97].

Осуществление надзора проводится на основе индивидуальных планов, составляемых для каждого осужденного. Осужденный обязан регулярно отмечаться в службе пробации, каждому назначается свой куратор из числа общественных помощников службы пробации (волонтеров). При этом сотрудник службы пробации несет в отношении осужденного контрольную функцию и встречается с ним как, правило, 1 раз в две недели [98, с. 89-93]. Поскольку в стране широко распространена практика привлечения волонтеров к осуществлению функций надзора, более тесный контакт с осужденными поддерживают именно они, что часто выражается в практически ежедневном общении. Волонтеры не состоят в штатах службы пробации и не получают за свою деятельность заработную плату, их деятельность строится на добровольных началах, расценивается как исполнение гражданского долга и не преследует какой-либо выгоды. Вместе с тем им ежемесячно выплачивается денежное вознаграждение, в основном, на покрытие транспортных расходов [93, с. 175; 97]. Волонтеры набираются через центры занятости и объявления в газетах; они не ведут письменную документацию, но обязуются предоставлять

в службу пробации информацию о встречах с осужденными. Обращает на себя внимание тот факт, что многие из числа волонтеров в дальнейшем становятся сотрудниками пенитенциарных служб.

Содержание пробации определяется рядом обязанностей, возлагаемых на осужденного: сообщать наблюдателю о месте жительства, работы, поддерживать с ним регулярные контакты, возместить причиненный ущерб и, в целом, «вести благонравную жизнь». В случае невыполнения перечисленных обязанностей дисциплинарные советы, которые функционируют при службах пробации, вправе объявить осужденному предупреждение; продлить время осуществления надзора на срок свыше 1 года вплоть до окончания срока пробации. В качестве крайней меры в случаях, когда «осужденное лицо в значительной степени пренебрегает своими обязанностями», предусмотрена отмена пробации. Вопрос об отмене пробации ставится перед судом государственным обвинителем по предложению дисциплинарного совета [91, с. 229; 98, с. 89-93; 97].

В случае отмены пробации в связи с невыполнением ее условий суд выбирает другую санкцию, учитывая при этом те принудительные меры, которым был подвергнут осужденный в течение срока пробации. Так, суд должен принять во внимание, если имели место уплата осужденным штрафа, выполнение общественно полезных работ и т.п. В подобных случаях допускается назначение меньшего срока тюремного заключения, чем тот, что предусмотрен в статье за совершение конкретного преступления [91, с. 229-230]. При совершении лицом, подвергнутым пробации, нового преступления суд, в зависимости от тяжести содеянного и ряда других обстоятельств, принимает одно из следующих решений: постановить, что ранее назначенная пробация должна относиться и ко второму преступлению, однако с дополнительным назначением штрафа в форме дневных ставок или общественно полезных работ, или краткосрочного тюремного заключения; либо назначить самостоятельную уголовно-правовую меру за новое преступление, которая будет исполняться наряду с санкциями за прежнее деяние; либо отменить санкцию по предыдущему приговору и назначить другие санкции за прежнее и новое преступления. В первом и во втором случаях допускается продление срока пробации на период до 5 лет [91, с. 253-254].

В Швеции с 1993 г. в качестве альтернативы отбыванию лишения свободы начал осуществляться интенсивный надзор с применением электронного мониторинга. Данный вид надзора может назначаться только с согласия самого осужденного и членов его семьи, причем лицо, осужденное к лишению свободы на срок до 3-х месяцев, может само ходатайствовать о замене тюремного заключения интенсивным надзором, если имеет место постоянное проживание, работает либо учится. Решение о замене принимает местное отделение службы тюрем и пробации на основе рекомендации службы пробации, которая изучает социальное положение осужденного и его психологические характеристики. С 2001 г. этот вид надзора стал также применяться в качестве переходного этапа от тюремного заключения к УДО: лицо, отбывающее лишение свободы, назначенное на срок более 2-х лет, может

быть помещено под интенсивный надзор с применением электронного мониторинга в последние 4 месяца, предшествующие УДО. При интенсивном надзоре работником службы пробации совместно с осужденным составляется расписание, которому последний должен неукоснительно следовать, а все свои незапланированные перемещения осужденный обязан согласовывать с сотрудником службы пробации. Информация о нарушениях поступает на центральный компьютер, и служба пробации принимает самостоятельные меры по установлению места нахождения осужденного либо обращается в полицию.

Электронный мониторинг, впрочем, является не единственным элементом этого вида надзора [93, с. 178-179]. Во время интенсивного надзора представители службы пробации могут осуществлять проверки лиц с посещением их места жительства в целях контроля за тем, чтобы они не допускали случаев употребления наркотических средств и алкоголя. Кроме того, к лицам, состоящим под интенсивным надзором, применяются специальные программы по их исправлению, осужденные обязаны посещать специальные встречи, на которых обсуждаются проблемы преступности, алкоголизма, наркомании и т.п. В случае, если поднадзорный не соблюдает расписание или иные требования надзора, в зависимости от серьезности нарушения ему может быть вынесено предупреждение или принято решение о его возвращении в места лишения свободы. Также необходимо отметить, что существующий в Швеции институт «условного приговора» имеет самостоятельное значение (хоть и имеет схожие черты с пробацией), поскольку не предполагает работу службы пробации с условно осужденным [93, с. 179-180; 94; 99].

Норвегия относится к тем странам, в которых первичные элементы пробации появились еще в начале XIX в., причем изначально функции, связанные с пробационной деятельностью в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, осуществлялись рядом благотворительных частных организаций. Вплоть до второй половины XX в. в Норвегии функции пробации осуществляли волонтеры; в 1980 г. осуществление пробации становится частью функций Министерства юстиции и полиции, в рамках которой была создана Исправительная служба (служба тюрем и пробации). Функции службы пробации в Норвегии, в принципе, не отличаются от функций аналогичных служб в иных странах. Структура Исправительной службы имеет три уровня: центральный, региональный и местный. Центральный уровень представлен Департаментом исправительных служб; второй уровень представлен региональными управлениями, а третий – 49 тюрьмами и 17 отделениями исполнения наказания без изоляции от общества (службы пробации) [87; 100, с. 189].

Местные отделы служб пробации осуществляют надзор за лицами, освобожденными по УДО, исполняют наказания, не связанные с изоляцией от общества, а также представляют суду заключения о возможности и целесообразности их назначения конкретному лицу. При этом необходимо отметить, что вступивший в силу в 2002 г. Закон «Об исполнении наказаний» упразднил общественные работы и уголовный надзор как автономные виды

наказания, а вместо них была введена санкция «наказание, не связанное с изоляцией от общества», которая назначается в случае, если лицо осуждается к лишению свободы условно [93, с. 190, 192]. Данное наказание имеет несколько форм исполнения: общественные работы; прохождение соответствующих программ (курсов); иные формы исполнения, способствующие прекращению преступной деятельности осужденного. Примечательно в данном случае, что районный суд принимает своего рода «рамочное» решение, а уже служба пробации устанавливает конкретные элементы наказания и их соотношение.

Местные отделы пробации также могут изменять условия отбывания наказания, руководствуясь при этом соображениями общественной безопасности, потребностью лица в реабилитации и возможностями службы. При этом, прежде чем принять решение о назначении наказания, не связанного с изоляцией от общества, суд дает задание службе пробации составить доклад о психологических особенностях личности, социальном положении подсудимого и целесообразности назначения ему наказания, альтернативного тюремному заключению. После назначения наказания судом инспектор отдела пробации при участии поднадзорного составляет план исполнения наказания, в котором фиксируются основные требования и условия исполнения наказания [93, с. 192]. Коррекционные программы проводятся либо в форме тренингов, либо в форме бесед, причем как в индивидуальном порядке, так и в форме групповых занятий. Как правило, программы направлены на отдельные целевые группы: программа для осужденных, страдающих наркотической зависимостью; программа для рецидивистов; специальная программа для женщин-правонарушителей; программа по управлению гневом и др. [93, с. 193]. С 2008 г. служба пробации Норвегии осуществляет специальную программу для водителей, осужденных за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, которая является альтернативой 21-дневному лишению свободы за нарушение правил дорожного движения в состоянии алкогольного опьянения. Для участия в программе необходимо согласие самого осужденного, который этим обязуется регулярно сдавать пробы и не уклоняться от них [93, с. 193; 101].

Служба пробации Норвегии осуществляет и электронный надзор – вид наказания, представляющий собой альтернативу лишению свободы, который представляет собой домашний арест с электронным контролем. Осужденному запрещено покидать жилое помещение в установленное время, кроме специально отведенных для этого 5 часов в неделю. Назначаемый срок отбывания наказания не может превышать 4-х месяцев, при этом все осужденные должны работать или учиться не менее 20 часов в неделю. Необходимым условием при назначении электронного контроля является наличие собственного жилья [102].

В функции службы пробации Норвегии также входит осуществление надзора над лицами, освобожденными по УДО. Продолжительность срока пробации в данном случае составляет неотбытая часть срока, в рамках которого на службу пробации и администрацию тюрьмы возложена обязанность

провести необходимые приготовления: установить контакт с государственными службами и частными организациями, которые могут оказать помощь в трудоустройстве и иных формах социальной помощи освобожденному. При этом за счет денежных средств, выделяемых государственным бюджетом, осуществляется программа обеспечения освобождающихся персональным жильем [93, с. 190; 101; 102; 103]. Осужденный, освобожденный по УДО, находится под надзором инспектора местного отдела пробации и обязан соблюдать условия пробации, среди которых требования, связанные с местом постоянного проживания; недопустимость употребления алкоголя и наркотических средств; необходимость периодических встреч с инспектором службы пробации. Также может быть установлено требование посетить в период пробации определенные курсы, пройти реабилитационные и учебные программы.

Нарушение лицом, освобожденным по УДО, условий досрочного освобождения ведет к установлению более строгих условий пробации. Отдел пробации может потребовать, чтобы лицо впредь избегало контактов с определенными людьми, не посещало определенных мест или заведений, воздержалось от употребления алкоголя. В случае же повторного нарушения условий пробации местный отдел направляет дело в региональное управление, которое после оценки обстоятельств уполномочено передать дело в районный суд с ходатайством о возвращении лица в места лишения свободы для отбывания оставшейся части срока. Совершение осужденным, освобожденным по УДО, нового преступления в течение периода пробации приводит, как правило, к возвращению его в тюрьму. Лицо, направленное в места лишения свободы в качестве санкции за нарушение условий досрочного освобождения, может быть повторно освобождено по УДО даже в случае, если минимальный срок пребывания в тюрьме составит менее 60 дней [93, с. 190-191].

Под надзором отделов пробации находятся и осужденные, которым назначено отбывание наказания в виде лишения свободы вне тюрьмы. Их статус практически не отличается от статуса осужденных, освобожденных по УДО, за исключением того, что они могут ходатайствовать об изменении условий пробации сразу после того, как истекла половина назначенного им срока тюремного заключения. В отношении лиц до 18 лет, совершивших незначительные преступления либо впервые, в Норвегии, как правило, применяется либо условное наказание, либо внесудебное освобождение от ответственности и помещение их под надзор местных служб социальной помощи детям [93, с. 190, 194].

В Финляндии функции службы пробации первоначально относились к ведению частных организаций, которые функционировали с 1870 г. при Ассоциации тюрем. В начале своей работы Ассоциация тюрем сосредоточивалась исключительно на оказании помощи осужденным в тюрьмах, в дальнейшем она начала осуществлять помощь и лицам, освобожденным из пенитенциарных учреждений. В 40-50-х гг. XX в. Ассоциация тюрем осуществляла два вида контроля: за условно освобожденными, который характеризовался обеспечением работой и

осуществлением жесткого контроля, а также за условно приговоренными молодыми преступниками, при этом особое внимание уделялось оказанию им помощи и поддержки. В 60-х гг. XX в. она получила название Ассоциация службы пробации, а в 1975 г. деятельность Ассоциации службы пробации была законодательно урегулирована. Она стала являться учреждением, деятельность которого управлялась советом директоров при надзоре со стороны Департамента тюрем Министерства юстиции, при этом региональные офисы были открыты в разных регионах страны.

Развитие системы альтернативных наказаний и конституционная реформа привели к организационным изменениям в пробационной деятельности в конце 90-х гг. XX в. Конституция Финляндии 1999 г. закрепила положение о невозможности делегирования полномочий по управлению частным организациям в случае, если они применяют меры принудительного характера. В связи с этим в 2001 г. в составе Департамента исполнения наказаний Министерства юстиции начали действовать две службы: тюремная служба и Ассоциация по делам испытания и последующего ухода (служба пробации). Но функции службы пробации могут осуществлять также частные лица, работающие по контракту, которые находятся под руководством районных управлений и, как правило, ведут работу с юными правонарушителями [93, с. 132-135; 95, с. 4-10, 18; 96; 100, с. 22-24].

Под юрисдикцию службы пробации подпадают следующие категории: лица, которым судом назначены общественно полезные работы; лица, освобожденные по УДО; юные правонарушители, приговоренные к условному лишению свободы. Наказание в виде общественных работ может быть назначено взамен условного лишения свободы и заключается в выполнении осужденным регулярных бесплатных общественных работ под надзором инспектора службы пробации на срок от 12 до 200 часов. При этом один день лишения свободы приравнивается к одному часу общественно полезных работ [93, с. 138, 139].

При назначении наказания в случае, если суд приходит к выводу, что лицу может быть назначено наказание в виде условного лишения свободы, он принимает решение о назначении общественных работ. При этом заключение о возможности применения общественных работ к конкретному лицу дает сотрудник службы пробации (соответствующее ходатайство может исходить от прокурора или суда), а исполнение самого наказания контролируется службой пробации. Если осужденный уклоняется от исполнения общественных работ, нарушает запрет на употребление алкоголя или наркотиков, служба пробации выносит устное или письменное предупреждение осужденному. Если осужденный не приступает к исполнению общественных работ, не завершает их или каким-либо иным образом серьезно нарушает условия отбывания наказания, служба пробации обязана немедленно уведомить об этом прокурора. В случае, когда прокурор сочтет, что общественные работы должны быть заменены тюремным заключением, он направляет предложение по данному вопросу в суд. Суд, устанавливая наличие серьезного нарушения и учитывая отбытый срок наказания, назначает условное лишение свободы [93, с. 139-140].

95, с. 12, 32].

Условный тюремный срок назначается в случае осуждения лиц в возрасте 15-20 лет за совершения нетяжких преступлений. На начальном этапе надзора сотрудником службы пробации оцениваются нужды поднадзорного, обстоятельства, могущие воспрепятствовать успешному исполнению наказания. На основе такой оценки совместно с поднадзорным составляется план надзора, при реализации которого инспектор службы пробации встречается с поднадзорным; к сотрудничеству привлекаются семья поднадзорного, а также представители власти и общественных организаций [93, с. 147; 95, с. 24].

В Финляндии подавляющее большинство заключенных имеют право освободиться по УДО. Освобожденные по УДО, как правило, берутся под пробационный контроль, продолжительность которого равна неотбытой части срока лишения свободы, но не может быть меньше 3-х месяцев или больше 3-х лет. Но не все освобожденные по УДО берутся на пробационный контроль; их доля в общем количестве освобожденных лиц составляет в среднем чуть более 20%. В свою очередь, доля несовершеннолетних среди лиц, освобожденных по УДО, составляет в среднем 5% [93, с. 144; 95, с. 13-14, 37]. Пробационный надзор осуществляет инспектор службы пробации или частный надзиратель, а в их задачу входит контроль поведения и осуществление социальной поддержки. При этом уже во время отбывания тюремного заключения служба пробации участвует в составлении плана освобождения для заключенных, освобождаемых по УДО и передаваемых под надзор. План составляется в сотрудничестве с другими органами власти и соответствует планам по реабилитации и социальному обеспечению со стороны местных властей [93, с. 144; 95, с. 35].

Если надзор осуществляется в течение не менее 6 месяцев, служба пробации может принять решение о его завершении в случаях, если жизненную ситуацию освобожденного уже можно считать устойчивой. При этом требуется, чтобы он не допускал нарушений во время осуществления надзора, в противном случае ему выносится письменное предупреждение, а в случае грубых нарушений направляется соответствующее уведомление прокурору, который, в свою очередь, может выйти с ходатайством в суд об отмене УДО. В случае совершения освобожденным, состоящим под надзором, нового преступления, за которое предусмотрено тюремное заключение, и, если срок нового наказания длительный, суд выносит решение о завершении условного освобождения, которым автоматически заканчивается надзор. Если срок наказания краткий, условное освобождение не может быть прекращено, но срок надзора возобновляется после того, как преступник снова освобождается из тюрьмы [95, с. 36-37].

В Дании кроме тюремного заключения существуют и такие виды наказания, как общественные работы, назначаемые преступникам, совершившим нетяжкие преступления, а также надзор. Условные наказания стали применяться в Дании уже с 1905 г., при этом исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы (за исключением штрафа), в Дании занимаются

службы пробации, находящиеся в ведении Министерства юстиции, в составе которого имеется Директорат тюрем и пробации [87; 93, с. 158; 104]. До 1973 г. в Дании функции службы пробации выполняла негосударственная организация – Датское общество социальной помощи (Danish Welfare Society). Данное общество было образовано в 1951 г. в результате слияния различных частных служб, оказывающих социальную помощь. Это общество, являясь частной организацией, финансировалось государством пропорционально выполняемой работе (количество клиентов, находящихся под надзором; количество докладов о социальном положении и характеристиках личности, представляемых по запросу суда и т.д.) и финансовым затратам на содержание помещений, персонала и расходов на проезд. Частично оно осуществляло свою деятельность за счет пожертвований [87; 93, с. 158].

В 1973 г. функции Danish Welfare Society были переданы Директорату тюрем и пробации, созданному в рамках Министерства юстиции. Однако оно не прекратило своего существования и по-прежнему является частной организацией, предоставляющей социальную помощь осужденным. Общество предоставляет финансовую поддержку как осужденным, так и их семьям в случаях, когда им не могут помочь ни служба пробации, ни социальные службы. Инспекторы службы пробации достаточно часто обращаются в данное общество с целью получения финансовой помощи для своих клиентов, поскольку денежные средства здесь предоставляются быстро, без бюрократических проволочек [93, с. 158].

В подчинении Директората находятся местные пробационные центры, причем отсутствуют какие-либо иные промежуточные звенья. Основными функциями пробационных центров являются надзор за лицами во время осуществления пробации, подготовка для суда докладов о необходимости и целесообразности применения альтернативных санкций, деятельность по оказанию социальной помощи лицам, содержащимся в предварительном заключении, а также участие в общих мероприятиях по предупреждению правонарушений [93, с. 163-164]. Положения Закона «Об осуществлении правосудия» предусматривают, что служба пробации предоставляет суду информацию о личности подсудимого, которая имеет значение для назначения наказания, направления лица на пробацию, вынесения в его отношении приговора с отсрочкой исполнения, направления на общественные работы или освобождения из мест заключения по УДО, либо для возможности замены наказания иными мерами. В таких случаях прокурор направляет в пробационный центр запрос о предоставлении в суд соответствующего доклада.

При этом основная деятельность службы пробации Дании связана с исполнением альтернативных санкций, в первую очередь уголовного (пробационного) надзора над различными категориями осужденных, и общественно полезных работ. Лица, в отношении которых служба пробации осуществляет надзор, делятся на две большие категории: осужденные, которым назначен надзор в качестве альтернативной меры или санкции, и лица, освобожденные из мест лишения свободы по УДО [93, с. 166-167].

Пробационный надзор может быть установлен судом на срок от 3-х месяцев до 2-х лет, однако наиболее распространенным является однолетний срок. В последние годы наблюдается акцент на двух группах поднадзорных лиц: водители, привлеченные к ответственности за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения и имеющие возможность избежать тюремного заключения путем прохождения курса лечения от алкоголизма; душевнобольные правонарушители. Надзор в отношении водителей был введен в 1990 г. Данные лица, приговоренные судом к лишению свободы на срок до 60 дней, могут ходатайствовать об отсрочке исполнения наказания в связи с потребностью прохождения специального курса лечения. В случае, если они соблюдают условия прохождения курса (как правило, год надзора и лечения), они могут быть полностью освобождены после уплаты штрафа. В большинстве случаев, однако, установление надзора связано с направлением правонарушителей на пробацию, отсрочкой исполнения приговора и освобождением по УДО [93, с. 167, 170].

Предусмотренное УК Дании право заключенного освободиться по УДО может быть связано с требованием находиться под надзором службы пробации. Решение об УДО принимает администрация тюремного учреждения после консультаций с соответствующим пробационным центром. Надзор за освобожденными по УДО устанавливается на неопределенный срок и прекращается только по решению суда. Помимо осуществления контроля за поднадзорным лицом, пробационный центр оказывает ему индивидуальную поддержку, целью которой является создание оптимальных условий для социальной адаптации лица [93, с. 167-168]. Лицо, находящееся под надзором, должно периодически являться на прием к инспектору по надзору или принимать инспектора у себя дома, а также предварительно ставить его в известность об изменении места проживания и источников средств к существованию. При этом вначале периода осуществления надзора встречи поднадзорного с инспектором центра должны иметь место не реже 1 раза в неделю, с последующим снижением периодичности встреч до 1 раза в две недели, а при стабильной ситуации – до 1 раза в месяц. Лицам, находящимся под пробационным надзором, помимо общих условий надзора могут также быть установлены и различные особые условия, связанные с конкретными обстоятельствами и характером совершенного лицом правонарушения (например, амбулаторное лечение зависимостей). Особое условие может носить и более специфический характер: например, лицу, осужденному за совершение преступлений, связанных с половой неприкосновенностью несовершеннолетних, запрещается работать в школах и других детских учреждениях [93, с. 168-169].

Деятельность по надзору осуществляется сотрудниками пробационных центров в соответствии с подробным планом работы, который составляется сразу после вынесения решения суда или администрации тюрьмы, причем поднадзорный участвует в составлении этого плана. При контроле поведения лица, находящегося под надзором, инспектор опирается не только на ту информацию, которую получает сам, но и на сведения полиции, сотрудники

которой обязаны информировать инспекторов службы пробации о возможном нарушении лицом, находящимся в юрисдикции пробационного центра, условий отбывания наказания либо совершении им правонарушения. Незначительные нарушения условий осуществления надзора влекут вынесение поднадзорному замечаний; о более серьезных нарушениях инспектор службы пробации докладывает прокурору, который после оценки обстоятельств либо передает дело в суд, либо оставляет его без движения. В случае, если лицо нарушает условия надзора, но не совершает правонарушения, суд может принять одно из следующих решений: вынести предупреждение; издать приказ об изменении условий и срока пробации в пределах максимально возможных сроков, предусмотренных УК; принять решение о назначении наказания; если имела место отсрочка исполнения приговора - издать приказ об исполнении наказания в части или полностью (аналогичные санкции предусмотрены за нарушение условий УДО.) Однако полномочия по принятию решений о применении тех или иных санкций предоставлены не суду, а Директорату тюрем и пробации. Решение в отношении лица, полностью уклонившегося от надзора, принимается, как правило после того, как это дело будет предварительно заслушано судом [93, с. 169-170].

В ведении службы пробации Дании находятся 7 хостелов, основная функция которых заключается в предоставлении содержащимся в них лицам социальной и педагогической помощи, которая может позволить им по возвращении домой вести нормальный образ жизни. Целевая группа этих учреждений – лица, помещенные под надзор, и заключенные, отбывающие заключительную часть тюремного срока [93, с. 164]. При этом в Дании в работе службы пробации также широко используется помощь волонтеров, не связанных трудовыми отношениями со службой, однако выполняющих ту же работу, что и инспектор, только в отношении меньшего числа клиентов. Как правило, волонтер получает зарплату, покрывающую только их фактические расходы. Помимо функций надзора волонтеры также готовят доклады, которые направляются в суд после того, как их завизирует инспектор [93, с. 162-163].

Пробация как форма социально-правового контроля, согласно УК Японии, осуществляется в виде «защитного надзора», задачей которого является установление контроля за нуждающимися в нем лицами, обеспечение их социальной адаптации и предупреждение возврата на антиобщественный путь. В настоящее время «защитный надзор» может быть установлен за следующими категориями: несовершеннолетними; освобожденными по УДО; условно осужденными к наказанию в виде лишения свободы; проститутками, освобожденными из женских воспитательных домов по УДО [29, с. 50-51; 35, с. 504; 59; 105, с. 162, 190]. Для условно осужденных период защитного надзора равен сроку приговора, для освобожденных по УДО - неотбытой части срока наказания. Поднадзорные обязаны подчиняться предписаниям о месте и образе жизни, о связях и т.п., поддерживать контакт с работниками службы защитного надзора, выполнять их рекомендации и т.п. Кроме того, в отношении освобожденных из мест лишения свободы по окончании срока наказания предусмотрена шестимесячная реабилитационная защита, которая состоит в

помощи с устройством на жительство [29, с. 504; 105, с. 162; 106; 107].

Надзор осуществляется службой защитного надзора (служба пробации), которая входит в систему Министерства юстиции, и состоит из Комиссий реабилитационной защиты и подчиненных им пунктов защитного надзора. К пунктам защитного надзора прикреплены штатные сотрудники, в обязанности которых, кроме осуществления надзора, входят организация просветительской деятельности среди населения в целях предупреждения преступности, представление сведений об амнистии и иная деятельность по предупреждению преступности. Однако ввиду малочисленности штатных сотрудников службы защитного надзора (около 900 человек по всей стране) практически вся работа осуществляется силами добровольных сотрудников службы защитного надзора (около 50 000 человек.). Последние не получают зарплату от государства, но им возмещаются (полностью или частично) расходы, связанные с осуществлением деятельности по линии защитного надзора. Следует отметить, что добровольцы выполняют большую часть работы по защитному надзору, а штатные работники выступают координаторами их работы [34, с. 52; 29, с. 505; 79, с. 47; 105, с. 169].

К поднадзорным предъявляются требования: проживать в определенном месте, вести упорядоченный образ жизни, не общаться с преступными и ведущими аморальный образ жизни лицами, соблюдать другие «обязательные предписания», поддерживать контакты со штатным или добровольным сотрудником службы защитного надзора и следовать их указаниям. Если поднадзорный успешно выдержит режим испытания, то он освобождается от ответственности, а «приговор о наказании утрачивает силу». В свою очередь, если в период отсрочки исполнения наказания поднадзорный вновь совершает преступление и подвергается за это штрафу, а также если он не соблюдает возложенные на него обязанности, суд вправе направить испытуемого в пенитенциарное учреждение [28, с. 54; 105, с. 169; 106].

Постпенитенциарный защитный надзор, осуществляемый в Японии, в принципе не отличается от аналогичного надзора в других случаях. При этом подготовка к нему начинается еще во время пребывания осужденного в тюрьме, когда служба защитного надзора проводит работу по месту его жительства. Сотрудник службы защитного надзора изучает ближайшее окружение заключенного, определяет, возможно ли возвращение заключенного после освобождения на прежнее место жительства [108].

В Эстонии пробационная деятельность начала осуществляться с принятием в мае 1998 г. Закона «Об уголовном надзоре» и созданием службы пробации, интегрированной в судебную систему. Сотрудники службы пробации объединены в отделы уголовного надзора, функционирующие в составе практически всех судов первой инстанции, при этом отдел уголовного надзора подчиняется председателю суда, который осуществляет общее руководство и контроль (текущий контроль за работой отделов уголовного надзора осуществляют административные директора судов). Отделы уголовного надзора осуществляют пробационный надзор в отношении следующих категорий: осужденных условно, которые помещаются под надзор

на срок от 18 до 36 месяцев; лиц, которым судом назначены общественные работы, продолжительность до 24 месяцев; освобожденных из мест лишения свободы по УДО, которые помещаются под надзор на срок от 1 года. Также на учете службы пробации состоят несовершеннолетние, освобожденные от наказания. В данном случае период надзора равен 1 году, но может быть продлен [93, с. 12-17].

Осужденные условно, находящиеся под надзором, должны выполнять следующие требования: проживать по постоянному месту жительства; являться на регистрацию в отдел уголовного надзора в дни и время, установленные сотрудником службы пробации, и предоставлять ему сведения о выполнении своих обязанностей и средствах к существованию; без разрешения сотрудника службы пробации не покидать место жительства на срок свыше 15 дней, не менять его, как и место работы или учебы. Помимо этого суд при назначении надзора также может возложить на условно осужденного обязанности: возместить вред, нанесенный преступлением, в течение срока, установленного судом; не употреблять наркотики и алкоголь, а также не хранить и (или) не использовать оружие; найти работу, получить общее образование или специализацию в сроки, установленные судом; выполнять обязанность по обеспечению семьи, ребенка; не посещать определенные места и не встречаться с определенными людьми; принимать участие в программах по представлению социальной помощи [93, с. 20-21].

После вступления приговора в силу чиновник по надзору обязан встретиться с поднадзорным и назначить ему срок последующей явки, который не может быть нарушен. Инспектором составляется план надзора, который может корректироваться на протяжении всего срока осуществления надзора и включает в себя регистрацию посещений поднадзорного, ведение записей о беседах с ним, составление отчета о каждой встрече и др. При этом инспектор обязан каждые 6 месяцев предоставлять суду отчеты, содержащие сведения о выполнении плана надзора и о внесенных в него изменениях, на основании которых судья имеет право смягчить или ужесточить условия надзора. Все нарушения фиксируются инспектором, который имеет право самостоятельно принимать решение о необходимых «ответных мерах». Например, если поднадзорный не соблюдает сроки регулярного посещения, инспектор может назначить такие встречи чаще, чем предусмотрено в приговоре. В случае, если нарушения режима накапливаются или имеют серьезный характер, инспектор может принять решение о составлении внеочередного отчета судье. На основании данных представленного отчета судья уполномочен принять решение либо о продолжении уголовного надзора и назначении поднадзорному дополнительных обязанностей, либо о направлении осужденного в пенитенциарное учреждение [93, с. 20-23].

Общественные работы были введены в Эстонии в 2002 г. как наказание, альтернативное лишению свободы, общая продолжительность исполнения которого не должна превышать 24-х месяцев. Для их выполнения сотрудник службы пробации совместно с работодателем и осужденным составляет график. Сотрудник службы пробации также следит за соблюдением иных требований,

которые идентичны обязанностям условно осужденных, находящихся под надзором. Если осужденный уклоняется от их выполнения, не соблюдает установленные судом условия и обязанности, то суд на основании представления сотрудника службы пробации имеет право обратить назначенное наказание в виде лишения свободы к исполнению [93, с. 24- 25].

Согласно УК Эстонии, лицо, отбывающее лишение свободы, может быть освобождено по УДО с установлением испытательного срока. Испытательный срок устанавливается в пределах неотбытого срока наказания, но не менее чем на 1 год. В течение испытательного срока лицо находится под контролем службы пробации и должно соблюдать условия, аналогичные тем, которые установлены в отношении осужденных условно. В случае несоблюдения лицом в течение испытательного срока контрольных требований или невыполнения возложенных на него обязанностей, суд на основании представления инспектора службы пробации обращает неотбытую часть наказания к исполнению [93, с. 49].

В Латвии осуществлением пробационной деятельности занимается Государственная служба пробации, которая находится в ведении Министерства юстиции и осуществляет свои функции на основании Закона «О государственной службе пробации» 2003 г. и Положения об Управлении государственной службы пробации 2003 г. Одной из основных функций латвийской службы пробации является осуществление пробационного надзора, который реализуется в отношении условно осужденных (от 6 месяцев до 3 лет), освобожденных из пенитенциарных учреждений по УДО (от 1 дня до 1/2 установленного судом срока лишения свободы); лиц, в отношении которых прекращен уголовный процесс, и они условно освобождены от уголовной ответственности (от 3 до 18 месяцев) [104; 108]. Пробационный надзор осуществляет отделение службы пробации, на территории деятельности которого проживает поднадзорный, в соответствии с планом надзора, составленным сотрудником службы пробации совместно с поднадзорным. Лица, находящие под надзором, обязаны выполнять обязательства, предписанные судом (условно осужденные и условно досрочно освобожденные от наказания лица) или прокурором (условно освобожденные от уголовной ответственности лица); выполнять все законные требования сотрудников службы пробации и предоставлять им только правдивую информацию.

Кроме того, условно осужденные и освобожденные по УДО обязаны зарегистрироваться в службе пробации в течение 5 рабочих дней после вступления в силу постановления суда; лично являться в службу пробации в установленное должностным лицом время; информировать службу пробации о своем месте жительства, месте работы или учебы, а также незамедлительно сообщать о каких-либо изменениях, как только это стало известным, путем личной явки в службу пробации; не выезжать без разрешения службы пробации с места жительства на срок более 15 дней; информировать службу пробации о выполнении обязательств, предписанных судом, а также сообщать об источниках существования; лично являясь в службу пробации; не находиться под влиянием алкоголя, наркотических, психотропных или других опьяняющих

средств; не нарушать общественный порядок. В случае несоблюдения поднадзорным условий пробационного надзора по представлению службы пробации в отношении условно осужденного суд может принять решение об исполнении приговора установленного наказания или продлении испытательного срока до 1 года; в отношении освобожденного по УДО суд может принять решение об отмене УДО и исполнении неотбытой части наказания; а для условно освобожденных от уголовной ответственности уголовный процесс может быть возобновлен [104].

Исследование отдельных национальных моделей, имеющих как достаточно длительный, так и более краткий период реализации пробации и пробационного контроля, позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, несмотря на отсутствие, собственно, самой сопоставимой дефиниции «пробационный контроль», деятельность большинства соответствующих служб в зарубежных странах в качестве подавляющего объема мероприятий включает именно контрольные и надзорные функции, осуществляемые с целью «испытания» лица, не подвергающегося физической изоляции по факту совершенного уголовного правонарушения. Существенным фактором, который в настоящее время реплицируется и в казахстанский опыт функционирования пробации, является совмещение контрольных функций с мероприятиями по социально-правовому вспоможению, реализацией различных коррекционных программ, что в ряде случаев носило даже первоочередной характер, нежели появились функции контроля и надзора.

Во-вторых, в качестве основных выводов, комбинирующих общее представление об институте пробации и пробационном контроле в зарубежных странах, можно обозначить следующие обстоятельства: 1) соответствующая деятельность, как правило, осуществляется специализированным органом, ведомственная принадлежность которого может отличаться; 2) имеет место сложившаяся практика привлечения волонтеров, других структур гражданского общества к пробационной деятельности; 3) как правило, в отношении несовершеннолетних правонарушителей формируются специальные меры воздействия преимущественно воспитательного, сдерживающего характера; 4) адресатами пробационного контроля являются примерно схожие категории лиц (условно осужденные; условно-досрочно освобожденные; лица, в отношении которых применены те или иные виды отсрочки судебного разбирательства или исполнения наказания), при этом имеются отдельные специальные практики в отношении правонарушителей со специфическими потребностями в контроле (например, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних); 5) пробационный контроль во всех моделях связан с возложением судом определенных обязанностей, в контексте которых усматривается возможность положительного влияния на поведение подконтрольного лица в будущем и неисполнение которых расценивается как нарушение режима испытания (причем в отдельных моделях служба пробации обладает существенным спектром полномочий по определению содержания и объема соответствующих

обязанностей); 6) за редким исключением пробационный контроль осуществляется в условиях физической свободы лица, и лишь некоторые национальные модели предполагают помещение в специализированные учреждения преимущественно для осуществления лечения; 7) большинство практик сопряжены с элементами гибкого воздействия, предполагающего различные варианты принимаемых решений в случаях, если лицо допускает те или иные нарушения режима испытания; 8) во многих практиках имеет место режим поступательного снижения интенсивности контроля, когда самый строгий вариант применяется на первоначальной стадии с последующим послаблением; 9) электронный мониторинг широко применяется практически во всех странах, и особенностью его реализации часто выступает наличие согласия со стороны самого испытуемого; 10) во многих моделях явно заметна активная роль подконтрольных лиц, реализуемая, в частности, в форме участия в разработке плана надзора (контроля) совместно с должностными лицами.

2 СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

2.1 Историко-правовые аспекты становления института пробационного контроля в Республике Казахстан

Осознание потребности казахстанского общества в качественном изменении мер уголовно-правового и уголовно-исполнительного воздействия стало одним из результатов эволюции взглядов на систему государственного принуждения в целом. Наибольшим образом данный вопрос обострился в связи с приобретением Казахстаном политической независимости, когда следование международным стандартам, выработанным в уголовно-исполнительной практике, стало одним из значимых индикаторов приобщения к передовому международному сообществу. Именно по этой причине практика внедрения пробационного контроля в Казахстане имела явно выраженный форсированный характер, что неизбежно привело к большому количеству не всегда последовательных решений на первоначальных этапах.

Социальная практика, к которой относится и правоприменение в сфере уголовно-исполнительного воздействия, не может быть сформирована в отрыве от объективно существующих процессов, равно как и не может быть создана «с нуля». Это в полной мере относимо к институту пробационного контроля, который фактически явился результатом преобразования ранее существовавших контрольных форм деятельности УИИ в более модернизированные формы. При этом за основу принятия новой формы контроля принимался тезис о том, что он доказал свою эффективность в большом количестве зарубежных стран. Базовые признаки данных институтов уже присутствовали в уголовно-исполнительной практике казахстанской УИС и находили свое воплощение при реализации ряда мер уголовно-правового характера (ограничение свободы; условное осуждение; отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, а также мужчинам, в одиночку воспитывающим малолетних детей; институт УДО). В целом, учитывая зарубежный опыт применения пробационного надзора в сочетании с выполнением общественных работ, перечень названных институтов можно дополнить указанием и на данный вид наказания.

Предвестниками внедрения в казахстанскую практику инструментов probation являлись программные документы, экспертные площадки, выступления должностных лиц УИС и другие формы анонсирования предстоящих изменений. Так, в Программе дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы на 2007-2009 гг. была отмечена необходимость повышения эффективности мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией от общества, в том числе путем создания службы probation. Презюмировалось, что данная служба должна осуществлять систему мер,

связанных с адаптацией освобожденных из мест лишения свободы, а также по социальному исследованию правонарушителей на досудебной стадии уголовного процесса с предоставлением суду соответствующих докладов [109]. Научное сообщество преимущественно положительно восприняло внедрение инструментов пробации в стране, поскольку данный институт фактически концентрировал в себе решение тех назревших вопросов применения технологий ресоциализации осужденных, которые уже давно обосновывались в специальных исследованиях. В частности, К.Х. Рахимбердин отметил, что институт пробации следует оценивать как возможность качественной трансформации форм социального контроля в отношении лиц, совершивших уголовные правонарушения, причем совместимой с уважением человеческого достоинства [110, с. 25]. Служба пробации в Казахстане призвана гуманизировать уголовно-исполнительную систему страны, сократить расходы на содержание лиц, содержащихся в местах лишения свободы, а также приблизиться к международным стандартам по применению наказания в отношении осужденного [111].

Таким образом, институт пробации в совокупности его инструментов (в том числе пробационного контроля) по своему содержанию является модернизированной версией ранее существовавших форм уголовно-исполнительного воздействия. Вместе с тем его адаптация к действовавшему уголовному и уголовно-исполнительному законодательству потребовала некоторого времени. Так, Законом РК от 15.02.2012 г. были внесены изменения и дополнения в значительное количество законодательных актов по вопросам службы пробации. Примечательно, что изменения коснулись только текста УИК РК, где было сформулировано понятие пробации, ни УК РК 1997 г., ни УПК РК 1997 г. не были дополнены какими-либо дефинитивными или корреспондирующими с УИК РК нормами [8; 9; 112; 113]. То есть фактически акцент производился на деятельностном аспекте (в рамках организационной структуры службы пробации); сам институт пробации не получил оформления в виде новой комбинированной формы социальной практики уголовно-исполнительной деятельности.

Следует признать, что уже первоначальное определение понятия «пробация» в ст. 7-1 УИК РК 1997 года в полной мере соответствовало его содержательному наполнению в зарубежных моделях. Она определялась как комплекс мер социально-правового характера, которые реализовываются сотрудниками УИИ индивидуально в отношении каждого условно осужденного в период испытательного срока и нахождения под пробационным контролем. Ст. 7-1 УИК РК 1997 г. имела единственное для той редакции упоминание понятия «пробация», все остальные нормы воспроизводили только термин «пробационный контроль» [114]. Это является свидетельством того, что пробационный контроль изначально воспринимался как единственный инструмент пробации, внедренный в казахстанскую правоприменительную практику. Причем само понятие пробационного контроля содержалось в обновленной редакции ст. 182 УИК РК 1997 г. и характеризовало его как «деятельность службы пробации уголовно-исполнительной инспекции по

осуществлению контроля за исполнением возложенных судом на условно осужденных обязанностей и их поведением с оказанием содействия в получении социально-правовой помощи в период испытательного срока» [114].

Таким образом, пробационный контроль в первоначальном законодательном оформлении представлял собой сочетание расширительных (включение элемента социально-правового сопровождения осужденного) и ограничительных (распространение только на категорию условно осужденных) компонентов. Подобная конструкция имела своего рода переходный характер и может быть оценена как фрагментарная адаптация уголовно-исполнительной практики к новым формам уголовно-исполнительной деятельности. При этом сама реализация пробационного контроля была возложена на созданную службу пробации как на специальное подразделение УИИ на фоне значительного увеличения его штатной численности (на 1183 единицы). В целях упорядочивания функций службы пробации по осуществлению пробационного контроля приказом Министра внутренних дел РК от 19 марта 2012 г. № 157 были утверждены Правила организации деятельности службы пробации УИИ [114; 116].

Закономерно, что первоначальная проекция института пробации исключительно на пробационный контроль в отношении условно осужденных лиц привела к корреспондирующим изменениям в рамках норм, регламентирующих вопросы условного осуждения. Так, в соответствии с ч. 5-1 ст. 63 УК РК 1997 г. (в редакции Закона РК от 15.02.2012 г.), суд во всех случаях применения условного осуждения обязан был не только возложить на условно осужденного выполнение ряда обязанностей и определить продолжительность испытательного срока, но и установить в отношении него пробационный контроль (за исключением условно осужденных военнослужащих) [112].

Будет справедливым утверждение, что к существенным изменениям в структуре контрольной деятельности УИИ по отношению к условно осужденным указанные законодательные новеллы не привели. Фактически единственным принципиально отличием было указание на то обстоятельство, что пробационный контроль устанавливался судом (ч. 1 ст. 63 УК 1997 г. после изменений 2012 г.), то есть исполнительный аспект фактически включался в структуру самого содержания условного осуждения.

Некоторая дискретность и фрагментарность внесенных изменений не могли не привести к появлению явных или скрытых погрешностей в текстах законодательных актов. Так несмотря на то, что в ст. 63 УК РК 1997 г. на тот момент содержалось прямое указание, что «суд устанавливает пробационный контроль», УПК РК не содержал дублирующее закрепление соответствующей обязанности суда. В п. 5 ст. 380 УПК РК 1997 г. (в редакции Закона РК от 15.02.2012 г.) указывалось, что при применении условного осуждения суд в резолютивной части приговора указывает «длительность испытательного срока и возложенные на условно осужденного обязанности» [113]. На явное несоответствие УК РК и УПК РК в анализируемых редакциях совершенно

справедливо указал Р.Н. Юрченко, отметив, что п. 5 ст. 380 УПК РК должен был содержать и обязательное указание на установление пробационного контроля [117].

Если указанный выше нюанс преимущественно имел отношение к организационным аспектам, то включение в пробационный контроль мер по оказанию условно осужденным социально-правовой помощи стал выраженным элементом новой аксиологии уголовно-исполнительной деятельности. В данном случае за социальную аксиому принимался факт, доказанный практикой пробационного воздействия зарубежных стран: снижение криминогенного потенциала личности существенным образом зависит от объема и качества мер по социальному сопровождению правонарушителя. Ст. 182 УИК РК 1997 г. в действующей на тот момент редакции предусматривала деятельность службы пробации УИИ по изучению данных о личности и условиях жизни условно осужденного, по результатам которого предполагалось составление индивидуальной программы оказания ему социально-правовой помощи. Основными направлениями социально-правовой помощи определялось оказание содействия условно осужденным в получении образования, овладении профессией, трудоустройстве, лечении, а также в обеспечении правовой помощью [8]. Порядок социального сопровождения, помимо УИК РК 1997 г. в анализируемой редакции, регламентировался также Правилами оказания социально-правовой помощи условно осужденным, утвержденными постановлением Правительства РК от 28 апреля 2012 г. № 542 [8; 118]. Первичная модель внедрения инструментов пробационного воздействия уже содержала предпосылки полисубъектного состава механизма пробации: местные исполнительные органы, неправительственные и иные организации должны были оказывать содействие службе пробации УИИ в оказании социально-правовой помощи условно осужденным. Основным направлением социально-правовой помощи лицам, состоящим на учете службы пробации, является оказание содействия в получении образования, овладении профессией, трудоустройстве, лечении, а также обеспечении правовой помощи [119, с. 238]. Для реализации своих полномочий служба пробации взаимодействует с прокуратурой, местными органами военного управления, местными исполнительными органами, судами и общественными объединениями, с администрацией государственных и негосударственных юридических лиц [120, с. 386]. За рамками пробационного контроля оказывается важнейший метод профилактики преступлений – оказание помощи, реализация которого предполагает трудовое и бытовое устройство, профессиональное обучение, организацию досуга, установление социально полезных контактов, психокоррекционные мероприятия и т.п. [121].

Отдельные изменения в УК РК и УИК РК редакций 1997 года, связанные с оформлением элементов пробационного контроля, были предопределены и иными законодательными изменениями. В частности, Законом РК от 18 января 2011 г. ст. 182 УИК РК 1997 г. была дополнена пунктом 6, в котором предусматривалась возможность с 1 июля 2012 г. использовать электронные

средства слежения для «обеспечения надлежащего контроля и получения информации о месте нахождения осужденных» [122]. Данное нововведение в обязательном порядке отразилось на нормах УК РК 1997 г. (ст. 64) и УИК РК 1997 г. (ст. 184). Вместе с тем данные изменения имели явно выраженный «фасадный» характер, поскольку технические возможности их реализации к тому времени отсутствовали, и, как показал опыт последующих лет, до настоящего времени соответствующая практика не получила характер общеприменимой. Контент-анализ доступных информационных ресурсов показывает, что проблема применения электронных средств слежения обсуждается до сих пор, поскольку организационно (в первую очередь, с точки зрения финансирования) оптимальные решения до настоящего времени не приняты [123]. На фоне имеющего место консенсуса относительно того, что использование технических средств наблюдения обладает явно выраженными преимуществами (возможность тотального контроля в режиме 24/7; явно выраженный элемент гуманизма; снижение организационных затрат УИС и др.) казахстанская система оказалась достаточно инертной в вопросах внедрения соответствующей практики.

Поэтому, так или иначе, принимаемые меры по совершенствованию законодательства, несут в себе гуманизованную функцию в целях улучшения уголовной политики в сфере организации и функционирования службы, регулирования общественных отношений в области пробации в Республике Казахстан [124, с. 379].

Полагаем, что преждевременная фиксация вопроса в нормативных предписаниях, не подкрепленная соответствующими финансово-техническими возможностями, имела негативную роль фальстарта со всеми вытекающими последствиями. Крайне нежелательным явлением выступает так называемый «правовой романтизм», когда имеет место некое эйфорическое восприятие возможностей правовых норм воздействовать на общественные отношения. Аналогичный механизм имел место и в отношении преждевременного введения норм, касающихся использования средств технического слежения в УИС (здесь следует отметить, что соответствующие механизмы слежения используются и в уголовно-процессуальном принуждении). Первоначальные ожидания сменились замалчиванием проблемы и даже элементами раздражения через несколько лет после отсутствия воплощения в жизнь [125].

В отношении заимствования зарубежного опыта стал общеупотребимым термин «имплементация», однако точное значение данного термина является достаточно ограниченным и фактически означает исполнение тех или иных международных обязательств на уровне национального законодательства. При этом, как указывают исследователи, имплементация может иметь как характер прямого переноса международно-правовой нормы (при условии ее ратификации), так и формулировки близкой по смысловому содержанию нормы, сохраняющей при этом основной концепт соответствующего положения международного права [126, с. 78]. Вместе с тем понимание имплементации исключительно как своего рода включения (переноса) той или иной международно-правовой нормы (непосредственно или в форме,

соответствующей терминологии национального законодательства) является некоторым сужением области понимания данного явления. «Основными имплементируемыми элементами, – указывает О.А. Пугина, – выступают процедуры, институты, фрагменты языка, нормативные правовые акты, принципы, ценности, правовые идеи» [127, с. 10-11]. При этом принципы, ценности, правовые идеи – это самые сложные к имплементации явления правового порядка, поскольку гарантировать их появление исключительно по факту законодательных изменений нельзя.

Имплементация не ограничивается исключительно фактором тех или иных законодательных «включений», а нередко требует определенного механизма, обеспечивающего реализацию международно-правовых норм, поскольку они могут быть «самоисполнимыми и несамоисполнимыми» [128]. Именно ко второй группе относятся все нормы, касающиеся внедрения института пробации и, соответственно, пробационного контроля в РК, поскольку требуется наличие соответствующих механизмов (правил, процедур, функционала и т.д.) для того, чтобы они были воплощены в правоприменительной практике. При этом необходимость приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами достаточно редко сопряжена с установлением новых общественных отношений и, как правило, возникает уже в процессе реализации тех или иных норм [129, с. 45-47].

При этом, как отмечают казахстанские исследователи, имплементация норм международного права является своего рода инструментом для укрепления правового государства и гражданского общества именно потому, что соответствующие стандарты являются своего рода концентратом наиболее успешных практик, которые могут быть заимствованы в национальное законодательство, особенно когда речь идет о становлении новых институтов [130, с. 70]. Аналогично М.Т. Баймаханов, Д.М. Баймаханова отмечают, что международно-правовые средства «...во многих случаях являются носителями более прогрессивных и либеральных тенденций, обычно аккумулируют в себе опыт передовых стран...» [131, с. 79]. В свою очередь М.А. Сарсенбаев настаивает, что при имплементации международно-правовых норм (правил, стандартов, принципов и т.д.), тем не менее, следует соблюдать осторожность с точки зрения защиты национальных интересов [132, с. 70]. Таким образом, применительно к внедрению института пробационного контроля и, собственно, самого института пробации в РК об имплементации можно говорить исключительно в том контексте, что казахстанским законодателем восприняты те или иные международно-правовые ориентиры в вопросах наиболее прогрессивных уголовно-исполнительных практик, сложившихся в зарубежных странах.

Близким также является термин «рецепция», который предполагает практику заимствования тех нормативных регуляторов, выработанных в зарубежных странах (в международном опыте, в других социальных сферах и т.д.). Как указывают исследователи вопроса, под рецепцией следует понимать «... процесс восприятия и приспособления к условиям какой-либо страны

права, выработанного в другом государстве или в предшествующую историческую эпоху» [133, с. 10]. Прямая рецепция практически всегда затруднительна, поскольку, как совершенно справедливо отметил В.А. Рыбаков, зарубежная правовая система в любом случае является чуждой, требует как точного понимания соответствующего языка, так и культуры, психологии, ментальности нации, правовых традиций и т.д. [134].

Очевидно, более близким к процессу внедрения в казахстанскую практику института пробационного контроля как формы института пробации должна была бы стать процедура правовой аккультурации, которая, как отмечается в теории, должна пройти фактически 5 стадий: осознание потребности – заимствование – адаптация – принятие – результат [135, с. 26-28]. При этом следует признать, что Казахстан от стадии осознания потребности (в реформировании механизмов уголовно-исполнительного воздействия на осужденных) практически сразу реализовал стадию принятия, что существенным образом отразилось на конечной стадии оценки результативности. В итоге процесс поэтапного заимствования и адаптации был существенным образом сокращен, в силу чего в полной мере позитивная аккультурация не случилась именно по причине чрезмерного и отчасти искусственного форсирования процесса. Служба пробации – это ядро системы пробации, но не единственный ее элемент. Система пробации включает в себя и другие социальные институты [136].

В итоге, в контексте внедрения института пробации в казахстанскую практику в большей степени будет справедливым утверждать наличие механизма репликации, то есть своего рода повторения, воспроизводства предшествующих уголовно-исполнительных практик других государств. Репликация является универсальным механизмом воспроизводства (причем, во многих системах, не только социальных), посредством которого достижение определенного результата в рамках одной системы (обстоятельств, условий, механизма и т.д.) заведомо предопределяется по причине того, что он имел место в предшествующем опыте. Иными словами, УИС Казахстана восприняла институт пробации (реплицировала его) по той причине, что он неоднократно доказал свою эффективность в значительном количестве зарубежных стран.

Однако в процессе репликации воспроизводство предшествующего опыта (в нашем случае – опыта реализации пробации) не может иметь абсолютно равных значений, поскольку условия воспроизводства всегда отличны от первоначального объекта (системы). Во-первых, как было проиллюстрировано в предыдущем подразделе, развитие института пробации в зарубежных странах имело характер поступательного развития ее форм, методов, инструментов; в казахстанскую же практику были внедрены элементы конечных моделей, причем в синтезированной форме. Во-вторых, что явно проявилось в вопросе внедрения практики использования средств технического слежения, репликация без тех или иных значимых элементов механизма не может привести к заметному уровню воспроизводства реплицируемой системы. Институт пробации в тех или иных его моделях представляет собой комбинацию множества факторов: профессиональной готовности сотрудников;

поддержки со стороны общества; финансово-технической составляющей; органичной связи с иными социальными институтами и т.д.

По указанным причинам отдельные нормы, связанные с первоначальным внедрением пробационного контроля в РК, приобрели явно аморфный характер именно в результате прямого применения репликационного метода. Так, в ч. 2 ст. 64 УК РК 1997 г., помимо ранее сформулированных обстоятельств, влекущих негативные последствия для условно осужденного, было включено также указание на умышленное повреждение (порчу) электронных средств слежения [112]. Другие обстоятельства имели место в предшествующем оформлении института условного осуждения: совершение условно осужденным административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и нравственность, права несовершеннолетних, на личность и в сфере семейно-бытовых отношений, за которое на него было наложено административное взыскание; неявка для регистрации без уважительной причины; смена места жительства без разрешения органа, осуществляющего контроль за его поведением; неисполнение возложенных на него судом обязанностей. При этом, согласно ст. 184 УИК РК 1997 г., в случае повреждения (порчи) условно осужденным электронных средств слежения службой пробации УИИ составляется соответствующий акт. Виды электронных средств слежения, которые могла использовать служба пробации УИИ, были определены постановлением Правительства РК от 26 июля 2012 г. № 977 [112; 114]. Наряду с последствиями уголовно-исполнительного характера, при умышленном повреждении (порче) электронных средств слежения осужденные должны были также нести и материальную ответственность.

Предполагалась также и отмена пробационного контроля (ст. 64 УК РК 1997 г. и ст. 184 УИК РК 1997 г.) в случаях, когда условно осужденный в течение испытательного срока повторно совершит одно из выше указанных нарушений, а также в случаях оскорбления, угрозы совершения насильственных действий в отношении сотрудника службы пробации, равно как если осужденный скрылся от контроля [112; 114]. В данном нормативном требовании фактически полностью воспроизводились прежние элементы института условного осуждения (за исключением незаконных действий в отношении электронных средств слежения, которые, по ранее указанным обстоятельствам, реального учета не получали).

К подобному же элементу неполной репликации можно отнести и фактически несостоявшуюся практику усиленного пробационного контроля. В первоначальной редакции изменений УК РК и УИК РК 1997 года усиленный пробационный контроль был адресован случаям нарушений со стороны условно осужденного, вследствие которых судом принималось решение о продлении испытательного срока с установлением усиленного пробационного контроля. При этом параметры «усиления» пробационного контроля были весьма незначительными: устанавливалась обязанность явки для регистрации в службу пробации 4 раза в месяц (вместо 2-х раз при обычном пробационном контроле) (п. 8 ст. 182 УИК 1997 г.) [114]. Данная дифференциация являлась одним из наиболее значимых решений в рамках первоначального внедрения

инструментов пробации в РК; последующий отказ от подобного ранжирования интенсивности воздействия в рамках пробационного контроля (с дальнейшим углублением критериев дифференциации) представляется непоследовательным. Так, казахстанские авторы отмечают, что в США «с 1989 г. в практику введена пробация с интенсивным надзором (ПИН), включающая выполнение предписанных судом общественных работ, периодическое тестирование на наркотики, обязанность учебы или работы на постоянной основе. Осужденный обязывается встречаться с чиновниками в любое время пробации (приходя в офис или принимая его у себя) чаще 20 раз в месяц и оплачивать стоимость осуществляемого за ним надзора» [137].

Введение пробационного контроля предполагало необходимость внесения изменений в функциональный аспект деятельности службы пробации УИИ. Подавляющее большинство функций были сохранены в прежнем формате (ведение учета условно осужденных; осуществление контрольных мероприятий в рамках установленных законом форм; проведение воспитательной и профилактической работы), однако они были дополнены также и мероприятиями по изучению личности условно осужденного, условий его проживания и других обстоятельств, на основе которых предполагалось составление индивидуальной программы социально-правовой помощи [114]. Пробационный контроль в данной связи выступает как разновидность контрольно-обеспечительной деятельности по исполнению наказаний, не связанных с изоляцией от общества [138, с. 400]. Основным моментом альтернативных наказаний является то, что осужденный, вместо отбывания наказания в местах лишения свободы, имеет возможность на исправление в социуме [139, с. 418].

Приведенный исторический экскурс в отношении первоначального этапа внедрения инструментов пробации в РК свидетельствует о том, что он характеризовался исключительно признаками судебной (приговорной) пробации и применялся только в форме пробационного контроля в отношении условно осужденных лиц. Несмотря на относительную дискретность соответствующих изменений, следует отметить, что определенные результаты имели место уже на анализируемом этапе. Так, например, в 2012 г. из почти 60 тысяч условно осужденных под пробационным контролем уже находились 2180 человек, причем в отношении них констатировалось снижение повторной преступности в 6 раз в сравнении с теми, кто под пробационным контролем не находился [140]. В данном случае следует, конечно же, производить оговорку относительно неизбежного проявления «эффекта новизны», который всегда проявляется в повышенном внимании к новой практике, в том числе и к ее результативности. Вместе с тем наличие положительного результата нередко имеет ключевое значение для принятия последующих решений.

Безусловно, указанными изменениями процесс внедрения пробационных механизмов ограничиться не мог, поскольку восприятие пробации уголовно-исполнительной системой государства предполагает не только отдельные организационно-технические и нормативные изменения, но и формирование новой аксиологии деятельности по коррекционному воздействию на

правонарушителей. Несмотря на то, что пробационный контроль не стал принципиально новой формой деятельности, а лишь включил в себя сочетание контрольных функций и функций социального сопровождения условно осужденных, это стало фиксацией перехода к новому качеству работы УИС государства.

Вектор на дальнейшее углубление реформ в данном направлении был задан Концепцией правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года. Данный программно-стратегический документ был призван определить основные направления ближайших этапов развития правовой системы государства с конкретизацией наиболее значимых аспектов реформирования основных отраслей национального права. В частности, в контексте уголовно-исполнительного права было обозначено направление расширения сферы применения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, а также внедрение альтернативных уголовному наказанию мер государственного принуждения [6].

В целях реализации направлений, определенных Концепцией, во исполнение поручения Главы государства от 6 января 2012 г. (№ 51-14.20) были, в частности, разработаны в новых редакциях УК РК, УПК РК, УИК РК, которые были введены в действие с 1 января 2015 г. В данном случае процесс разработки и принятия указанных кодифицированных актов также сопровождался выраженными элементами форсирования, что в дальнейшем неизбежно привело к большому количеству критических замечаний, в том числе связанных и с отсутствием ряда необходимых элементов корреспондирования норм данных нормативных актов. В ряду произведенных изменений пробационный контроль получил существенное расширение по сфере его применения: он начал применяться не только в отношении осужденных условно, но также и в отношении осужденных к наказанию в виде ограничения свободы; освобожденных по УДО от отбывания наказания в виде лишения свободы; а также в качестве принудительной меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних в случаях освобождения их от уголовной ответственности и наказания [9; 10; 141; 142].

Соответственно, учитывая, что так называемый «полный цикл» probation включает 4 основных элемента (досудебная, приговорная, пенитенциарная и постпенитенциарная), к моменту принятия новых УК и УИК 2014 г. в Казахстане уже имели место признаки приговорной и постпенитенциарной probation. Завершением структурно-функционального оформления стало образование на базе ранее существовавших УИИ самостоятельной службы probation. В данном аспекте имели место различные мнения и публикации, в которых достаточно критически ставился вопрос относительно профессиональной самоидентичности вновь созданного подразделения УИС: насколько эффективно возможна перестройка бывших сотрудников УИИ, ориентированных исключительно на выполнение контрольных функций, на необходимость совмещения и комбинации контроля и функций по социальному сопровождению. При этом спектр функций службы probation заметно расширился: помимо ранее выполняемых функций (исполнение уголовных

наказаний, не связанных с лишением свободы; осуществление пробационного контроля за условно осужденными; контроль за лицами, в отношении которых исполнение наказания было отсрочено) были возложены функции по участию в пробационном контроле, осуществляемом полицией в отношении лиц, освобожденных по УДО от отбывания наказания в виде лишения свободы, а также по оказанию социально-правовой помощи лицам, в отношении которых установлен административный надзор после освобождения из пенитенциарных учреждений [10].

Изменения на уровне основных кодифицированных актов потребовали и принятия ряда подзаконных актов регламентирующего характера: Правил оказания социально-правовой помощи лицам, состоящим на учете службы пробации; Правил организации деятельности службы пробации; Правил осуществления контроля за поведением лиц, освобожденных по УДО от отбывания наказания; Правил взаимодействия служб пробации и подразделений полиции по контролю за поведением лиц, состоящих на учетах служб пробации [143; 144; 145; 146].

Учитывая то обстоятельство, что пробация – это институт, преимущественно функционирующий в рамках уголовно-исполнительной деятельности, основное его оформление на этапе принятия новых кодексов имело место в УИК РК 2014 г. Согласно ст. 3 УИК РК, институт пробации определялся уже как «комплекс мер социально-правового характера, вырабатываемых и реализуемых индивидуально в отношении лица, находящегося под пробационным контролем, для коррекции его поведения с целью предупреждения совершения им новых уголовных правонарушений»; а пробационный контроль как «деятельность уполномоченных органов по осуществлению контроля за исполнением возложенных судом на осужденных обязанностей и их поведением, а также оказанию им содействия в получении социально-правовой помощи» (ст. 3 УИК РК) [10]. Из этих определений следует, что пробация начала восприниматься, во-первых, как комплекс мер (контроль за исполнением осужденными лицами возложенных на них судом обязанностей, а также за их поведением; меры социально-правового характера, вырабатываемые и реализуемые уполномоченными органами, осуществляющими пробационный контроль); во-вторых, как способ коррекции поведения осужденных для предупреждения совершения ими новых уголовных правонарушений, реализуемый в рамках всего срока пробационного контроля. Сквозной характеристикой становится заметное усиление принципа индивидуализации процесса коррекционного воздействия (хотя оно не является в полной мере достаточным до настоящего времени).

Следует отметить прямую корреляцию между понятиями «пробация» и «пробационный контроль», которые хоть и являются полностью синонимичными, однако определяются через друг друга. Так, исходя из выше приведенного определения, пробационный контроль характеризуется как разновидность уголовно-исполнительной деятельности, совмещающая в себе функции контроля и социального сопровождения осужденного. В отношении системы социального сопровождения (оказания социальной помощи)

устанавливается диспозитивный характер: служба пробации лишь содействует в получении данной помощи, но она оказывается только по желанию лиц, в отношении которых устанавливается контроль со стороны службы пробации [10]. Фактически пробел образовался исключительно в отношении определения содержания и механизма осуществления пробационного контроля как разновидности принудительной меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних.

Ожидаемые концептуальные изменения случились в организации пробационной деятельности с принятием в декабре 2016 г. Закона РК «О пробации», положения которого были направлены на дальнейшее совершенствование и углубление мер по ресоциализации осужденных, профилактику повторных уголовных правонарушений, обеспечение эффективного взаимодействия заинтересованных государственных органов, неправительственных организаций, институтов гражданского общества в вопросах оказания социально-правовой помощи гражданам, освободившимся из мест лишения свободы и состоящим на учете службы пробации [14].

Именно Законом РК «О пробации» в Казахстане был введен полный цикл пробации, состоящий из досудебной, приговорной, пенитенциарной и постпенитенциарной пробации. Одновременно Законом РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам пробации» от 30 декабря 2016 г. были внесены изменения и дополнения в ряд законодательных актов, регулирующих осуществление пробационной деятельности, в том числе в УИК РК. Кроме того, чуть ранее Указом Президента РК от 8 декабря 2016 г. № 387 была утверждена Комплексная стратегия социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, на 2017-2019 гг. [11; 147; 148]. В контексте последнего документа следует отметить его «разовый» характер, отсутствие дальнейшего развития в последующих документах подобного плана, что к настоящему времени затрудняет оценку изменений, а также их соответствия тем социальным ожиданиям, которые государство и общество имели в связи с внедрением пробации.

Несмотря на то, что дефиниция понятия «пробация» подверглась изменению, отличительные характеристики концентрируются исключительно в том, что новая формулировка определяла его как «систему видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера». Так, в ст. 1 Закона РК «О пробации» и в ст. 3 УИК РК были включены аутентичные формулировки, согласно которым пробация определяется как «система видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера, направленных на коррекцию поведения лиц, категории которых определены законом, для предупреждения совершения ими уголовных правонарушений [9; 10].

При кажущейся незначительности текстуальных изменений, новая дефиниция понятия «пробация» содержала значимые элементы расширения,

что и было замечено представителями научного сообщества. В частности, И.В. Слепцов, Ю.И. Симонова отметили, что понятие «пробация» было расширено в нескольких направлениях. Во-первых, произошло уточнение, что пробация включает в себя не только комплекс мер социально-правового характера, но и меры контрольного характера (это была значимая фиксация того, что контрольная функция сохраняется в качестве одной из основных). Во-вторых, пробация в настоящее время связывается с понятием «системы видов деятельности», которая представляет собой особую связь и взаимодействие субъекта и объекта деятельности. То есть пробация есть система видов деятельности субъектов, ее осуществляющих (службы пробации, соответствующие подразделения полиции, местные исполнительные органы), в адрес лиц, в отношении которых она установлена (то есть фактически выступающих в качестве адресатов пробационного воздействия) [149, с. 16-17].

В последнем аспекте следует особо отметить, что постепенно произошел отказ от использования дефиниции «лица, состоящие на учете службы пробации» в пользу использования формулировки «лица, в отношении которых применяется пробация» [150]. В данном случае следует признать, что соответствующий акцент был связан не с изменением правового статуса лиц, которые ранее определялись в качестве подучетных службы пробации (как можно было бы предположить), а с рассредоточением функций пробации между службой пробации (контроль) и местными исполнительными органами (оказание социально-правовой помощи). Параллельно из функций службы пробации было исключено и составление индивидуальной программы оказания социально-правовой помощи (соответствующее понятие сохранено только в рамках пенитенциарной пробации и отнесено к функциям администрации учреждения УИС). В контексте указанных изменений (внесенных Законом РК от 30 декабря 2021 г. № 95-VII) обнаруживаются пробелы законодательной техники. Так, в частности, в ст. 5 Закона РК «О пробации» дефиниция «лица, состоящие на учете службы пробации» сохранена; отдельные неточности возникли и в других статьях закона (в частности, в п. 4 ст. 13).

Возвращаясь к историческому аспекту анализа, отметим, что Законом РК «О пробации» был конкретизирован вопрос относительно ее форм, в качестве которых были определены пробационный контроль и оказание социально-правовой помощи (ст. 5) [11]. Данное положение сохраняется до настоящего времени за исключением уже указанного рассредоточения функций между службой пробации и местными исполнительными органами. В целом, подобное решение (четкое разграничение форм) следует признать обоснованным, поскольку в первоначальном варианте определения был чрезмерный акцент на социальном сопровождении в ущерб контрольным функциям.

Таким образом, подводя итог теоретическим вопросам, касающимся оценки исторических этапов развития института пробационного контроля в РК, можно сформулировать следующие основные аспекты.

Во-первых, за достаточно непродолжительный период времени (с 2012 г.) он стал самостоятельным правовым институтом, представляющим собой разновидность контрольной деятельности государственных органов (службы

пробации и полиции) по осуществлению контроля за исполнением лицами, в отношении которых он применен, обязанностей, возложенных законом и судом. Именно пробационный контроль стал первичным элементом внедряемого института пробации, что во многом следует объяснить наличием схожего механизма в виде контроля за условно осужденными. При этом впервые на законодательном уровне был определен субъект осуществления пробационного контроля в отношении несовершеннолетних, к которым он был применен в качестве принудительной меры воспитательного воздействия. Данная функция была возложена на органы полиции [10].

Во-вторых, имела место трансформация статуса службы пробации в качестве субъекта, осуществляющего пробацию. Если в предыдущей редакции ст. 3 УИК РК она была представлена как орган УИС, «осуществляющий исполнительные и распорядительные функции по обеспечению исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества и оказывающий содействие осужденным, находящимся на его учете, в получении социально-правовой помощи», то в ст. 9 Закона РК «О пробации» и в редакции ст. 3 УИК РК служба пробации стала представлять собой государственный орган, на который возложены функции «по обеспечению исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества, а также организации и функционированию пробации» [11; 12].

В-третьих, Законом РК «О пробации» была произведена детализация значительного количества аспектов, связанных с функционированием оформленного института пробации. Так, в нем впервые были определены принципы осуществления пробации; конкретизированы лица, в отношении которых она применяется, закреплены их права и обязанности. Кроме того, в нем достаточно подробно определены субъекты, осуществляющие пробационную деятельность, их задачи и функции (соответствующие вопросы будут исследованы в последующих подразделах). Вместе с тем практически никаких кардинальных изменений в организации и осуществлении пробационного контроля он не предусматривает.

В-четвертых, к настоящему времени пробационный контроль, в соответствии с Законом РК «О пробации», составляет основное содержание приговорной пробации, которая реализуется в отношении осужденных к ограничению свободы и условно осужденных, равно как и в рамках постпенитенциарной пробации в отношении лиц, освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы по УДО в соответствии с нормами УИК РК, а также в качестве принудительной меры воспитательного воздействия, применяемой к несовершеннолетним. При этом пробационный контроль диспозитивно сопряжен с оказанием социально-правовой помощи (в случае согласия лица на ее получение). Все это свидетельствует о комбинировании в рамках понятия «пробационный контроль» разнородных по своему определению видов контрольного воздействия, что предполагает наличие объединяющего начала в самом характере пробационной деятельности (в данном случае особая спецификация имеет место в отношении несовершеннолетних лиц, что будет подвергнуто отдельному анализу).

В-пятых, учитывая то обстоятельство, что институт пробации в РК вводился посредством репликационного метода, предполагающего воспроизводство в новых условиях опыта, сложившегося в других государствах на протяжении длительного периода времени, именно приговорная пробация, реализуемая посредством пробационного контроля, стала наиболее успешным звеном полного «пробационного цикла», поскольку в качестве своей основы имела сформированную практику контрольной деятельности УИИ в отношении условно осужденных лиц (в отличие от иных форм пробации, где репликация привела к заметным затруднениям уже на первоначальных этапах). Существенной составляющей репликационной модели казахстанского пробационного контроля стали постепенно реализуемые элементы «сервисно ориентированного» подхода, в рамках которого «подучетное лицо» начало восприниматься как «лицо, в отношении которого применяется пробация».

2.2 Пробационный контроль по действующему законодательству Республики Казахстан: сущность, цели, принципы осуществления

Как было отмечено ранее, в настоящее время пробационный контроль (как службы пробации, так и полиции) представляет собой самостоятельный правовой институт, осуществляемый в рамках пробационной деятельности. При этом, как вытекает из норм действующего законодательства, регламентирующих деятельность, связанную с применением и осуществлением пробации, он представляет собой одну из разновидностей контрольной деятельности определенных государственных органов, связанной с осуществлением контроля за поведением лиц, в отношении которых он применен и состоящих на их учете [9; 10].

В п. 2 ст. 5 Закона РК «О пробации» установлено, что пробационный контроль представляет собой «деятельность службы пробации и полиции по осуществлению контроля за исполнением лицами, состоящими на их учете, обязанностей, возложенных на них законом и судом» [11]. В свою очередь, в п. 9 ст. 3 УИК РК понятие пробационного контроля дается немного иначе, а именно как «деятельность уполномоченных органов по осуществлению контроля за исполнением лицами, состоящими на их учете, обязанностей, возложенных на них законом и судом» [11]. Что же касается формулировки в УК РК, то, согласно ч. 2 ст. 44 УК РК, пробационный контроль осуществляется «уполномоченным государственным органом»; отсутствует точность и в УИК РК [9; 10]. То есть фактически конкретизация субъектов пробационного контроля имеет место исключительно в рамках Закона РК «О пробации». Причем в ст.ст. 8, 15, 17, 19 самого Закона РК «О пробации» детализируется, какие именно уполномоченные органы и конкретно в отношении каких категорий лиц осуществляют пробационный контроль [11].

Все это свидетельствует о погрешностях в законодательной технике, которые являются значимым дефектом и подлежат устранению. Так, в соответствии с п. 7 ст. 23 Закона РК «О правовых актах», термины и

определения, используемые в нормативном правовом акте, должны соответствовать терминам и определениям, применяемым в вышестоящем нормативном правовом акте, регулирующем однородные общественные отношения [151]. Поскольку УК РК и УИК РК, в соответствии со ст. 10 Закона РК «О правовых актах», в иерархии нормативных правовых актов занимают более высокое место, чем Закон РК «О пробации» [151], следовательно, последний в обязательном порядке должен содержать аутентичное понятие пробационного контроля тому, которое приводится в УИК РК (в ст. 44 УК РК определение пробационного контроля имеет не дефинитивный характер, а выполняет функцию детализации его содержания). Соответственно, с учетом того, что Закон РК «О правовых актах» (п. 1 ст. 25) предусматривает возможность того, что при необходимости в нормативных правовых актах могут быть воспроизведены отдельные нормы права из нормативных правовых актов вышестоящего уровня со ссылкой на такие акты, предлагается п. 2 ст. 5 Закон РК «О пробации» изложить в следующей редакции: *«Пробационный контроль представляет собой деятельность уполномоченных органов по осуществлению контроля за исполнением лицами, состоящими на их учете, обязанностей, возложенных на них законом и судом».*

Как показал анализ норм УК РК, УИК РК, регламентирующих деятельность, связанную с применением и осуществлением пробационного контроля, а также текста Закона РК «О пробации», его сущность заключается в осуществлении наблюдения (контроля) за поведением лица, состоящего на учете уполномоченного органа, его своевременной коррекции, а равно принятии предусмотренных законодательством мер в случае неисполнения им обязанностей, возложенных законом и судом [8; 9; 10]. Таким образом, можно выделить следующие основные цели, стоящие перед пробационным контролем:

1) оценка со стороны уполномоченного органа своевременности и полноты объема выполнения лицом, в отношении которого применен пробационный контроль, обязанностей, возложенных на него законом и судом, а также выявление отклонений в поведении данного лица, равно как и анализ причин данных отклонений;

2) недопущение совершения лицом, в отношении которого осуществляется пробационный контроль, новых уголовных и других правонарушений;

3) принятие корреспондирующих (ответных) решений со стороны уполномоченного органа и суда по факту нарушения условий пробационного контроля в соответствии с действующим законодательством.

Как разновидность государственного контроля и как одна из форм пробации пробационный контроль в обязательном порядке базируется на определенной системе принципов, что необходимо в силу наличия у контролируемых субъектов весьма существенного спектра полномочий. Причем данные принципы должны базироваться как на общих конституционных принципах, так и на ряде принципов отраслей права, регулирующих вопросы противодействия уголовным правонарушениям, и отражать общие требования общепризнанных норм и стандартов

международного права, относящихся к обращению с лицами, попавшими в сферу уголовной юстиции [37, с. 206-209; 149, с. 32-33; 152, с. 83-85; 153; 154, с. 57].

Как отмечает В.Г. Афанасьев, в нормах права в общей и абстрактной форме фиксируется схема управления общественными процессами. Будучи, по существу, формальной схемой, нормы, тем не менее, выступают как эффективное средство управления [155, с. 297]. В связи с этим, когда речь идет о принципах пробационного контроля, необходимо иметь в виду, что в них отражаются не только принципы, заложенные в правовом регулировании правоотношений, возникающих при осуществлении данной деятельности, но и принципы деятельности уполномоченных органов, осуществляющих данный специфический вид контрольного воздействия.

Исходя из изложенного, систему принципов пробационного контроля можно условно разбить на две группы. К первой группе относятся принципы, присущие правовому регулированию и осуществлению правоприменительной деятельности в этой области (область уголовно-исполнительного правоприменения), ко второй – организационно-управленческие, лежащие в основе деятельности уполномоченных органов, осуществляющих пробационный контроль. Причем, рассуждая о первой группе принципов, необходимо отметить, что в теории права их принято подразделять на общеправовые, т.е. свойственные национальному праву в целом, межотраслевые – характерные только для смежных отраслей права и специальные (отраслевые) – присущие определенной отрасли права и отражающие ее специфику [37, с. 210-212; 149, с. 33; 152, с. 83-85; 153; 154, с. 57].

С учетом того, что пробационный контроль как разновидность государственного контроля осуществляется в рамках уголовно-исполнительной деятельности, то, согласно данной классификации, к общеправовым принципам его осуществления можно отнести те, которые зафиксированы в ст. 5 УИК РК и ст. 3 Закона РК «О пробации»: соблюдение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина; законность; гуманизм [9; 10]. Принцип соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина при осуществлении пробационного контроля выступает в качестве основополагающего, поскольку является производным от конституционного положения о высшей ценности прав и свобод человека в Казахстане (ст. 1 Конституции РК) [156].

Ценностное содержание принципа соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина заключается в том, что в процессе осуществления пробационного контроля уполномоченные органы, его реализующие, обязаны признавать, соблюдать и защищать права, свободы и законные интересы лиц, в отношении которых он установлен, создавая при этом условия для их реализации и механизмы их защиты. В отношении реализации деятельности, подобной пробационному контролю, внимательное отношение к принципам наиболее значимо, поскольку в силу зависимого положения осужденных явно присутствуют риски возникновения тех или иных злоупотреблений и искажений самой сути данной деятельности, заложенной

законодателем.

Специфика правового статуса лиц, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, заключается в том, что, хотя он и базируется на общем правовом статусе гражданина Республики Казахстан, однако в отношении данной категории лиц права, свободы и обязанности осуществляются с определенными изъятиями и ограничениями, устанавливаемыми уголовным, уголовно-исполнительным законодательством и Законом РК «О пробации» (ст. 9 УИК РК, ст. 4 Закона РК «О пробации») [9; 10]. Совершенно справедливо отмечается в теории, что правовой статус осужденного – это разновидность специального правового статуса человека и гражданина. Осужденные – это категория лиц, объединенная в группу по признаку отбывания ими уголовного наказания» [157, с. 7]. Как указывает доктор юридических наук Т.Ф. Минязева, «сущность правового положения осужденных выражается в том, что они, оставаясь гражданами своего государства, имеют ограниченный специфический правовой статус. Ограничения правового статуса личности осужденных обусловлены мерой назначенного им наказания, определенным порядком ее исполнения, целями реализации уголовной ответственности, основными направлениями уголовно-исполнительной политики и могут меняться в зависимости от поведения виновного в период исполнения наказания» [158, с. 14]. В.И. Селиверстов в своем диссертационном исследовании 1992 г. в отношении правового статуса осужденных также использует термин «специальный» и указывает, что он формируется «... в результате ограничения, сохранения, конкретизации и дополнения общего правового статуса граждан» [159, с. 11]. В более поздних исследованиях используется даже термин «пробационное население» (как противовес уже устоявшемуся термину «тюремное население»), что предполагает и наличие у соответствующих лиц особого правового статуса [160, с. 7].

Таким образом, принцип соблюдения и всемерной защиты прав и свобод граждан (в данном случае – осужденных) необходим для того, чтобы их правовой статус соответствовал тем положениям, которые устанавливаются законом, и не подвергался чрезмерной трансформации (даже деформации) за счет тех или иных искажений в рамках правоприменения.

Законность также является основополагающим принципом функционирования всей политико-правовой системы государства и одним из важнейших конституционных принципов, который закреплен во многих статьях Конституции РК (ст.ст. 4, 12, 13, 14 и др.) [156]. Он непосредственным образом связан с ранее проанализированным принципом соблюдения прав и свобод человека, поскольку предполагает наличие в обществе хорошо продуманной системы законов («нормативной инфраструктуры»), которые отвечают объективным условиям жизнедеятельности, верховенства закона, его приоритета в отношении иных нормативных правовых актов, а также точного, строгого и единообразного соблюдения законов всеми гражданами и всеми должностными лицами, структурами законодательной, судебной и исполнительной власти [149, с. 36; 152, с. 83-85; 153; 154, с. 58-60; 155, с. 215-

216]. В связи с этим законность как принцип осуществления пробационного контроля означает:

1) верховенство Конституции РК и приоритет норм законодательных актов, регламентирующих применение и осуществление пробационного контроля над положениями других нормативных правовых актов, регулирующих эту сферу;

2) единство законности, которое состоит в точном и единообразном выполнении требований нормативных актов, регламентирующих применение и осуществление пробационного контроля на всей территории Казахстана;

3) всеобщность законности, которая заключается в ее обязательности как для судебных и уполномоченных органов, устанавливающих и осуществляющих пробационный контроль, так и для лиц, в отношении которых он применен;

4) неотвратимость реализации законности, предполагающая пресечение любых нарушений законодательства, регламентирующего применение и осуществление пробационного контроля, от кого бы они не исходили. Всякое нарушение предусмотренного законодательством порядка и условий применения и осуществления пробационного контроля является одновременно и нарушением законности. При этом, как отмечают И.В. Слепцов и Ю.И. Симонова, меры государственного принуждения, применяемые в процессе его осуществления, не являются юридической гарантией законности, напротив, законность выступает гарантией правомерности применяемого принуждения [149, с. 37];

5) неразрывную связь законности и правовой культуры, поскольку обеспечение законности в сфере применения и осуществления пробационного контроля во многом зависит от правовой культуры судейского корпуса и персонала уполномоченных органов, его осуществляющих, а также от знаний установленного порядка и условий его осуществления лицами, в отношении которых он применен.

Законность как принцип пробационного контроля реализуется, во-первых, посредством закрепления в УИК РК (ст.ст. 9-13, 21, 22, 66, 68, 69, 166, 167, 169, 174 и др.) и Законе РК «О пробации» (ст.ст. 4, 7, 8, 9) правового статуса персонала органов, уполномоченных его осуществлять, а также лиц, в отношении которых она применяется [9; 10]. Во-вторых, точным и строгим соблюдением норм законодательства, регламентирующего порядок и условия, применения и осуществления пробационного контроля судебными органами, персоналом уполномоченных органов, его осуществляющих, а также лицами, в отношении которых он применен.

Гуманизм как принцип пробационного контроля составляет нравственную основу его осуществления, отражая совокупность идей о признании человека высшей ценностью для государства (ст.ст. 1, 17 Конституции РК) [156]. Данный принцип направлен на обеспечения процесса осуществления пробационного контроля в таких формах, средствах и методах, которые не имеют целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства лица, в отношении которого он применен [149,

с. 38; 154, с. 65]. При этом следует отметить, что указанные составляющие принципа гуманизма к настоящему времени можно отнести к минимуму, поскольку общество идет по пути манифестации и создания механизмов гораздо более глубокого «очеловечивания» системы государственного управления, что является доминирующей идеей Концепции развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 года [161].

Соответственно, применительно к пробационному контролю государство берет на себя обязанность обеспечить такие условия его осуществления и такое обращение с лицами, в отношении которых он применен, которые в полной мере соответствовали бы достойному существованию человека. Так, согласно положениям ст. 10 УИК РК, осужденные имеют право на признание их человеческого достоинства, защиту от пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания, а также личную безопасность во время отбывания наказания. В свою очередь государство берет на себя обязанность обеспечивать соответствующую правовую защиту и личную безопасность (ст. 9 УИК РК) [10].

Степень реализации принципа гуманизма пробационного контроля (безусловно, с учетом соблюдения ранее указанного минимума) поставлена законом в прямую зависимость от поведения лиц, в отношении которых он применен, от желания и стремления последних проявлять себя определенным образом. Так, если лицо, находящееся под пробационным контролем, не нарушает установленный законодательством порядок и условия его осуществления, то ему предоставляется широкая возможность получения различного рода льгот (поощрения, возможность досрочного прекращения пробационного воздействия и т.п.). Если данное лицо выбирает путь неповиновения и правонарушений, то в отношении него могут быть применены более жесткие меры государственного принуждения [149, с. 38]. Подобная динамика коррекции карательного воздействия не идет вразрез с принципом гуманизма, если она построена рационально и не сопряжена с посягательством на человеческое достоинство. Следует отметить, что механизм поощрительного воздействия на лиц, в отношении которых установлен и реализуется пробационный контроль, до настоящего времени не вполне отвечает потребностям более детального и индивидуального учета поведения осужденных (данный вопрос будет акцентирован в последующих подразделах).

К межотраслевым принципам (в нашем случае, характерным только для отраслей права, регулирующих сферу борьбы с уголовно наказуемыми деяниями) относятся принципы, предполагающие подчинение всего содержания норм уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права и законодательства о пробации единой цели борьбы с преступностью, дифференциации и индивидуализации наказания [37, с. 225-227; 149, с. 33; 154, с. 71]. К данной группе принципов, в частности, можно отнести: неотвратимость пробационного контроля (как частное проявление принципа неотвратимости уголовной ответственности); дифференцированный и индивидуальный подход при его применении и осуществлении; рациональное применение мер принуждения при применении и осуществлении

пробационного контроля.

Принцип неотвратимости пробационного контроля выражается в его обязательном осуществлении в случаях, если он применен судом, а равно в обязанности соответствующего лица (осужденного) претерпеть кару. Кара заключается в лишениях и ограничениях в правах и свободах, в том числе и дозированных (не чрезмерных) нравственных страданиях в течение срока, определенного решением суда. При этом лица, в отношении которых применен пробационный контроль, обязаны соблюдать требования, установленные УИК РК и Законом РК «О пробации», а также обязанности, установленные судом. Кроме того, они обязаны выполнять установленные для них правила поведения, законные требования персонала уполномоченных органов, осуществляющих за ними пробационный контроль (ст.ст. 11, 21 УИК РК, ст. 4 Закона РК «О пробации») [10; 11]. Иными словами, сама сущность пробационного воздействия заключается в том, что наличие в нем диспозитивных элементов не исключает факта, что установление пробационного контроля не сопряжено с паритетным началом, возможностью выбора той или иной степени воздействия самим лицом, совершившим уголовное правонарушение.

Принцип дифференцированного и индивидуального подхода при осуществлении пробационного контроля состоит в установлении разных форм и способов осуществления такой деятельности в зависимости от различного правового положения лиц, в отношении которых он установлен, применительно к их различным группам и конкретным личностям. Дифференциация осуществления пробационного контроля предполагает разделение лиц, в отношении которых он применен, на различные категории, имеющие разный правовой статус.

Дифференциация фактически осуществляется на разных этапах пробационного контроля и по целому ряду критериев: пол, возраст, вид назначенного наказания или иной меры уголовно-правового воздействия, постпенитенциарное состояние и т.д. При этом для каждой группы лиц, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, УИК РК и Законом РК «О пробации» установлен определенный объем прав и обязанностей, правоограничений и льгот. Дифференциация фактически является первичной стадией ранжирования содержания и интенсивности пробационного контроля в отношении той или иной группы осужденных.

В свою очередь, индивидуализация как принцип осуществления пробационного контроля выражается в требовании адресно-ориентированного, персонифицированного подхода к каждому лицу, в отношении которого он применен. Если основу дифференциации составляют, как правило, правовые критерии, то основу индивидуализации – личностные характеристики (наличие или отсутствие нарушений, особых потребностей в коррекции поведения и т.д.). Индивидуализация состоит в необходимости учета в процессе осуществления пробационного контроля, помимо групповых, также и индивидуальных, причем, и положительных, и отрицательных нравственно-психологических особенностей лиц, в отношении которых устанавливается пробационный контроль [149, с. 40].

Принцип дифференциации и индивидуализации представляет собой комбинированную, взаимообусловленную и взаимосвязанную систему методов воздействия, которая позволяет скорректировать организацию пробационного процесса в зависимости от групповых и индивидуальных признаков лиц, в отношении которых осуществляется пробационный контроль. Как справедливо отмечают И.В. Слепцов и Ю.И. Симонова, полнота их реализации зависит от уровня организаторской работы и психолого-педагогического мастерства субъектов, осуществляющих пробацию [149, с. 41]. В данном случае оценка может происходить исключительно на микроуровне, поскольку каждый сотрудник службы пробации использует собственный набор методов воздействия, который будет существенным образом зависеть от субъективных факторов (опыта, темперамента, степени эмпатии, социальной ответственности и многих других). При этом принцип дифференциации, который напрямую следует из норм законодательства, к настоящему времени обеспечен неудовлетворительно (данный аспект будет затронут далее, после рассмотрения всех принципов пробационного контроля).

Принцип рационального применения мер принуждения в рамках пробационного контроля заключается в установлении законодателем таких видов мер принуждения и в таком их объеме, который будет необходимым и достаточным для достижения целей, стоящих перед пробационным контролем (а фактически – перед уголовным наказанием или применяемой мерой уголовно-правового воздействия). Рациональность применения мер принуждения заключается, во-первых, в дозировании карательно-репрессивного воздействия, во-вторых, в его достаточности и соразмерности. В зависимости от вида назначенного наказания или иной меры уголовно-правового воздействия либо соответствующего постпенитенциарного статуса (в случаях УДО), пробационному контролю должен быть свойственен свой набор средств принуждения, применяемых в конкретных условиях. Законодательное закрепление в нормах уголовного, уголовно-исполнительного права и Закона РК «О пробации» ответственности лиц, в отношении которых установлен пробационный контроль, за нарушение порядка и условий его осуществления, а также оснований и порядка применения к ним мер принуждения за их нарушения позволяет упорядочить (рационализировать) принудительное воздействие в отношении осужденных.

Отраслевыми (специальными) принципами пробационного контроля являются те требования (идеи), которые воплощены исключительно в правовых нормах, регламентирующих данную сферу деятельности, и отражают его сущность, содержание и качественные особенности как самостоятельного института [37, с. 227-233; 149 с. 33; 154, с. 86]. К данной группе принципов, в частности, можно отнести: соединение пробационного контроля с оказанием социально-правовой помощи лицам, в отношении которых он применен; стимулирование правопослушного и активного общественно полезного поведения лиц, в отношении которых осуществляется пробационное воздействие.

Принцип соединения пробационного контроля с оказанием, социально-

правовой помощи предполагает, что параллельно с осуществлением контроля за исполнением лицами обязанностей, возложенных на них законом и судом, им по их желанию на основании индивидуальной программы может быть оказана такая помощь (ст.ст. 21, 22, 69, 166, 167, 169, 174 УИК РК, ст.ст. 5, 6, 9 Закон РК «О пробации») [10; 11]. Данный принцип также является следствием использования репликационного метода в формировании института пробации в РК, поскольку ранее имели место только отдельные элементы социального вспоможения, однако они фактически не имели оформления в рамках самостоятельной формы пробации. Как ранее отмечалось, репликация имеет риски того, что в новых условиях (системе) те или иные результаты могут не быть достигнуты или иметь частичный характер. Очевидно, именно по этой причине нормативное регулирование вопросов относительно субъектов оказания социально-правовой помощи достаточно быстро подверглось изменениям, в результате которых определена исключительная субъектность местных исполнительных органов (при содействующей функции службы пробации).

Принцип стимулирования правопослушного и активного общественно-полезного поведения лиц, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, заключается в широком использовании различных правовых стимулов, закрепленных в поощрительных нормах УИК РК и Закона РК «О пробации», предусматривающих возможности улучшения правового положения лиц, в отношении которых он применен, вплоть до его досрочного прекращения. При этом поощрительные нормы выступают как средства формирования правомерного поведения лиц, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, поскольку они закрепляют тот или иной вид стимула (фактически – законного интереса), направленного на культивирование их активного, позитивного поведения [162, с. 15; 163, с. 14-15]. Так, например, согласно ст. 72 УК РК, находящиеся под пробационным контролем осужденные к ограничению свободы могут быть представлены к УДО после фактического отбытия определенного срока наказания, если судом будет признано, что для своего исправления они не нуждаются в полном отбывании данного наказания. В свою очередь, в отношении находящегося под пробационным контролем условно осужденного, в соответствии со ст. 64 УК РК, суд по истечении не менее половины установленного срока пробационного контроля может постановить об отмене условного осуждения, если данное лицо своим поведением доказало свое исправление [11].

К группе организационно-управленческих принципов пробационного контроля, в первую очередь, можно отнести гласность (открытость) и взаимодействие субъектов, осуществляющих пробационный контроль (ст. 3 Закона РК «О пробации») [11]. Принцип гласности означает открытый характер осуществления пробационного контроля, причем немалая роль в обеспечении принципа гласности принадлежит средствам массовой информации. Так, в соответствии со ст. 20 Закона РК «О средствах массовой информации» от 23 июля 1999 г., представители средств массовой информации (журналисты) имеют право, в том числе, посещать уполномоченные органы,

осуществляющие пробационный контроль, и быть принятыми их должностными лицами в связи с осуществлением своих служебных обязанностей; получать доступ к документам и материалам (за исключением содержащих сведения, составляющие государственные секреты); запрашивать, получать и распространять полученную информацию [164].

Вместе с тем субъектам, участвующим в осуществлении пробационной деятельности, запрещается предоставление и разглашение сведений об ее организации и осуществлении, «составляющих государственные секреты и иную охраняемую законом тайну». Кроме того, им запрещено разглашать также и персональные данные, а также сведения о частной жизни лиц, в отношении которых применяется probation, без их письменного согласия (ст.ст. 3, 11 Закона РК «О probation»). При этом, согласно ст. 1 Закона РК «О персональных данных и их защите», к персональным данным, в частности, относятся биографические данные и факты, национальная принадлежность, место фактического проживания и регистрации, биометрические данные о физическом лице [11; 165]. В свою очередь, сведения о частной жизни касаются любой информации, охватывающей всю сферу личной и семейной жизни, родственных, дружеских связей, домашнего уклада, интимных и других личных отношений, привязанностей, симпатий и антипатий, образ мыслей человека, его манеру поведения, привычки, хобби, мировоззрение, политические и религиозные взгляды, творчество и увлечения и т.п., которые лицо, в принципе, не скрывает, но, тем не менее, распространение и такого рода информации без его согласия не допускается.

При этом личная тайна непосредственно касается интересов лишь конкретного лица, а семейная затрагивает интересы нескольких лиц. К личной тайне могут относиться также сведения о тех или иных фактах биографии, о социальном происхождении, об имущественном положении, об интимных сторонах жизни лица, о состоянии здоровья (например, наличие болезней, постыдных с точки зрения морали); о наличии дурных привычек, склонностей и т.п. К семейной тайне, в свою очередь, относятся сведения об отношениях между супругами, родителями и детьми, которые скрываются от других лиц (например, происхождение детей в результате искусственного оплодотворения, тайна усыновления, супружеская измена и т.п.) [165, с. 101-122; 166, с. 376; 167, с. 645].

Принцип взаимодействия субъектов, осуществляющих пробационный контроль, в репликационной модели казахстанской probation к настоящему времени является важным фактором в проведении единой государственной политики в области борьбы с уголовными правонарушениями. При этом категория «взаимодействие» в широком смысле выступает как философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого [169, с. 74]. Но для ясного понимания термина «взаимодействие» применительно к пробационной деятельности необходимо обратиться к более узкой и наиболее часто употребляемой в смысловом отношении социальной категории, которая по своей сущности созвучнее с понятием «координация». Здесь можно

согласиться с И.В. Слепцовым и Ю.И. Симоновой, которые под «взаимодействием» в организационно-правовом смысле, характеризуя принципы пробации в целом, предлагают понимать «деятельное проявление в соответствии с нормами законодательства субъектов (участников) взаимодействия, согласованного по цели, основанного на кооперации, деловом сотрудничестве и взаимопомощи в интересах решения их общих задач». При этом авторы отмечают, что данный принцип предполагает совокупность определенных организационно-правовых форм и методов, направленных на совместное решение тех задач, которые стоят перед субъектами взаимодействия, и должен быть направлен на получение фиксированного полезного результата [149, с. 41-42].

По результатам анализа норм уголовно-исполнительного законодательства и законодательства в области осуществления пробационной деятельности, а также правоприменительной практики, в настоящее время можно выделить определенные уровни взаимодействия между субъектами, на которых возложены функции по осуществлению пробационного контроля:

- во-первых, это взаимодействие самого МВД РК со структурными подразделениями, непосредственно осуществляющими пробационный контроль (соответствующие подразделения полиции и службы пробации). Данный уровень реализуется, в частности, путем разработки МВД РК подзаконных нормативных актов, регламентирующих его осуществление; координации деятельности структурных подразделений, непосредственно осуществляющих пробационный контроль; обобщения предложений по его совершенствованию, а также осуществления ведомственного контроля в сфере пробационной деятельности (ст.ст. 16, 17, 28 УИК РК; ст. 8 Закона РК О пробации) [10; 11]. Данный уровень взаимодействия можно назвать «вертикальным»;

- во-вторых, это взаимодействие соответствующих подразделений полиции и службы пробации между собой по вопросам осуществления пробационной деятельности и по выработке и осуществлению комплекса мер по профилактике, выявлению, изучению, устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений со стороны лиц, находящихся под пробационным контролем. Данный уровень взаимодействия можно именовать горизонтально-внутриведомственным уровнем;

- в-третьих, взаимодействие службы пробации с местными исполнительными органами, гражданами, общественными объединениями, в том числе международными, и иными юридическими лицами, участвующими в пробационной деятельности по вопросам оказания социально-правовой помощи лицам, в отношении которых осуществляется пробационный контроль (ст. 18 УИК РК, ст.ст. 10, 11 Закона РК О пробации) [10; 11]. Данный уровень взаимодействия, в частности, осуществляется в рамках Консультативно-совещательного органа по содействию деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового воздействия, а также организации социальной и иной помощи лицам, отбывшим уголовные наказания, которые создаются и действуют при местных

исполнительных органах [170]. Соответственно, данный уровень взаимодействия можно определить как горизонтально-межведомственный.

Эффективная работа служб пробации, направленная на ресоциализацию осужденных и снижение числа лиц, освобожденных из мест лишения свободы, возможна при тесном взаимодействии органов исполнения наказания, осуществляющих контроль за осужденными без лишения свободы и местных исполнительных органов, имеющих ресурсы для обеспечения их социально-правовой и иной помощью [171, с. 380].

В завершение исследования теоретических вопросов данного подраздела следует дополнительно остановиться на принципе дифференциации исправительного воздействия в процессе осуществления пробационного контроля, который ранее был отнесен к межотраслевым принципам. Примечательно, что в теоретических исследованиях нередко принципы дифференциации и индивидуализации исправительного воздействия не подвергаются размежеванию, хотя и признается их высокая практическая значимость, требующая детального законодательного закрепления [172, с. 11]. При этом вопросы дифференциации и индивидуализации преимущественно актуализируются в отношении отдельных категорий осужденных (женщин, несовершеннолетних, лиц с инвалидностью и т.д.). Так, А.Л. Санташов в своей докторской диссертации аргументирует различные варианты углубления дифференцированного воздействия на несовершеннолетних осужденных, среди которых и основанное на возрастном ранжировании внутри данной группы (14-15 лет и 16-17 лет) [173, с. 15].

В свою очередь О.Ф. Сундурова обобщает законодательство и практику усиления наказания, которое она рассматривает в качестве значимого элемента дифференциации исправительного воздействия и приходит к выводу, что она «...заключается в более адекватном обеспечении достижения стоящих перед наказанием целей...» [174, с. 6]. В частности, автор предлагает даже механизм замены наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на более строгий вид в случае злостного уклонения от его исполнения, а также конструкцию состава преступления, объективная сторона которого выражается именно в уклонении от отбывания наказания. А.Р. Гараева подвергла исследованию обратный процесс – смягчения уголовного наказания в процессе его исполнения и в этой связи отмечает, что «при регламентации смягчения наказания в процессе его исполнения законодатель исходит из идеи признания дальнейшего исполнения назначенного судом наказания нецелесообразным либо в связи с достижением определенных результатов в исправлении осужденного...» [175, с. 7].

Вопросы усиления (смягчения) наказания, равно как входящих в его структуру карательных элементов, преимущественно следует отнести к процессу индивидуализации; что же касается дифференциации исправительного воздействия, то в данном случае предполагается, что в рамках одной меры наказания (уголовно-правового воздействия) допускаются те или иные специальные условия, которые необходимы для достижения целей исправления в связи с теми или иными обстоятельствами (тяжестью

совершенного уголовного правонарушения, личностью виновного лица и др.). В этом контексте особого внимания требует наличие диспропорции в контексте пробационного контроля, устанавливаемого при назначении наказания в виде ограничения свободы, а также как содержания мер воздействия при условном осуждении. Так, в соответствии со ст. 63 УК РК, в отношении условно осужденного устанавливается пробационный контроль по правилам ст. 44 УК РК на весь срок назначенного судом наказания в виде лишения свободы.

При этом обращают на себя внимание, как минимум, три обстоятельства, которые формируют критическую диспропорцию в карательном воздействии на осужденных к ограничению свободы и условно осужденных: 1) максимальный срок пробационного контроля в контексте наказания в виде ограничения свободы, по смыслу ч. 1 ст. 44 УК РК, составляет 7 лет; при этом толкование ч. 6 ст. 63 УК РК свидетельствует о том, что максимальный срок условного осуждения может составлять до 12 лет лишения свободы (т.к., согласно ч. 4 ст. 11 УК РК, это максимальный срок наказания в виде лишения свободы за тяжкое преступление); 2) в структуру наказания в виде ограничения свободы включен принудительный труд по 100 часов ежегодно; условное осуждение же предполагает только исполнение обязанностей, возложенных законом и судом; 3) условное осуждение применяется только в случае назначения наказания в виде лишения свободы, являющегося самым строгим из всех видов уголовного наказания, что автоматически свидетельствует о том, что соответствующее деяние и лицо, его совершившее, обладают достаточно высокой степенью общественной опасности. Кроме того, как дополнение к приведенному перечню обстоятельств также можно отметить, что ограничение свободы для несовершеннолетних устанавливается сроком до 2-х лет (ч. 6 ст. 81 УК РК), а пробационный контроль при условном осуждении – только на срок от 6 месяцев до 1 года (ч. 3 ст. 63 УК РК). Наконец, следует учитывать, что лишение свободы может быть назначено лицу, к которому применено условное осуждение как по санкциям, где вообще нет иных альтернативных наказаний, так и в рамках альтернативных санкций – в обоих случаях следует вести речь о том, что законодатель и (или) суд оценивают преступление как весьма общественно опасное деяние.

Из представленных сопоставлений явственно следует, что режим условного осуждения, установленный законодателем, отличается необоснованной мягкостью. Очевидно, это стало следствием того, что при пересмотре содержания наказания в виде ограничения свободы не произошло одновременное его сопоставление с условным осуждением как мерой уголовно-правового воздействия. Здесь следует указать, что в теории вопрос недостаточно четкого размежевания ограничения свободы как вида наказания и условного осуждения поднимается достаточно активно. Причем, многие авторы настаивают на том, что условно осужденные психологически не ощущают, что оно является альтернативой самого строгого уголовного наказания – лишения свободы. В частности, Л. Ларина приводит результаты проведенного ею социологического опроса, согласно которому 76 % осужденных сами полагают, что условное осуждение представляет собой своего рода уход от наказания, а

87% лиц, которые были осуждены повторно после применения к ним условного осуждения, указали, что при совершении повторного преступления верили в свою безнаказанность [176, с. 114]. С.Ю. Скобелин приводит собственные результаты опроса, в соответствии с которыми установлено, что 72 % условно осужденных выразили мнение, что они отбывают наказание, не связанное с лишением свободы (т.е. по их субъективному ощущению условное осуждение – разновидность наказания) [177, с. 40]. Д. Дядькин в этом смысле полагает, что условное осуждение представляет собой своего рода промежуточную меру между лишением свободы и ограничением свободы [178, с. 36] из чего следует, что в условном осуждении автор усматривает более строгую меру воздействия, нежели ограничение свободы.

Таким образом, закономерен вывод о том, что даже при наличии схожих элементов в структуре наказания в виде ограничения свободы и условном осуждении последнее явно не может быть менее строгой мерой, нежели первое. При этом, как совершенно справедливо указывают исследователи, если оценивать характер обязанностей, возлагаемых на лиц, осужденных к ограничению свободы, а также условно осужденных, то вполне закономерен вывод о том, что по структуре их исполнения они являются достаточно схожими [179, с. 16]. Именно по этой причине в науке уже достаточно давно высказываются мнения относительно того, что ограничение свободы и условное осуждение должны быть более четко разграничены в тексте уголовного закона [180, с. 195]. Как указал в своей докторской диссертации И.М. Агзамов, «потребность в условном неприменении наказания тем сильнее, чем выше преступность, требующая применения лишения свободы, и чем несовершеннее «лестница» наказаний, не позволяющая находить в нужный момент реальную (а не условную) альтернативу лишению свободы» [181, с. 133].

Таким образом, как минимум, в отношении отдельных категорий условно осужденных (в частности, для тех, кому условное осуждение применено при осуждении за тяжкое преступление) требуется усиление карательного воздействия с той целью, чтобы сама сущность условного осуждения не была нивелирована чрезмерной унификацией объекта уголовно-исполнительного воздействия, который, в частности, В.Н. Орлов в своей докторской диссертации определил как «элементы правового статуса (положения) осужденного, т. е. права, обязанности и законные интересы осужденного, определенные судом для карательного воздействия со стороны учреждения и/или органа, должностного лица, исполняющих уголовные наказания» [182, с. 12]. Кроме того, автор предлагает термин «испытывание карательной деятельности», под которой понимается «процесс, в результате которого осужденный испытывает лишения, ограничения, замену и дополнения прав, обязанностей и законных интересов. Испытывание карательной деятельности, – отмечает В.Н. Орлов, – является основным объектом регулирования в процессе отбывания наказания» [182, с. 14]. Соответственно, следует отметить, что с позиции четкого понимания, какое карательное воздействие должен фактически испытывать условно осужденный (в особенности, когда речь идет об осуждении за тяжкие

преступления), и должен формироваться объект уголовно-исполнительного воздействия, т.е. объем тех ограничений, которые данное лицо должно претерпевать.

Таким образом, институт условного осуждения часто становится объектом серьезной критики. Как правило, речь идет о том, что условное осуждение – это фактически своего рода «лазейка», «инструмент» к тому, чтобы иметь возможность корректировать объем назначения реального отбывания наказания в виде лишения свободы (не говоря о частных ситуациях, когда имеются риски фактически избежать наказания при совершении весьма общественно опасных деяний). Исследователи, в частности, крайне критично оценивают объем ограничений, возлагаемых на условно осужденных, полагая его чрезмерно мягким [183, с. 74]. Среди прочего называется малоэффективность применяемых ограничений и обязанностей, равно как и отсутствие четкого регулирования вопроса о количестве отказов судьи на представление об отмене условного осуждения со стороны контролирующего органа [184, с. 11-12]. В этом смысле, например, Б.С. Маликов указывает на явную недостаточность средств контроля в отношении условно осужденных, что фактически не предполагает наличие у последних возможности доказать свое исправление [185, с. 16]. Причем, сущность пробационного контроля в контексте условного осуждения существенным образом не отличается от предшествующей конструкции «испытательный срок» (за исключением того, что фактическая продолжительность соответствующего испытательного срока в настоящее время может оказаться большей), на что указывают авторы сравнительных исследований [186, с. 88].

При этом само правовое значение испытательного срока (в РК – фактически продолжительности пробационного контроля в отношении условно осужденных) исследователи определяют тем, что он «... при сохранении судимости позволяет реализовать уголовную ответственность в некарательной форме, отказаться от применения наказания и обеспечить реализацию принципа экономии уголовной репрессии» [187, с. 11]. При этом существуют весьма спорные позиции относительно того, что максимальный испытательный срок (срок пробационного контроля) не должен превышать 3-х лет, а в качестве аргумента приводятся статистические данные, что в 99,5 % случаев повторные преступления условно осужденными совершаются именно в первые 3 года [188, с. 10]. Вместе с тем будет справедливым утверждение, что интенсивность исправительного воздействия при условном осуждении, действительно, должна быть выше в начальном периоде, чтобы изначально скорректировать поведение условно осужденного (в особенности при осуждении за тяжкие преступления).

Как указывается в недавних публикациях казахстанских авторов, исследовавших эффективность института условного осуждения в РК на современном этапе, «более чем $\frac{3}{4}$ из условно осужденных совершили тяжкое преступление, представляя тем самым высокую степень общественной опасности, что обуславливает вопрос о спорности принимаемых судебных решений относительно условного осуждения, так как по сравнению с лицами, осуждаемыми за тяжкое преступление, под него реже подпадают лица,

совершившие преступления средней тяжести, и еще реже лица, совершившие преступления небольшой тяжести» [189, с. 41]. При этом автор приводит данные осуществленного им статистического анализа, которые в своей совокупности образуют достаточно неоднородную картину: с одной стороны, только чуть больше четверти условно осужденных в 2019-2022 гг. (25,8 %) были досрочно освобождены от дальнейшего пробационного контроля в связи с тем, что своим поведением доказали свое исправление; примерно такое же количество условно осужденных (26 %) находились под пробационным контролем в течение всего назначенного судом срока (очевидно, остальная часть приходится на случаи продления срока пробационного контроля); в период с 2019 по 2022 гг. объем повторной преступности условно осужденных снизился на 16 %. И вывод автора вполне закономерен: скорее всего, речь в данном случае идет преимущественно о качестве работы службы пробации (безусловно, если презюмировать достоверность всех статданных) [189, с. 243-244]. Однако условное осуждение предполагает, с одной стороны, выраженное со стороны суда доверие к лицу, совершившему правонарушение, а с другой стороны, должно по своему содержанию соответствовать тяжести данного уголовного правонарушения, в том числе и отраженной в приговоре суда.

Приведенная аргументация имеет своей целью не обоснование отказа от условного осуждения как достаточно широко применяемой меры, позволяющей снизить количество лиц, попадающих в условия изоляции, однако связана с тем, что условное осуждение назначается в отношении самого строгого уголовного наказания – лишения свободы, – по причине чего и лица, в отношении которых оно применено (равно как и совершенное ими преступление) фактически были признаны судом имеющими относительно высокую степень общественной опасности. Причем, исходя из статданных, приведенных КПСиСУ Генпрокуратуры РК, в 2023 г. условное осуждение в РК было применено к 1368 лицам, из которых 212 – по преступлениям небольшой тяжести (15,5 %), 54 (3,95 %) – по преступлениям средней тяжести и 1101 (80,5%) – по тяжким преступлениям [190]. При этом ограничение свободы в 2023 г. было применено судами в отношении 12219 лиц, из которых 1782 (14,6%) были осуждены за преступления небольшой тяжести, 3900 (31,9 %) – за преступления средней тяжести и 6492 (53,1 %) – за тяжкие преступления и 1 (0,08 %) – за особо тяжкое преступление [190].

Анализ санкций статей Особенной части свидетельствует о том, что ограничение свободы не применяется как единственное наказание ни в одной санкции, оно всегда включено в альтернативный перечень с лишением свободы или с более мягкими видами уголовного наказания. Соответственно, можно сделать следующие выводы: 1) назначение ограничения свободы за тяжкие преступления (53,1 % в 2023 г.) применяется в случаях, когда у суда имеется альтернатива назначения наказания в виде лишения свободы или ограничения свободы; 2) применение условного осуждения за тяжкие преступления имеет место, когда либо суд избирает лишение свободы в альтернативном перечне наказаний (при альтернативе с ограничением свободы), либо санкция статьи

вообще не предусматривает иных видов наказания, кроме лишения свободы.

Исходя из приведенных данных, именно факт применения условного осуждения за тяжкое преступление представляет собой случай наибольшей «уступки» в сторону лица, его совершившего. Тот факт, что в текущем периоде констатируется снижение повторной преступности со стороны условно осужденных лиц, в отношении которых установлен пробационный контроль, не означает, что данная категория (совершившие тяжкое преступление, за которое судом назначено наказание в виде лишения свободы) не должна испытывать сравнительно большие по объему ограничения, чем иные категории осужденных.

«Отбывание наказания без изоляции от общества под надзором квалифицированного персонала, – пишет О.И. Бекетов, – позволяет избежать негативных нравственных, психологических и физических последствий изоляции, поскольку при альтернативном наказании навыки социального взаимодействия сохраняются и развиваются под влиянием социальной среды и при активной помощи сотрудников службы пробации» [191, с. 18]. При этом автор особо акцентирует внимание на персонифицированном и достаточно строгом содержании надзора, что является важным фактором к достижению тех целей, ради которых к лицу не было применено тюремное заключение. Как указывает Е.А. Саламатов, оценивая опыт пробации в США, «в некоторых штатах в структуре «тюремного населения» доля тех, кому изначально назначенная пробация была заменена лишением свободы, доходит до 40%. Но в этом кроется и положительный смысл, суть которого в том, что шанс избежать тюремное заключение через пробацию предоставляется многим, главное – соблюдать оговоренные судом требования» [192]. Таким образом, значимой будет правовая презумпция относительно того, что строгость назначаемой меры наказания не должна являться препятствием к тому, чтобы применить условные санкции (за исключением, конечно же, случаев с наиболее критичной степенью общественной опасности). Однако стандартизация контрольных мероприятий в отношении лиц, чьи деяния получили различную правовую оценку со стороны суда, выразившуюся в избранной мере наказания (вид, срок и т.д.), является нежелательной, и лицо, осужденное за более тяжкие преступления, все-таки должно претерпевать сравнительно большие ограничения.

И в данном случае справедливым будет утверждение о том, что конструкция «усиленный пробационный контроль», которая была включена в ч. 2 ст. 64 УК РК 1997 года, была вполне успешным решением, от которого, к сожалению, в последующем отказались (соответствующая мера применялась к лицам, нарушившим условия пробационного контроля). Фактически она нормативно просуществовала в УК РК и УИК РК менее 3 лет, поскольку была включена Законом РК от 15 февраля 2012 г. № 556-IV [8], а уже с принятием УК РК и УИК РК 2014 г., вступивших в силу с 1 января 2015 г., она была изъята из текстов данных кодифицированных актов. Причем, согласно ч. 8 ст. 182 УИК РК 1997 г., «усиленность» пробационного контроля фактически воплощалась только в количестве периодических явок в службу пробации для

регистрации

(4 раза в месяц вместо двух при обычном пробационном контроле).

В целях более дифференцированного воздействия на условно осужденных за тяжкие преступления, а также на лиц, которые допустили нарушения в период установленного пробационного контроля, следует произвести реконструкцию усиленного пробационного контроля в нормах УК и УИК. Это позволит в гораздо более благополучной форме дифференцировать уголовно-правовое воздействие на различные категории лиц, в отношении которых устанавливается пробационный контроль. Справедливо отмечается в теории, что в случае условного применения уголовно-правовой репрессии щадящая мера должна обязательно «...компенсироваться механизмом обеспечения ее реализации» [193]. Причем дифференциация не вступает в конфликт с иными принципами уголовно-правового и уголовно-исполнительного воздействия (в частности, с принципом законности, справедливости, гуманизма и т.д.). Дифференциация, - указывают И.В. Дворянсков и А.П. Фирсова, – сродни механизму, однако на первый план в данном случае выступает неравное применение принуждения при разных условиях, обусловленное неравенство как выражение общеправовых принципов (гуманизма, справедливости, экономии репрессии и т. д.)» [194, с. 489].

Таким образом, реконструкция усиленного пробационного контроля является обоснованной мерой, что в концентрированном виде можно аргументировать следующими итоговыми положениями: 1) разнородность лиц, в отношении которых устанавливается пробационный контроль; 2) риски отрицательной динамики поведения в период пробационного контроля, требующие купирования за счет более жестких контрольно-принудительных мер; 3) необходимость более глубокого использования средств дифференциации уголовно-правового и уголовно-исполнительного воздействия. При этом окончательная его конструкция будет сформулирована после анализа отдельных вопросов в рамках последующих подразделов работы.

Подводя итог теоретическим вопросам, исследованным в данном подразделе работы, к основным результатам (выводам) можно отнести следующие:

Во-первых, пробационный контроль в качестве объекта своего воздействия имеет правовой статус лица, в отношении которого он устанавливается, подвергающегося дозированной трансформации за счет применения ограничений и возложения обязанностей, соблюдение и выполнение которых и составляет содержание пробационного контроля. Риски чрезмерной трансформации правового статуса лиц, в отношении которых устанавливается пробационный контроль, нивелируются при соблюдении принципов пробационного воздействия, которые носят общеправовой, межотраслевой и отраслевой характер (последние имеют значение как правовых, так и организационных).

Во-вторых, следуя требованиям Закона РК «О правовых актах» (п. 1 ст. 25), п. 2 ст. 5 Закона РК «О пробации» необходимо изложить в следующей редакции: *«Пробационный контроль представляет собой деятельность*

уполномоченных органов по осуществлению контроля за исполнением лицами, состоящими на их учете, обязанностей, возложенных на них законом и судом».

Во-третьих, большинство принципов пробационного контроля воплощаются посредством обычного соблюдения и соотнесения деятельности должностных лиц органов, уполномоченных осуществлять пробационный контроль (законность, гуманизм, справедливость и т.д.); другая же группа принципов (дифференциация и индивидуализация исправительного воздействия, стимулирование правопослушного поведения и др.) требуют формирования эффективных законодательных и правоприменительных механизмов для преодоления их декларативного характера.

В-четвертых, в целях более последовательной реализации принципа дифференциации и индивидуализации карательно-коррекционного воздействия в рамках пробационного контроля требуется реконструкция механизма усиленного пробационного контроля, который следует применять в отношении лиц, условно осужденных за совершение тяжкого преступления, а также в отношении всех иных категорий лиц, допустивших нарушение порядка пробационного воздействия.

2.3 Субъекты уголовно-исполнительных отношений в рамках осуществления пробационного контроля

Итак, к настоящему времени в Казахстане функционируют четыре вида probation (досудебная, приговорная, пенитенциарная и постпенитенциарная), образующие полный пробационный цикл, который суммарно имеет место в зарубежных практиках. В данном случае, как уже неоднократно отмечалось, применение репликационного метода способствовало тому, что казахстанская модель probation фактически уже на начальном этапе включила в себя все ее разновидности, которые во многих странах формировались поэтапно. При этом именно пробационный контроль (причем и в стадии исполнения приговора, и на постпенитенциарной стадии) имел достаточный фундамент в виде ранее имевших видов уголовно-исполнительного воздействия, что способствовало тому, что практика его внедрения была менее радикальной для казахстанской УИС и что фактически способствовало успешной правовой аккультурации данной формы исправительного воздействия в РК.

Согласно действующему законодательству, пробационный контроль осуществляется исключительно в рамках приговорной и постпенитенциарной probation. При этом круг лиц, в отношении которых он применяется, определен УК РК, УИК РК и Законом РК «О probation» (ст.ст. 21, 22, 63, 169, 174 УИК РК) [9; 10; 11]. В соответствии со ст.ст. 44, 63, 72 УК РК, ст.ст. 19, 21, 22, 63, 169, 174 УИК РК, пробационный контроль должен применяться и осуществляться в отношении осужденных к ограничению свободы, осужденных условно, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы, в том числе и несовершеннолетних. Кроме того, согласно нормам статей 83 и 84 УК РК, пробационный контроль может быть назначен несовершеннолетним в качестве самостоятельной принудительной меры воспитательного воздействия в случаях освобождения их от уголовной ответственности или от уголовного наказания [10; 11].

Каждая категория лиц, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, становится объектом конкретизации в законодательстве. Так, нормы статей 12 и 15 Закона РК «О probation», конкретизируя положения статей 44 и 63 УК РК и статей 19-22, 63, 174 УИК РК, четко определяют, что в отношении осужденных к ограничению свободы и осужденных условно пробационный контроль реализуется в рамках приговорной probation [9; 10; 11]. Аналогично п. 1 ст. 19 Закона РК «О probation» согласуется с положениями ст. 84 УК РК, что в отношении несовершеннолетних в случаях освобождения их от уголовной ответственности или освобождения от уголовного наказания в качестве принудительной меры воспитательного воздействия может быть назначен пробационный контроль. В свою очередь, ст. 17 Закона РК «О probation» не только конкретизировала положения ст. 72 УК РК и ст. 169 УИК РК относительно того, что в отношении освобожденных на основании УДО пробационный контроль осуществляется в рамках постпенитенциарной probation, но и дополнительно включила в данную категорию тех, кому неотбытая часть лишения свободы была заменена

наказанием в виде ограничения свободы.

Вместе с тем следует отметить, что с момента принятия УК РК 2014 года и вступления его в силу с 1 января 2015 года в содержание многих норм неоднократно вносились изменения, в том числе и в нормы, касающиеся отдельных видов уголовного наказания. Так, Законом РК от 12 июля 2018 г. №180-VI круг лиц, в отношении которых может применяться ограничение свободы, фактически был увеличен за счет тех, кому данное наказание может быть назначено в порядке замены (в случаях неисполнения первично назначенного судом наказания). В соответствии с измененной редакцией статьи 41 УК РК при неуплате штрафа в установленные сроки, назначенного за совершение преступления небольшой или средней тяжести, его неуплаченная часть может быть заменена ограничением свободы. Аналогично, в соответствии с изменениями, внесенными тем же Законом в ст. 42 УК РК, в случае возникновения обстоятельств, препятствующих исполнению исправительных работ (за исключением утраты осужденным трудоспособности), если данное наказание было назначено за совершения преступления небольшой или средней тяжести, оно может быть заменено ограничением свободы [195]. Несмотря на то, что соответствующие части ст. 41 и 42 УК РК альтернативно предусматривают, в том числе, и замену на лишение свободы, следует предположить, что объем применения ограничения свободы должен быть сравнительно большим (исходя из политики сдержанного применения лишения свободы в РК). Дополнительным аргументом в данном случае будет также и указание на то, что преступления небольшой и средней тяжести составляют тотальное большинство в ежегодно регистрируемой преступности.

Указанный Закон РК от 12 июля 2018 года № 180-VI внес и другие принципиальные изменения. В частности, данным Законом привлечение к общественным работам было отнесено к наказаниям, которые могут назначаться, в том числе, и за преступления небольшой или средней тяжести (ранее – только за уголовные проступки). Одновременно ст. 43 УК РК была дополнена ч. 2-1, в соответствии с которой осужденному к привлечению к общественным работам за совершение преступления небольшой или средней тяжести в случае его уклонения от исполнения наказания оно может быть заменено на ограничение свободы (равно как и на лишение свободы) [195].

Поскольку законодатель не произвел в ст. 44 УК РК дополнительных оговорок относительно ранее указанных изменений, то закономерно предположить, что в случае замены данных видов уголовного наказания на ограничение свободы, в отношении соответствующих осужденных также устанавливается пробационный контроль, поскольку именно он составляет содержание наказания в виде ограничения свободы. То есть сообразно действующему состоянию законодательства РК круг лиц, в отношении которых может быть установлен пробационный контроль, существенно расширяется за счет добавления категории осужденных, которым наказание в виде штрафа, исправительных работ и привлечения к общественным работам (при их первичном назначении судом за преступления небольшой или средней тяжести) было заменено ограничением свободы.

Некоторые неточности до настоящего времени сохраняются в вопросах определения правовой природы пробационного контроля, который устанавливается в отношении несовершеннолетних в качестве принудительной меры воспитательного воздействия. В данном случае приходится применять приемы логического и систематического толкования, на основании которых будет справедливым вывод о том, что данная пробационная мера может быть отнесена к приговорной пробации. Так, в соответствии со ст. 545 УПК РК, если при рассмотрении уголовного дела будет признано, что несовершеннолетний, совершивший уголовное правонарушение, может быть исправлен без применения мер уголовного наказания, суд вправе, «постановив обвинительный приговор, освободить несовершеннолетнего подсудимого от наказания и применить к нему принудительные меры воспитательного воздействия» [142]. Также, согласно п. 15 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 11.04.2002 г. № 6, в случаях, предусмотренных ст. 83 УК РК, суд «постановляет обвинительный приговор» с освобождением несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия [196]. Таким образом, отнесение данной разновидности пробационного контроля к приговорной пробации имеет вполне четкие правовые основания.

Что же касается разновидности пробации, которая реализуется в форме пробационного контроля в отношении лиц, которым ограничение свободы было применено в качестве замены штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам (изначально назначенным за преступления небольшой и средней тяжести), то отнесение данных случаев к приговорной пробации вызывает некоторые сомнения. Как минимум, по той причине, что в данном случае реализация пробационного контроля будет иметь место не на основании приговора, а не основании постановления суда. Однако посредством метода исключения можно прийти к выводу, что в данном случае можно усмотреть только признаки приговорной пробации, поскольку все остальные виды (досудебная, пенитенциарная, постпенитенциарная) имеют совершенно отличное содержание.

Соответственно, действующие редакции статей УИК и Закона «О пробации», касающиеся анализируемых вопросов, требуют внесения уточняющих изменений, которые необходимы для упорядочивания нормативного материала в межотраслевом аспекте. В частности, необходимо:

1) дополнить ч. 1 ст. 19 УИК РК новым п. 4, расширяющим перечень случаев применения пробационного контроля установлением в отношении лиц, которым наказание в виде штрафа, исправительных работ и привлечения к общественным работам, было заменено ограничением свободы;

2) п. 2 ст. 12 Закона РК «О пробации» изложить следующим образом: «приговорная пробация – деятельность и совокупность мер по установлению и осуществлению пробационного контроля в отношении лиц, осужденных к ограничению свободы, осужденных условно, а также в отношении лиц, которым ограничение свободы было назначено в качестве замены штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, и

несовершеннолетних, которым пробационный контроль назначен судом в качестве принудительной меры воспитательного воздействия, и оказанию им социально-правовой помощи».

Ранее уже неоднократно отмечалось, что пробационный контроль по сути своей представляет особую контрольную деятельность, осуществляемую уполномоченными государственными органами. Данная деятельность связана с осуществлением с их стороны контроля за исполнением лицами, в отношении которых применен пробационный контроль, обязанностей и правоограничений, установленных законом и судом. При этом законодатель четко определил уполномоченные государственные органы, на которые возложено его осуществление (т.е. субъектов пробационного контроля).

Так, в соответствии с действующими редакциями ч. 1 ст. 20, частей 10 и 11 ст. 24, ч. 1 ст. 69, ст. 174 УИК РК и ст. 19 Закона РК «О пробации», в рамках приговорной пробации, которая реализуется в отношении осужденных, отбывающих ограничение свободы, осужденных условно и в рамках постпенитенциарной пробации в отношении лиц, которым неотбытая часть лишения свободы была заменена ограничением свободы (в том числе несовершеннолетних), пробационный контроль осуществляется службой пробации. В свою очередь, в отношении лиц, освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы на основании УДО (в том числе несовершеннолетних), а также в отношении несовершеннолетних, которым применена соответствующая принудительная мера воспитательного воздействия, пробационный контроль осуществляется сотрудниками полиции [10; 11].

До настоящего времени легальное определение понятия «служба пробации» не в полной мере соответствует как реальному положению данного органа в системе УИС, так и содержанию деятельности, которая возложена на службу пробации Законом. Так, п. 8 ст. 3 УИК РК и п. 1 ст. 9 Закона РК «О пробации» содержат аутентичные формулировки, согласно которым под службой пробации понимается «орган уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы, осуществляющий исполнительные и распорядительные функции по обеспечению исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества, а также организации и функционированию пробации» [10; 11]. Вместе с тем в данном случае имеется явное нарушение законодательной техники, поскольку понятиям «уголовно-исполнительная система» и «пенитенциарная система» придано значение синонимов. Пенитенциарная система представляет собой только совокупность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, включающую в себя как места отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы, так и учреждения, обеспечивающие содержание под стражей лиц, в отношении которых применена данная мера процессуального принуждения [197, с. 491; 198; 199].

Согласно Закону РК «Об органах внутренних дел» (ст. 7), служба пробации является одним из органов, входящих в «уголовно-исполнительную систему», в которую помимо нее, в частности, входят территориальные органы УИС и учреждения, исполняющие наказания, а также иные

подведомственные ей организации. В данном законодательном акте вообще не упоминается дефиниция «пенитенциарная система», ни как синоним понятия «уголовно-исполнительная система», ни как часть данной системы [200]. То есть фактически служба пробации является самостоятельным органом, входящим в УИС, которая по своей сути шире, чем пенитенциарная система (последняя является составной частью УИС, а не синонимичным понятием).

Кроме того, как следует из определения службы пробации, которое в настоящее время содержит УИК РК и Закон РК «О пробации», она осуществляет исполнительные и распорядительные функции исключительно только в рамках «обеспечения исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, а также организации и функционирования пробации». Вместе с тем, в соответствии с ч. 12 ст. 24 и ст. 163 УИК РК, служба пробации осуществляет, в том числе, и контроль в отношении беременных женщин, женщин, имеющих малолетних детей, и мужчин, в одиночку воспитывающих малолетних детей, которым отбывание наказания было отсрочено [10; 11]. При этом институт отсрочки отбывания наказания, в соответствии со ст. 40 УК РК, не относится к наказанию. В теории уголовного права данный институт причисляют к системе иных мер уголовно-правового воздействия [9; 149, с. 98]. Кроме того, в соответствии ст. 74 УК РК, статьями 15, 163 УИК РК, статьями 13, 15, 16, 17 Закона РК «О пробации» в отношении беременных женщин, женщин, имеющих малолетних детей, и мужчин, в одиночку воспитывающих малолетних детей, которым отбывание наказания отсрочено, пробация вообще не применяется [9; 10; 11]. Здесь следует отметить, что условное осуждение, в рамках которого осуществляется контроль службы пробации, также не является самостоятельным видом наказания, а оценивается в качестве меры уголовно-правового воздействия (равно как и вышеупомянутая отсрочка).

Исходя из вышесказанного, в определении понятия «служба пробации» следует ограничиться только указанием на то обстоятельство, что она является органом уголовно-исполнительной системы, отказавшись от использования термина «пенитенциарная система». В свою очередь относительно содержания исполнительных и распорядительных функций следует согласиться с предложением Н.М. Абдирова, А.В. Брылевского и И.В. Слепцова относительно целесообразности расширения этих функций в законодательном определении путем указания на то, что эти функции связаны не только с обеспечением исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, но также и иных мер уголовно-правового воздействия [149, с. 98]. В связи с этим предлагается следующая редакция подпункта 8 ст. 3 УИК РК и п. 1 ст. 9 Закона РК «О пробации»: «служба пробации – орган уголовно-исполнительной системы, осуществляющий исполнительные и распорядительные функции по обеспечению исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества и иных мер уголовно-правового воздействия, а также по организации и функционированию пробации».

В свою очередь, под «сотрудниками полиции» как субъектами,

осуществляющими пробационный контроль, исходя из анализа положений статей 7, 9-1 Закона РК «Об органах внутренних дел», Правил осуществления контроля за поведением лиц, освобожденных по УДО, и Правил взаимодействия подразделений органов внутренних дел по осуществлению учета лиц, освобожденных из мест лишения свободы, необходимо понимать сотрудников соответствующих подразделений МПС, входящих в состав административной полиции ОВД. При этом непосредственное его осуществление возложено на УИП и УИП по делам несовершеннолетних [145; 200; 201]. Основной функцией пробации, как и прежде, является оказание социально-правовой помощи, которая теперь будет распространяться не только на осужденных и бывших осужденных, но и подозреваемых, обвиняемых. Поэтому, так или иначе, принимаемые меры по совершенствованию законодательства несут в себе гуманизованную функцию в целях улучшения уголовной политики в сфере организации и функционирования службы, регулирования общественных отношений в области пробации в Республике Казахстан [202].

Таким образом, пробационный контроль по своей правовой природе представляет собой разновидность уголовно-исполнительных отношений, в структуре которых имеет место особое взаимодействие сторон (субъектов пробационного контроля и лиц, в отношении которых он осуществляется). При этом соответствующее взаимодействие имеет, с одной стороны, дифференцированный характер, обусловленный разными видами пробации, разными основаниями установления пробационного контроля и разными субъектами, его реализующими. С другой стороны, данное взаимодействие имеет и унифицированный характер, поскольку само понятие пробационного контроля является обобщенным для всех случаев его осуществления. Объектом же данного уголовно-исполнительного отношения (как было обосновано в предыдущем подразделе) являются те обязанности и ограничения, которые возлагаются на осужденного законом и судом и в отношении надлежащего исполнения которых осуществляется пробационный контроль.

В данном случае законодатель, определяя содержание пробационного контроля в ст. 44 УК РК («Ограничение свободы»), в ст. 63 УК РК («Условное осуждение»), фактически применяет метод аналогии, поскольку в ч. 3 ст. 63 УК РК непосредственно указывается, что при применении условного осуждения устанавливается пробационный контроль по правилам ст. 44 УК РК. В данном случае оговоримся, что эта не та аналогия, которая прямо запрещена ст. 4 УК РК, поскольку здесь в большей степени используется отсылочный метод формулировки. Из положений ст. 44 УК РК (и, соответственно, ст. 63 УИК РК) следует, что ограничение свободы состоит именно в установлении пробационного контроля за осужденным на срок от 6 месяцев до 7 лет, с привлечением его к принудительному труду по 100 часов ежегодно в течение всего срока отбывания наказания, но не свыше 4-х часов в день [9; 10]. При этом к принудительному труду не привлекаются осужденные, имеющие постоянное место работы или занятые на учебе; несовершеннолетние;

беременные женщины; женщины, имеющие малолетних детей в возрасте до 3-х лет; мужчины, воспитывающие в одиночку малолетних детей в возрасте до 3-х лет; женщины в возрасте 58-ми и свыше лет, мужчины в возрасте 63-х и свыше лет; лица с инвалидностью 1 или 2 группы, а также осужденные, которым наказание заменено на ограничение свободы сроком менее 6 месяцев (ст. 44 УК РК). Несовершеннолетним наказание в виде ограничения свободы может быть назначено на срок до 2-х лет (ст. 81 УК РК) [11].

В отношении пробационного контроля, применяемого по правилам ст. 44 УК РК в случаях условного осуждения, необходима существенная оговорка относительно того, что законодатель фактически не ограничивает в ст. 63 УК РК срок наказания в виде лишения свободы, при котором возможно применение данного института. Логическое толкование ч. 6 ст. 63 УК РК свидетельствует о том, что условное осуждение может быть применено, в том числе, и по тяжким преступлениям, что предполагает наказание до 12 лет лишения свободы (ч. 4 ст. 11 УК РК). То есть в данном случае срок пробационного контроля может превышать тот, который определен в ст. 44 УК РК (максимально 7 лет). Что касается несовершеннолетних осужденных к лишению свободы, к которым был применен институт условного осуждения, то в отношении них пробационный контроль устанавливается на срок от 6 месяцев до 1 года (ч. 3 ст. 63 УК РК).

Вариативность срока пробационного контроля будет иметь место и в случаях, когда имеет место замена штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам на наказание в виде ограничения свободы. Так, неуплаченная часть штрафа может быть заменена судом на ограничение свободы из расчета один день ограничения свободы за 4 невзысканных МРП или

за 4 неуплаченных МРП в случае замены исправительных работ (ст.ст. 41, 42 УК РК). В свою очередь, согласно ст. 43 УК РК, в случае уклонения осужденного от выполнения общественных работ, назначенных за совершение преступления небольшой или средней тяжести, они могут быть заменены ограничением свободы из расчета один день ограничения свободы за 4 неотработанных часа общественных работ [10]. Примечательно, что сразу после соответствующих изменений 2018 года (в отношении возможности замены на ограничение свободы) данная мера стала применяться достаточно активно. Так, по данным КУИС МВД РК, в 2022 г. из числа 1396 осужденных, отбывающих привлечение к общественным работам, в отношении 24 лиц данное наказание было заменено на ограничение свободы, а из числа 22 осужденных, отбывавших исправительные работы – в отношении 2 лиц. В 2023 г. из 924 осужденных, отбывающих привлечение к общественным работам, данное наказание было заменено на ограничение свободы в 12 случаях, а из 20 приговоренных к исправительным работам - одному осужденному.

Как уже неоднократно указывалось, репликация пробационных методик в казахстанскую уголовно-исполнительную практику до настоящего времени осуществляется непропорционально, что во многом зависит от того, имелись ли в прежней системе схожие механизмы воздействия на осужденных. В этом

смысле пробационный контроль по своему оформлению контрольных функций со стороны уполномоченного органа фактически полностью воспроизводит прежний институт испытательного срока при условном осуждении. Так, указание на пробационный контроль в ч. 5-1 УК РК 1997 г. появилось в связи с принятием Закона РК от 15 февраля 2012 г. № 556-IV [8]. При этом содержание обязанностей, которое было в редакции указанной нормы до принятия данного Закона, не изменилось. Кроме того, редакция ст. 45 УК РК 1997 г. «Ограничение свободы» также свидетельствует о том, что современное понимание данного вида наказания не претерпело существенных изменений. В действующей редакции УК РК 2014 г. понятие пробационного контроля законодатель в первую очередь связывает с наказанием в виде ограничения свободы, а в отношении института условного осуждения пробационный контроль применяется на аналогичных основаниях.

При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что если ранее, в ст. 63 УК РК 19967 г., испытательный срок составлял 3 года (для несовершеннолетних от 6 месяцев до 1 года), то в настоящее время он фактически распространяется на весь период условного осуждения, что свидетельствует о сравнительном ужесточении режима условного осуждения (кроме несовершеннолетних осужденных). Однако суть условного осуждения остается прежней: осужденный должен своим поведением фактически доказать, что неприменение к нему реальной изоляции от общества было обоснованным, что фактически соответствует пониманию испытательного срока в предшествующем оформлении института условного осуждения. Как указывает Ю.П. Кравец, суд при применении условного осуждения фактически требует «... подтверждения исправления примерным поведением в течение установленного судом испытательного срока» [203, с. 14]. «Суд, не применяя реальное наказание, – пишет Е.А. Горяйнова, – дает возможность осужденному доказать свое исправление и оказывает на осужденного воспитательное и предупредительное воздействие» [204, с. 15-16]. В целом, суть пробационного контроля при условном осуждении (собственно, как и назначении наказания в виде ограничения свободы) заключается в аналогичных требованиях и презумпциях, что осужденный может быть исправлен без изоляции от общества.

Таким образом, законодатель унифицировал схожие виды уголовно-исполнительного воздействия в рамках единой категории пробационного контроля, который при всей его вариативности (в том числе, как ранее было указано, по срокам) имеет схожие содержательные характеристики. Так, в соответствии со ст. 73 УК РК, лицу, отбывающему лишение свободы за совершение преступления, не относящегося к категории особо тяжких, после отбытия им установленного законом срока данного наказания, в случае полного возмещения им ущерба, причиненного преступлением, либо отсутствия у него злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания, оставшаяся неотбытая часть может быть заменена судом более мягким видом наказания в виде ограничения свободы или штрафа.

В свою очередь, отбывающим лишение свободы за совершение

преступления в несовершеннолетнем возрасте (независимо от категории) неотбытая часть наказания может быть заменена судом на ограничение свободы после отбытия ими установленного законом срока данного наказания только при одном материальном условии – отсутствия у них злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания (ст. 87 УК РК) [10]. Изъятия из указанных правил установлены только в отношении иностранцев и лиц без гражданства, которым неотбытая часть лишения свободы не может быть заменена на ограничение свободы, а только штрафом с выдворением за пределы Республики Казахстан или без такового (ч. 2 ст. 73 УК РК) [10]. В 2022 г. на учете службы пробации из числа осужденных, отбывающих ограничение свободы, около 17% составляли лица, в отношении которых данное наказание было применено в качестве замены неотбытой части лишения свободы. В 2023 г. данная категория составляла чуть более 8%.

Пробационный контроль в отношении лиц, освобожденных на основании УДО от отбывания наказания в виде лишения свободы, устанавливается также по правилам, определенным ч. 2 ст. 44 УК РК, а его продолжительность составляет неотбытую часть наказания. Для того чтобы быть освобожденным по УДО, осужденный должен отбыть установленную законом часть назначенного судом срока лишения свободы (основное требование) и не нуждаться, по мнению суда, в отбывании всего срока изначально назначенного наказания.

Нормы ст. 72, касающиеся института УДО, имеют высокую степень дифференциации, однако это не меняет содержания пробационного контроля, который устанавливается в отношении соответствующей категории лиц (за исключением того, что объем обязанностей и ограничений устанавливается индивидуально). Как и в отношении практически всех уголовно-правовых институтов, для несовершеннолетних устанавливаются иные правила применения УДО – сокращенные сроки, которые они фактически должны отбыть, чтобы иметь возможность быть освобожденными по данному основанию (ст.ст. 72, 86 УК РК). Аналогично, при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 73 УК РК) в отношении иностранцев или лиц без гражданства, которым суд назначил выдворение за пределы Республики Казахстан в качестве дополнительного вида наказания, пробационный контроль не устанавливается (ст. 72 УК РК) [10].

Примечательно, что даже в рамках принудительной меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних пробационный контроль также устанавливается по правилам ч. 2 ст. 44 УК РК сроком до 1 года (ст. 85 УК РК) [10]. При этом следует отметить, что построение системы принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних отличается от построения системы уголовных наказаний (ст. 40 УК РК) тем, что соответствующие меры не расположены в порядке возрастания их строгости. Это не дает возможности отнести пробационный контроль к наиболее строгим мерам принудительного воспитательного воздействия, хотя он и расположен последним в перечне ч. 1 ст. 84 УК РК. Так, в частности, непосредственно перед пробационным контролем размещена мера

«возложение обязанности принести извинение потерпевшему», которая по своему содержанию является самой мягкой из всего перечня. Напротив, помещение в организацию образования с особым режимом содержания, исходя из содержания ч. 5 ст. 85 УК РК, является наиболее строгой мерой, которая может применяться даже при совершении тяжкого преступления. В данном случае вывод вполне логичен: законодатель не преследовал цель определить степень строгости той или иной меры принудительного воспитательного воздействия, а лишь представил их перечень, из которого суд выбирает в каждом конкретном случае ту, которая является достаточной (либо их комбинацию, что прямо предусмотрено ч. 2 ст. 84 УК РК).

Одним из частных вопросов, касающихся субъектного состава уголовно-исполнительных отношений, складывающихся в рамках установления пробационного контроля судом, является обоснованность исключения военнослужащих из круга лиц, в отношении которых целесообразно установление пробационного контроля. Так, согласно п. 11 ч. 1 ст. 26 Закона РК от 16 февраля 2012 г. № 561-IV «О воинской службе и статусе военнослужащих», военнослужащий увольняется, в том числе, по отрицательным мотивам. Согласно п. 2 ч. 2 ст. 26 указанного нормативного правового акта, среди прочих отрицательных мотивов увольнения указывается также «вступление в законную силу обвинительного приговора суда за совершение преступления» [205]. Следовательно, к настоящему времени сохранение военнослужащих в рядах ВС РК возможно только в случаях, когда имело место совершение уголовного проступка. Однако в данном контексте возникает вопрос относительно того, насколько подобная «наказательная политика» в отношении военнослужащих отвечает современным требованиям к уровню обороноспособности страны, учитывая меняющиеся политические реалии. В частности, Г.Ф. Дубовцев, оценивая существующие проблемы в организации военной безопасности РК, указывает на то, что военные конфликты, начиная со второго десятилетия XXI в., стали носить асимметричный, «гибридный» характер, в том числе и за счет участия иррегулярных формирований [206, с. 132]. В Военной доктрине РК 2017 г. отмечается, что «военно-политическая обстановка в мире характеризуется высокой динамичностью и непредсказуемостью развития, усилением противостояния между мировыми и региональными «державами» за сферы влияния в мире, а также возрастанием роли военной силы в разрешении межгосударственных и внутригосударственных противоречий» [207]. При этом в п. 58 Военной доктрины среди прочих мер по развитию системы нейтрализации информационно-психологического воздействия отмечается также и «повышение престижа воинской службы, статуса военнослужащего и поднятие имиджа казахстанской армии» [207].

В данном случае следует отметить, что соответствующая практика наказания военнослужащих сложилась не сразу, а стала следствием поступательного отказа от применения специальных видов наказаний к военнослужащим в РК. Так, наказание в виде ограничения по военной службе (фактически аналог исправительных работ с особыми условиями отбывания для

военнослужащих) как самостоятельный вид уголовного наказания оставался в УК РК 1997 года вплоть до вступления в силу УК РК 2015 г. Что же касается такого специального «воинского» наказания, как содержание в дисциплинарной воинской части, то отказ от его применения случился с принятием Закона РК от 10 июля 2009 г. № 177-IV [208].

Для сравнения отметим, что, к примеру, согласно действующему Закону Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. № 1914-ХП, основанием для увольнения военнослужащего с воинской службы, среди прочих, является: лишение воинского звания и вступление «...в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему наказания в виде ограничения или лишения свободы на определенный срок, пожизненного лишения свободы или смертной казни» [209]. При этом следует учитывать, что, согласно ч. 3 ст. 55 УК Республики Беларусь, «наказание в виде ограничения свободы назначается с направлением в исправительное учреждение открытого типа. С учетом личности виновного, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, наличия у него постоянного места жительства суд может назначить наказание в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа» [210]. При этом ч. 4 цитируемой статьи УК РБ содержит указание, что ограничение свободы не применяется к военнослужащим срочной службы. Таким образом, белорусский законодатель, в отличие от казахстанского, связывает возможность увольнения с военной службы с достаточно ограниченным перечнем оснований, фактически предполагая возможность сохранения военнослужащего в рядах вооруженных сил при целом ряде частных случаев совершения преступления и вынесения обвинительного приговора суда. Кроме того, в УК РБ сохранено специальное «воинское» наказание в виде ограничения по военной службе.

Схожая практика обнаруживается и в Российской Федерации. Так, согласно ст. 51 Федерального Закона № 53-ФЗ от 28 марта 1998 г. «О воинской обязанности и военной службе», основаниями для увольнения, в том числе, являются: вступление в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему наказания в виде лишения свободы (п. «е» ч. 1 ст. 51); вступление в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему, проходящему военную службу по контракту, наказания в виде лишения свободы условно за преступление, совершенное умышленно (п. «е.1» ч. 1 ст. 51); вступление в законную силу приговора суда о лишении военнослужащего права занимать воинские должности в течение определенного срока (п. «з» ч. 1 ст. 51) [211]. При этом в УК РФ сохранены оба вида «воинских» наказаний – ограничение по военной службе (ст. 51 УК РФ) и содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ) [212]. Соответственно, российский законодатель демонстрирует еще более лояльную «наказательную практику» в отношении военнослужащих, поскольку, несмотря на более обширный перечень (чем в белорусском варианте) оснований для увольнения по факту осуждения за преступление, сохранение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части позволяет военнослужащему в ряде случаев оставаться в рядах вооруженных сил даже после применения к нему мер

специальной изоляции от общества.

Примечательно, что в Казахстане ранее также применялась аналогичная практика. В частности, в соответствии с пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 37 ранее действовавшего Закона РК от 8 июля 2005 г. № 74, основанием для увольнения по факту совершенного преступления и осуждения однозначно являлись только случаи лишения воинского звания в установленном законодательством РК порядке, а также вступление в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему наказания в виде лишения свободы [213].

Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что редакция санкций статей Главы 18 УК РК «Воинские уголовные правонарушения» свидетельствует о том, что военнослужащие при совершении соответствующих правонарушений подвергаются тем же мерам воздействия, что и иные лица, причем весьма часто упоминаются наказания, исполнение которых контролируется именно службой пробации. Так, в частности, включение в альтернативный перечень наказания в виде исправительных работ имеет место в 25 статьях Главы 18 УК РК, причем в ст.ст. 437, 440, 458, 463, 466 УК РК данное наказание включено в две и более части соответствующих статей. Что касается ограничения свободы, то оно включено в санкции 20 статей Главы 18 УК РК, причем в ст. 466 УК РК оно имеет место в санкциях двух частей соответствующей статьи. Следовательно, предполагается, что в ряде случаев (когда, в частности, исправительные работы назначены за уголовный проступок) военнослужащий может остаться в вооруженных силах и фактически отбывать наказание по месту несения воинской службы (при этом 95 % опрошенных сотрудников службы пробации указали, что такая практика отсутствует, а 4 % затруднились с ответом на вопрос по поводу пробационного воздействия на военнослужащих). В других же случаях (назначение исправительных работ за преступления, а также все случаи назначения ограничения свободы) предполагается увольнение осужденного из ВС РК. Учитывая ранее приведенные положения п. 2 ч. 2 ст. 26 Закона РК от 16 февраля 2012 г. № 561-IV «О воинской службе и статусе военнослужащих», увольнению подлежит военнослужащий и при применении к нему института условного осуждения (поскольку он применяется исключительно к преступлениям).

В контексте данного исследования вопрос о частичной реконструкции прежней «наказательной практики» в отношении военнослужащих ставится по причине явно выраженной военно-политической потребности в повышении обороноспособности государства, необходимым элементом которой можно назвать и устойчивость кадрового состава. Обоснованная степень уголовно-правовой «элитарности» военнослужащих должна обуславливаться тем, что они являются значимым государственным ресурсом по причине затрат, связанных с подготовкой, обучением, прохождением службы и т.д. В частности, косвенным подтверждением особого уголовно-правового статуса военнослужащих является покровительственный принцип действия уголовного закона в пространстве в отношении военнослужащих (ч. 3 ст. 8 УК РК). Кроме того, как указывается исследователями, в зарубежной практике многих

государств вообще присутствует специальное военно-уголовное законодательство [214], а некоторые исследователи подобную практику мыслят в качестве наиболее верной и соответствующей потребностям специального механизма уголовной ответственности военнослужащих [215].

Как указывают авторы научных публикаций, посвященных специфике «воинских» наказаний, «...они [наказания – прим. авт.] преследуют специальную цель воинского воспитания осужденных военнослужащих в условиях воинского коллектива и дальнейшего прохождения военной службы (за исключением лишения воинского звания) в духе формирования и развития таких необходимых навыков и качеств, как осознание и соблюдение воинской дисциплины, воинского долга, порядка прохождения военной службы» [216]. Другие авторы также обращают внимание на «...возможность широкого использования элементов воинского воспитания в отношении осужденных» [217, с. 76]. В.П. Бодаевский специально акцентирует специфику объекта воинских уголовных правонарушений: «...общественные отношения, составляющие воинский порядок, могут быть нарушены только изнутри и только их участниками – военнослужащими» [218]. В целом, в исследованиях зарубежных исследователей (в казахстанской научной среде данный вопрос практически оставлен без внимания) прослеживается консенсус относительно целесообразности специальных видов уголовного наказания для военнослужащих. В частности, отмечается, что их использование «...является объективной необходимостью, поскольку при их назначении учитывается специфика правового положения военнослужащих, что, в условиях применения к военнослужащим ограниченного круга наказаний по сравнению с иными лицами, способствует наиболее полной реализации принципа справедливости, а также других положений уголовного законодательства» [219, с. 102].

Таким образом, итогом теоретического анализа, осуществленного в рамках данного подраздела, являются следующие основные выводы (результаты).

Во-первых, действующие редакции статей УИК и Закона «О пробации» требуют внесения изменений, которые имеют как уточняющий (упорядочивающий) характер, так и являются результатом более полного учета изменений, внесенных в законодательные акты по вопросам осуществления пробационного контроля. Соответственно, необходимо: 1) дополнить ч. 1 ст. 19 УИК РК новым п. 4, расширяющим перечень случаев применения пробационного контроля его установлением в отношении лиц, которым наказание в виде штрафа, исправительных работ и привлечения к общественным работам было заменено ограничением свободы; 2) п. 2 ст. 12 Закона РК «О пробации» изложить в следующей редакции: «приговорная пробация – деятельность и совокупность мер по установлению и осуществлению пробационного контроля в отношении лиц, осужденных к ограничению свободы, осужденных условно, а также в отношении лиц, которым ограничение свободы было назначено в качестве замены штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, и несовершеннолетних, которым пробационный контроль назначен судом в

качестве принудительной меры воспитательного воздействия, и оказанию им социально-правовой помощи».

Во-вторых, редакция подпункта 8 ст. 3 УИК РК и п. 1 ст. 9 Закона РК «О пробации» требует уточнения путем исключения ненадлежащей терминологии («пенитенциарная система»), а также учета всего функционала, возложенного на службы пробации: «служба пробации – орган уголовно-исполнительной системы, осуществляющий исполнительные и распорядительные функции по обеспечению исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества и иных мер уголовно-правового воздействия, а также по организации и функционированию пробации».

В-третьих, в современных условиях чрезмерная унификация уголовно-правового и уголовно-исполнительного статуса военнослужащих с гражданскими лицами не отвечает требованиям обеспечения обороноспособности и устойчивости кадрового состава ВС РК, в силу чего требуется принятие следующих решений: 1) фрагментарная реконструкция прежней «наказательной практики» в отношении военнослужащих; 2) оптимальным выглядит частичное снижение императивности норм Закона РК от 16 февраля 2012 г. № 561-IV «О воинской службе и статусе военнослужащих» в отношении увольнения осужденных по отрицательным мотивам за счет изменения существующей формулировки следующим образом: «вступление в силу обвинительного приговора суда за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также назначение наказания в виде ограничения свободы или реального отбывания лишения свободы»; 3) поскольку указанные изменения приведут к возможности оставления в рядах ВС РК условно осужденных военнослужащих, требуется возврат к практике включения в субъектный состав уголовно-исполнительных отношений командования воинских частей, на которые и должна быть возложена функция осуществления пробационного контроля (как в ст. 181 УИК РК 1997 г.).

2.4 Содержание пробационного контроля как формы пробации

Установление пробационного контроля должно отвечать целям исправления лиц, в отношении которых он применяется, предупреждения совершения ими правонарушений, а также содействия в обеспечении безопасности общества путем их ресоциализации и социальной адаптации (ч. 2 ст. 39 УК РК, ч. 1 ст. 4 УИК РК, п. 2 ст. 1 Закона РК «О пробации» [9; 10; 11]. При этом 73% опрошенных сотрудников МПС уровень рецидивной (повторной) преступности условно-досрочно освобожденных лиц считают «стабильно умеренным» (у сотрудников службы пробации данный показатель равен 68 %); а 20 % сотрудников МПС (24 % сотрудников службы пробации) указали на высокий уровень рецидива и повторности преступлений у лиц, в отношении которых установлен пробационный контроль. В целом, указанные данные вряд ли можно назвать благополучными, поскольку отсутствие возврата к криминальному поведению со стороны осужденного является одним из

наиболее значимых показателей эффективности неприменения более строгих видов наказания, связанных с изоляцией от общества.

Успешность осуществления пробационного контроля зависит от многих факторов, начиная с целесообразности и достаточности тех ограничений и обязанностей, которые будут установлены судом (на основе норм закона) и заканчивая конструктивным поведением самого осужденного. В центре же всего процесса находится контрольная деятельность службы пробации и полиции, реализующих пробационный контроль в рамках соответствующего вида пробации и в отношении конкретных категорий лиц. Служба пробации и полиция ограничены в интенсивности воздействия тех арсеналов средств, которые предоставляются на уровне законов и ведомственных актов МВД, причем объем контрольного воздействия в обязательном порядке будет также зависеть от того объема ограничений, который установит суд.

Ограничения, предусмотренные для лиц, в отношении которых установлен пробационный контроль, представляют собой определенный набор обязанностей, призванных облегчить, усилить и конкретизировать воспитательное воздействие на них, контроль за их поведением и одновременно усиливать его карательное содержание, в зависимости от поведения осужденного. И.В. Слепцов и Ю.И. Симонова совершенно справедливо указали, что независимо от интенсивности пробационного контроля (объема возложенных на конкретное лицо обязанностей), «он не должен быть чрезмерным, поскольку, во-первых, приведет к нерациональному расходованию управленческого ресурса, а во-вторых, снизит вероятность достижения целей пробации, поскольку должна предполагаться реализация потенциала самого лица, в отношении которого применена пробация, по самокоррекции своего поведения» [149, с. 61]. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что 56 % опрошенных сотрудников МПС считают, что суды редко назначают дополнительные ограничения (у сотрудников службы пробации на это обстоятельство указали 48 % респондентов). Кроме того, 16 % сотрудников МПС и 23 % сотрудников службы пробации считают, что установленный в законе перечень обязанностей уже не отвечает потребностям практики. Факт чрезмерной унификации возлагаемых обязанностей в процессе установления пробационного контроля судами РК подтвердился также в ходе анализа приговоров судов по различным категориям уголовных дел, размещенных в Судебном кабинете Верховного Суда РК.

Несмотря на репликацию в казахстанскую уголовно-исполнительную практику элементов социального вспоможения в отношении осужденных (оказание социально-правовой помощи расценивается как самостоятельная форма пробации), пробационный контроль как вторая форма пробации характеризуется более четкими ориентирами, которые, в первую очередь, должны иметь значение в плане коррекции последующего поведения осужденного. Именно по этой причине пробационный контроль имеет явно выраженный принудительный характер, поскольку как мера воздействия по факту совершенного преступления он не может быть лишен карательного элемента как в контексте уголовного наказания (ограничения свободы), так и в

контексте иных мер уголовно-правового воздействия (условного осуждения). Социально-правовая помощь, напротив, предполагает применение максимально возможного спектра мер, которые являются доступными для местных исполнительных органов как центрального субъекта соответствующей деятельности.

Применение пробационного контроля в любой из предусмотренных законом ситуаций (как в контексте приговорной, так и в контексте постпенитенциарной пробации) предполагает определенный ресурс доверия к лицу, совершившему уголовное правонарушение. В отличие от лишения свободы, где на протяжении всего периода пребывания в учреждении уголовно-исполнительной системы практически все параметры жизни осужденного подчинены режиму, в рамках пробационного контроля значительный объем исполнения наказания или иной меры уголовно-правового воздействия возлагается на самого осужденного. Как в связи с этим подчеркивает А.И. Зубков, это вытекает из обязанности исполнения приговора суда, «которую должен исполнить сам осужденный со всеми его тяготами и лишениями, позором и неудобствами, утратой определенных благ и возможностей и многими другими негативными последствиями» [220, с. 28]. В отношении пробационного контроля саморегуляция поведения со стороны самого осужденного приобретает особую значимость, поскольку он не находится постоянно в механизме непосредственной коммуникации с сотрудником службы пробации или полиции.

Анализ соответствующих норм законодательства, регулирующего вопросы пробационного контроля (в первую очередь ст. 44 УК РК), свидетельствует о том, что обязанности, возлагаемые на осужденных в связи с его установлением, являются неоднородными по своей сути. Причем наличие специальных обязанностей, возлагаемых судом, не означает, что осужденный освобождается от выполнения иных социальных функций и обременений (например, уплаты алиментных обязательств). Возлагаемые судом обязанности непосредственно связаны с фактом совершения уголовного правонарушения, его отрицательной оценки, заключающейся в вынесении обвинительного приговора суда, после чего происходит трансформация статуса осужденного. Иными словами, он не перестает быть членом общества с соответствующими основными (конституционными) правами и свободами, но приобретает специальный статус [154, с. 239]. На основе анализа норм действующего законодательства обязанности, возложенные на лиц, в отношении которых установлен пробационный контроль, можно разбить на определенные группы.

К первой группе можно причислить те обязанности, которые установлены Конституцией РК, закреплены в нормах отраслевого законодательства и исполнение которых не связано со специальным правовым статусом осужденного, т.к. в процессе осуществления пробационного контроля он остается гражданином Республики Казахстан и «в силу самого своего гражданства имеет права и несет обязанности» (п. 3 ст. 12 Конституции РК). Иностранцы и лица без гражданства, наряду с тем, что они могут пользоваться в Казахстане правами и свободами, установленными для граждан, также несут

и обязанности, установленные для них, если в том и другом случае «иное не предусмотрено Конституцией, законами и международными договорами» (п. 4 ст. 12 Конституции РК) [156]. Данное положение полностью относится к иностранцам и лицам без гражданства, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, поскольку согласно УИК РК (ч. 3 ст. 9), данная категория лиц пользуется в Казахстане правами и свободами, а также несет обязанности, установленные для граждан, если иное не предусмотрено Конституцией РК, законами Республики Казахстан и международными договорами [10; 156]. При этом в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства неизбежно действуют определенные изъятия и специальные правила (некоторые из которых были отражены ранее), поскольку отсутствие политико-правовой связи с РК в виде гражданства дает, в частности, возможность для применения к ним выдворения за пределы РК.

Важнейшей обязанностью, установленной Конституцией РК, является соблюдение любым гражданином, в том числе и лицами, в отношении которых применен пробационный контроль, Конституции и законов Республики Казахстан, а также уважение прав, свобод, чести и достоинства других лиц (ст. 34 Конституции РК) [156]. В Конституции РК закреплены и общие обязанности, исполнение которых обеспечивает нормальное функционирование самого государства и жизнедеятельность общества, и которые должны исполняться всеми лицами, в отношении которых применены меры уголовно-правового характера. В частности, к ним относятся забота о детях, их воспитание, а также забота со стороны трудоспособных детей о нетрудоспособных родителях; уплата установленных налогов, сборов; обязанность сохранять природу и бережно относиться к природным богатствам; заботиться о сохранении исторического и культурного наследия и др. (ст.ст. 27, 35, 37, 38 Конституции РК) [156]. Также лица, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, должны соблюдать обязанности, установленные иными отраслевыми законами Республики Казахстан.

Так, например, в процессе осуществления трудовой деятельности в соответствии со ст. 22 Трудового кодекса РК они, в частности, обязаны выполнять трудовые обязанности в соответствии с соглашениями и трудовыми договорами; соблюдать трудовую дисциплину и требования по безопасности и охране труда; возмещать работодателю причиненный ущерб в пределах, установленных законодательством, и др. В свою очередь лица, являющиеся родителями, согласно статьям 29 и 70 Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье», обязаны заботиться о здоровье, развитии своих детей и их благосостоянии [221; 222].

Кроме того, лица, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, обязаны соблюдать принятые в обществе нравственные нормы и общепринятые этические правила поведения. Их соблюдение является залогом достижения поставленных перед пробацией задач и, в первую очередь, направлено на коррекцию их поведения и ресоциализацию. Очевидно, именно поэтому часть нравственно-этических правил поведения закрепляется в качестве обязанностей, предусмотренных для всех осужденных, в том числе и

тех, в отношении которых реализуется пробационный контроль. Так, согласно п. б)

ч. 1 ст. 11 УИК РК лица, в отношении которых применен пробационный контроль, обязаны вежливо обращаться к сотрудникам, его осуществляющим, а также к другим лицам, посещающим их служебные помещения [10].

Ко второй группе относятся обязанности, возлагаемые на лиц, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, уже как на обладателей специального правового статуса. Фактически эти обязанности и выступают в качестве модификатора их статуса, наряду с общими последствиями, которые влечет факт вынесения обвинительного приговора за совершение преступления (судимость). Часть из этих обязанностей устанавливается по решению суда (ч. 2 ст. 44 УИК РК), а часть вытекает из условий и порядка его осуществления (ст.ст. 11, 21, 66, ч. 8 ст. 169, ч. 4 ст. 174 УИК РК, ст.ст. 4, 15 Закона РК «О пробации») [9; 10; 11]. Причем основное содержание пробационного контроля в отношении конкретного лица составляет именно набор тех обязанностей, которые наложил на него суд из перечня, закрепленного в ч. 2 ст. 44 УК РК (который является «открытым»), поскольку все остальные нормы УК РК, регулирующие порядок его применения (ст.ст. 63, 72, 85 УК РК), отсылают именно к данной статье [10]. Соответственно, набор обязанностей в отношении осужденных при установлении пробационного контроля будет различным в каждом конкретном случае, однако основные параметры определения их объема являются более или менее унифицированными.

В соответствии с ч. 2 ст. 44 УК РК, пробационный контроль предполагает исполнение лицом следующих обязанностей, устанавливаемых судом: «не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления уполномоченного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного; не посещать определенные места; пройти курс лечения от психических, поведенческих расстройств (заболеваний), связанных с употреблением психоактивных веществ, заболеваний, передающихся половым путем; осуществлять материальную поддержку семьи; другие обязанности, которые способствуют исправлению осужденного и предупреждению совершения им новых уголовных правонарушений» [10]. Таким образом, суд не ограничен законом в том, какое количество обязанностей можно возложить на осужденного в связи с установлением пробационного контроля, равно как и имеет возможность определить любую иную обязанность, которая применительно к личности осужденного или его жизненной ситуации может способствовать его исправлению. Очевидно, что объем ограничений должен быть связан не столько с оценкой самого преступления (поскольку оценка степени его тяжести уже зафиксирована в санкции уголовно-правовой нормы), сколько с анализом мотивации, глубины деформации нравственно-психологической сферы осужденного, образа его жизни, повлиявшего на детерминацию криминального поведения, и т.д. Соответственно, если для достижения исправительного эффекта требуется комплекс ограничений, то суд обязан его применить [223, с. 44].

Относительно обязанности «не менять место жительства без уведомления специализированного государственного органа», в лице которого выступают служба пробации и местная полицейская служба, под «местом жительства» понимается «жилище, где человек постоянно проживает» [224, с. 174]. Аналогичная трактовка содержится и в легальных дефинициях. Так, согласно Закону РК «О жилищных отношениях» (подп. 28 ст. 2, п. 2 ст. 11), «жилищем» признается помещение, предназначенное для постоянного проживания (индивидуальный жилой дом, квартира, комната в общежитии), при этом количество «жилищ», находящихся в собственности одного лица, не ограничивается [225]. Следовательно, лицо, имеющее несколько «жилищ», может быть официально зарегистрировано в одном месте жительства, но фактически проживать в другом. В связи с этим обязанность не менять место жительства без уведомления органа, осуществляющего в отношении лица пробационный контроль, заключается в том, что данное лицо, как правило, во время всего срока его осуществления обязано проживать в месте своего постоянного места жительства, независимо от места официальной регистрации.

По всей видимости, несмотря на то, что в ч. 2 ст. 44 УК РК отсутствует выделение обязательных и факультативных обязанностей, налагаемых в связи с установлением пробационного контроля, именно обязанность не менять постоянного места жительства должна расцениваться в качестве обязательной во всех случаях. Однако ни служба пробации, ни сотрудники полиции, осуществляющие пробационный контроль, не имеют право отказать лицу в переезде на новое место жительства, поскольку это существенно нарушило бы конституционное право на свободу перемещения. Несмотря на то, что пробационный контроль предполагает соответствующее ущемление, тем не менее оно не должно быть чрезмерным, учитывая то обстоятельство, что возможны различные жизненные ситуации (например, необходимость изменения места жительства в целях ухода за пожилым родителем). Именно потому устанавливается исключительно обязанность осужденного, в отношении которого установлен пробационный контроль, ставить в известность уполномоченных лиц о планируемой смене места жительства.

От места жительства необходимо отличать «место пребывания лица», под которым, согласно Закону РК «О миграции» (подп. 17-1 ст. 1), понимается помещение, не являющееся местом жительства, и в котором лицо проживает временно (гостиницы, больницы, пансионаты и т.п.) [239]. Вместе с тем, например, если по уважительным причинам лицо, освобожденное на основании УДО, не может проживать по постоянному месту жительства, то согласно Правилам осуществления контроля за поведением лиц, освобожденных по УДО (п. 23), ему может быть разрешено временно проживать в другом месте, в том числе в месте временного пребывания, но в пределах территории обслуживаемой ГОР(У)ОП, где он состоит на учете как лицо, в отношении которого осуществляется пробационный контроль [226].

Обязанность лица, в отношении которого установлен пробационный контроль, не менять места работы и учебы без уведомления органа, его осуществляющего, фактически по своему содержанию аналогична обязанности

не менять места жительства, равно как и обусловлена теми же факторами: презюмируется, что стабильность включения осужденного в структуру тех или иных общественных отношений является одной из гарантий более благополучного исправительного воздействия. Однако в данном случае также нельзя прогнозировать абсолютное исполнение соответствующей обязанности, особенно в случаях, когда срок пробационного контроля является достаточно продолжительным. Лицо может быть уволено с места работы за невыполнение трудовых обязанностей (либо по другим причинам) или отчислено из учебного заведения (либо вынуждено прервать учебу по состоянию здоровья). Кроме того, не следует исключать и возможность такой положительной динамики в жизненной ситуации осужденного, при которой у него случается карьерный рост (который, в частности, может потребовать и изменения места жительства) либо он получает возможность продолжить обучение в другом учебном учреждении. В целом, лицо, в отношении которого осуществляется пробационный контроль, может по своей инициативе уволиться с места работы или отчислиться из учебного заведения, поскольку свобода выбора в данном случае гарантируется на уровне Конституции. Однако во всех случаях он обязан предварительно поставить об этом в известность орган, осуществляющий за ним пробационный контроль.

При этом в УИК РК конкретизируется форма соблюдения лицом, в отношении которого осуществляется пробационный контроль, обязанности не менять места жительства, работы, учебы без уведомления органа, его осуществляющего. Так, согласно п. 4 ч. 2 ст. 21, п. 4 ч. 8 ст. 169 УИК РК, лицо, в отношении которого установлен пробационный контроль, обязано «письменно информировать (уведомлять)» об изменении места жительства, работы или учебы службу пробации или полицию, в зависимости от того, кто осуществляет контроль за его поведением.

В целях предупреждения совершения со стороны лица, в отношении которого применяется пробационный контроль, правонарушений, в том числе, уголовных, суд может возложить на него обязанность не посещать определенные места. Данная обязанность, как правило, может быть установлена судом в тех случаях, когда совершенное лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, преступное деяние в какой-то степени было связано именно с присутствием в определенных местах, и у суда есть основания полагать, что отсутствие соответствующего запрета может привести к совершению нового уголовного правонарушения. При этом вряд ли можно согласиться с Н.М. Перетясько и А.А. Рождествой, которые, рассматривая проблемы, связанные с применением наказания в виде ограничения свободы, отмечают, что в данном случае речь идет только «о развлекательных местах», например, таких как кафе, бары, рестораны и т.п. [227, с. 67].

Очевидно, законодатель целенаправленно не определил перечень соответствующих мест, поскольку в ситуации отдельно взятого осужденного может иметь значение любое иное место. Например, если совершению хулиганских действий способствовало присутствие на спортивном стадионе и,

в целом, есть основания полагать, что именно обстановка стадиона способна вызвать негативные эмоции, агрессивную эмоциональность, приводящие к нарушению общественного порядка, насилию в отношении других граждан (в частности, болельщиков других команд), то вполне обоснованным будет со стороны суда сформулировать соответствующее ограничение. Аналогично суд вправе установить запрет на посещение осужденным лицом детских и дошкольных учреждений, учреждений образования, мест, где проживает потерпевший, и др. При этом необходимо согласиться с М.Р. Гета, который отмечает, что суд должен в обязательном порядке конкретизировать, какие именно места запрещено будет посещать лицу, в отношении которого применяется пробационный контроль. Поскольку, например, если суд возложит на данное лицо обязанность «не посещать места проведения массовых мероприятий», то в данном случае оно не будет иметь право участвовать в выборах или в отправлении религиозных обрядов [228, с. 69]. По всей видимости, требование максимальной конкретности должно стать универсальным критерием в процедуре наложения ограничения в рамках установленного пробационного контроля.

В свою очередь, формулировка относительно обязанности «пройти курс лечения от психических, поведенческих расстройств (заболеваний), связанных с употреблением психоактивных веществ», была введена Законом РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам здравоохранения» от 7 июля 2020 г. вместо прежнего текстуального оформления соответствующей обязанности «пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании» [229]. Введение дефиниции «психоактивные вещества» в законодательное поле Республики Казахстан было связано с приведением его в соответствии с общепринятыми в мировой практике понятиями (в данном случае можно вести речь именно о механизме имплементации в чистом виде). Так, в большинстве зарубежных стран все препараты, вызывающие такие заболевания, как алкоголизм, наркомания, токсикомания, обозначаются общим термином «психоактивное вещество» [230, с. 8]. В принятом в 2020 г. в новой редакции Кодекса РК «О здоровье народа и системе здравоохранения» также все препараты, приводящие к алкоголизму, наркомании, токсикомании, были объединены термином «психоактивные вещества», и соответствующие терминологические изменения были продублированы в других законодательных актах.

В настоящее время, согласно Кодексу РК «О здоровье народа и системе здравоохранения» (подп. 208 п. 1 ст. 1), под психоактивными веществами понимаются вещества синтетического или природного происхождения, которые при однократном приеме оказывают воздействие на психические и физические функции, поведение человека, а при длительном употреблении вызывают психическую и физическую зависимость [231]. Специалисты-наркологи единодушно утверждают, что злоупотребление ими приводит к изменению психического состояния человека до измененного состояния сознания и вплоть до деградации психики. К таким веществам относятся алкоголь (метиловый спирт, ацетальдегид и др.); наркотические средства (марихуана, гашиш (анаша),

кокаин, так называемый «крэк» и др.); психотропные вещества, их аналоги (седативные вещества, галлюциногены, например, «экстази», ЛСД и др.); одурманивающие вещества (ацетон, нитрокраски, клеи, лаки, бензин и др.) [230, с. 8, 11-13; 231]. Необходимость установления данной обязанности связано с тем, что в значительном количестве случаев употребление психоактивных веществ и преступность имеют прямую взаимосвязь. По данным правовой статистики КПСиСУ Генпрокуратуры РК, более 80% бытовых преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения [232; 233]. Так, в 2023 г. в состоянии алкогольного и наркотического опьянения было совершено более 12000 преступлений. Причем в этом же году в среднем по Казахстану каждое 7 лицо, совершившее преступление, находилось в состоянии алкогольного опьянения. Только на учетах МПС ДП г. Астана в 2023 г. состояло 263 хронических алкоголиков и 359 наркозависимых лиц.

Следует отметить, что лечение зависимости – это уже лечебное воздействие на лицо, у которого возникли определенные последствия физического и психического порядка. Будет справедливым утверждение, что соответствующая обязанность должна быть установлена во всех случаях наличия у осужденного, в отношении которого устанавливается пробационный контроль, зависимостей данного порядка (алкоголизм, наркомания, токсикомания), а не только в связи с тем, что преступление было совершено на фоне употребления психоактивных веществ. Однако Законом РК № 116-VIII было введено также понятие «пагубное употребление психоактивных веществ» (подп. 208-1 п. 1 ст. 1 Кодекса «О здоровье населения и системе здравоохранения»), которое понимается как «немедицинское употребление, которое привело к физическим и (или) психическим, и (или) правовым последствиям без признаков синдрома зависимости» [234].

При этом текст ч. 2 ст. 44 УК РК не был подвергнут корреспондирующим изменениям, однако они, по всей видимости, являются необходимыми. И в данном случае речь идет именно о случаях совершения уголовного правонарушения в одурманенном состоянии («правовые последствия», как указано в процитированном выше пункте). По всей видимости, ограничения в отношении осужденных при установлении пробационного контроля в подобных ситуациях должны иметь две основные разновидности: 1) обязательное лечение лиц, страдающих зависимостями, независимо от того, находилась ли эта зависимость в структуре механизма формирования и реализации криминальной мотивации; 2) запрет на употребление психоактивных веществ в отношении лиц, которые совершили уголовное правонарушение именно в состоянии одурманивания психоактивными веществами. В последнем случае тотальный запрет на употребление алкоголя может оказаться проблематичным, поскольку сам правовой режим оборота алкогольной продукции в РК не дает такой возможности; однако запрет в отношении потребления иных психоактивных веществ выглядит вполне логичным (вплоть до установления периодического медицинского освидетельствования).

При этом логичной корреспондирующей обязанностью осужденных,

связанной с запретом на употребление психоактивных веществ, должна бы стать обязанность периодически проходить освидетельствование на предмет выявления факта их немедицинского потребления. В противном случае соответствующая обязанность может превратиться в исключительно декларативное требование, учитывая специфику преимущественной дистанционности пробационного контроля. В этом смысле обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, запрет на употребление алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в немедицинских целях устанавливается исключительно в отношении лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы и, соответственно, контролируется со стороны сотрудников МПС (соответствующий п. 6-2 был включен в УИК Законом РК от 12 июля 2018 г. №180-VI) [235]. Во-вторых, фактически ни УИК РК, ни Правила осуществления контроля за поведением лиц, освобожденных условно досрочно от отбывания наказания не содержат соответствующей обязанности нахождение медицинского освидетельствования по требованию должностного лица уполномоченного органа (в указанном ранее случае – сотрудника МПС).

Вопросы освидетельствования на предмет употребления алкоголя, наркотиков, психотропных веществ и их аналогов в УИК РК оговариваются лишь дважды: 1) как обязанность осужденного – для выявления факта потребления психоактивных веществ (п. 8 ч. 1 ст. 11); 2) при установлении факта уклонения от отбывания наказания в виде привлечения к общественным работам (п. 2 ч. 3 ст. 60). Фактически логично (хоть специально и не указывается в соответствующих статьях УИК), что соответствующее освидетельствование должно проводиться, в том числе, и в случаях отбывания наказания в виде исправительных работ (в рамках требований трудового законодательства).

В соответствии с п. 208-2 ст. 1 Кодекса РК «О здоровье народа и системе здравоохранения», включенным Законом РК от 8 июля 2024 г. № 116-VIII, «медицинское освидетельствование для установления факта употребления психоактивного вещества и состояния опьянения – обследование лица с целью установления состояния наркотического, алкогольного опьянений и опьянений от других психоактивных веществ, проводимое в государственных организациях здравоохранения, осуществляющих деятельность в области охраны психического здоровья, в порядке, определяемом уполномоченным органом» [236].

Процедурные вопросы освидетельствования на факт немедицинского потребления психоактивных веществ являются достаточно сложными, причем, исследователи отмечают проблемы в их осуществлении даже в условиях изоляции от общества (например, отсутствие механизмов ответственности за отказ от освидетельствования) [237, с. 15]. Очевидно, что в условиях пребывания осужденного, в отношении которого устанавливается пробационный контроль, вне системы физической изоляции, соответствующий механизм имеет дополнительные сложности (как минимум, отсутствие возможности постоянного визуального наблюдения за его поведением). Тем не

менее, установление соответствующей обязанности для условно освобожденных (ст. 169 УИК), равно как и обоснованный выше вариант дополнительной обязанности в отношении лиц, которые совершили преступление в состоянии, вызванном воздействием психоактивных веществ («пагубное потребление»), требует, чтобы, во-первых, обязанность периодического освидетельствования была включена в перечень обязанностей соответствующих категорий осужденных; во-вторых, уклонение от освидетельствования на предмет потребления психоактивных веществ должно расцениваться как уклонение от пробационного контроля.

Что касается обязанности пройти курс лечения от заболеваний, передающихся половым путем (ИППП), то, по всей видимости, ее необходимость возникает в связи с тем, что факт заболевания был установлен в связи с совершенным преступлением и досудебным расследованием (в частности, в связи с совершением половых посягательств, уголовных правонарушений, сопряженных с занятием проституцией, и т.д.). Очевидно, не стоит исключать и иные причины, при которых суд может прийти к выводу о необходимости установления соответствующей обязанности (например, в отношении женщины, имеющей грудного ребенка). В данном случае следует сохранять баланс между общественными интересами (зараженное лицо является источником инфекции для более или менее широкого круга лиц) и необходимостью сохранения тайны личной жизни осужденного. Кроме того, часть инфекционных заболеваний могут передаваться и иными путями, например, посредством введения различных препаратов (ВИЧ) или передаваться от матери к плоду во время беременности (ВИЧ, хламидиоз) [238; 239]. В прежней редакции перечня обязанностей, устанавливаемых в период пробационного контроля (ч. 5-1 ст. 63 УК РК 1997 года), непосредственно указывалась, в том числе, и обязанность пройти лечение от ВИЧ. По всей видимости, следует использовать термин «социально значимые заболевания», представляющие угрозу здоровью окружающих. К таковым, согласно Перечню социально значимых заболеваний, утвержденному приказом Минздрава Республики Казахстан от 23 сентября 2020 года № ҚРДСМ-108/2020, относится болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ; международный классификатор – В20-В24); туберкулез (международный классификатор – А15-А19); вирусные гепатиты (международный классификатор – В18.0, В18.1, В18.2, В18.8, В19) [240].

Рассмотренный перечень обязанностей, как уже отмечалось, не носит исчерпывающий характер, т.к. суд правомочен в необходимых случаях, с учетом конкретных обстоятельств дела, личности виновного, его поведения в семье и т.п., при применении пробационного контроля возложить на лицо исполнение и других обязанностей, которые предположительно могут способствовать его исправлению. В частности, как показало проведенное исследование, одним из наиболее часто применяемых ограничений, который активно применяют суды при установлении пробационного контроля, является запрет на пребывание вне постоянного места проживания в ночное время (с 22.00 до 6.00 по местному времени). Однако суд может установить и иной

график обязательного присутствия по месту жительства, зависящий от специфики трудовой деятельности и других обстоятельств. В частности, в отношении освобожденного на основании УДО, в соответствии с п. 3 ч. 8 ст. 169 УИК РК, время, в течение которого данное лицо не должно покидать место жительства, определяется ОВД [10]. В целом, это вполне логичное допущение законодателя, поскольку именно сотрудники полиции будут осуществлять контрольные функции пробационного контроля в отношении данных лиц. Кроме того, на момент освобождения осужденные, как правило, еще не трудоустроены, и время, которое они должны находиться по постоянному месту жительства, может зависеть от ряда факторов, связанных в том числе с характером будущей работы.

Также суд может обязать лицо, в отношении которого применяется пробационный контроль, в течение определенного времени устроиться на работу, продолжить учебу и т.д. Как правило, установление обязанности трудоустроиться связано с параллельным возложением обязанности «осуществлять материальную поддержку семьи». Ранее мы упоминали, что обязанности, имеющиеся у лица, в отношении которого устанавливается пробационный контроль, не исчерпываются теми, которые считает необходимым возложить суд при постановлении приговора. В частности, забота о детях, нетрудоспособных родителях – обязанности, которые вытекают из общественных отношений иного порядка и никак не связаны со специальным статусом лица, в отношении которого устанавливается пробационный контроль. Однако в ряде случаев действенное воспитательное воздействие может оказать и возложение обязанности оказывать материальную поддержку семье в случаях, которые специально не предусмотрены нормами законодательства (например, ребенок достиг совершеннолетия, но по состоянию здоровья нуждается в дорогостоящем лечении). В данном случае закон идет по пути своего рода «принуждения к нравственности», поскольку фактически обязывает осужденного к такому поведению, которое, в целом, должно иметь характер добровольного. Стремление достичь положительного результата в структуре личности осужденного в данном случае сочетается с обеспечением интересов других лиц.

Следует согласиться А. Хаитжановым, что при возложении обязанностей этой группы суд должен аргументировать в приговоре, с какой именно целью он возложил данную обязанность, а также какого именно исправительного эффекта требуется достичь [16, с. 45]. Здесь едва ли следует вести речь о необходимости подробной мотивировки, однако, в отличие от «стандартизированного» перечня, установленного в ч. 2 ст. 44 УК РК, каждая дополнительная обязанность, возложенная по решению самого суда, должна получать определенный комментарий.

При этом перечень обязанностей, предусмотренных в ч. 2 ст. 44 УК РК должен периодически подвергаться ревизии, поскольку меняется не только законодательство, но и правоприменительная практика. Так, ранее уже отмечалось, что следовало бы учесть изменения, внесенные в Кодекс «О здоровье народа и системе здравоохранения» в связи с введением в оборот

понятия «пагубное употребление психоактивных веществ». Кроме того, источником пересмотра содержания обязанностей, составляющих содержание пробационного контроля, может стать правоприменительная практика судов. В частности, наиболее часто применяемые судами обязанности (не включенные в перечень ч. 2 ст. 44 УК РК) также заслуживают того, чтобы приобрести роль «стандартизованных».

Одним из значимых вопросов, который к настоящему времени также сильно актуализировался в РК и который непосредственно связан с криминальной активностью и иными формами деструктивного поведения (в частности, суицидальными инцидентами), является рост числа лиц, подверженных игровой зависимости (лудомании). К настоящему времени данный вопрос стоит настолько остро, что Президент РК К.-Ж.К. Токаев на третьем заседании Национального курултая специально отметил: «По некоторым данным, постоянными клиентами букмекерских контор и казино являются около 400 тысяч граждан, что равносильно населению крупного города. Лудомания приносит неисчислимы беды, разрушая тысячи семей, толкая многих на преступления» [241]. Формат мероприятия, в рамках которого был поднят данный вопрос, свидетельствует о том, что данная проблема фактически носит характер социального бедствия. Именно по этой причине был принят Комплексный план по противодействию незаконному игорному бизнесу и лудомании в Республике Казахстан на 2024-2026 годы, в котором предусмотрены следующие основные направления противодействия данному явлению: «1) организация профилактики лудомании; 2) выявление зависимости от азартных игр среди различных групп населения; 3) лечение и медико-социальная реабилитация лудоманов; 4) государственное регулирование игорного бизнеса» [242]. Соответственно, и ч. 2 ст. 44 УК РК должна быть дополнена указанием на обязанность прохождения лечения и медико-социальной реабилитации от лудомании как реакция на тенденцию негативных изменений, которые имеют место в структуре общественных отношений.

В качестве одного из явных примеров того, что внесение изменений в те или иные законодательные акты достаточно часто осуществляются без корреспондирующей переработки положений иных (смежных) норм законодательства, можно указать недавно принятый Закон РК от 15 апреля 2024 г. № 72-VIII, которым УК РК был дополнен ст. 98-3 «Установление особых требований к поведению лица, совершившего уголовное правонарушение» [243].

Фактически с данным нововведением не были автоматически преодолены возникшие межотраслевые противоречия, поскольку редакция ст. 98-3 сконструирована посредством переноса положений ст. 54 КоАП РК в УК РК. Однако в данном случае следует учитывать, что, в отличие от сферы административно-деликтной ответственности, контроль за поведением осужденных лиц осуществляется службой пробации (поскольку логически следует, что соответствующие особые требования к поведению лица, совершившего уголовное правонарушение, связаны именно с его оставлением в условиях физической свободы).

В соответствии с ч. 1 ст. 98-3 УК РК, «к лицу, признанному виновным в совершении уголовного правонарушения, при назначении наказания либо при освобождении от уголовной ответственности или наказания судом по собственной инициативе либо по ходатайству сторон уголовного процесса могут быть установлены особые требования к его поведению на срок от трех месяцев до одного года...» [10]. Соответственно, ст. 98-3 УК РК устанавливает новые обязанности и ограничения, которые определяются в связи с характером совершенного уголовного правонарушения (преимущественно – в сфере семейно-бытового насилия), подлежащие включению в перечень обязанностей для лиц, в отношении которых устанавливается пробационный контроль, в случаях, когда им назначается ограничение свободы или применяется условное осуждение. Здесь дополнительная аргументация будет излишней, поскольку соответствующие изменения в ч. 2 ст. 44 УК РК должны стать прямым следствием включения ст. 98-3 в УК РК. Соответственно, ч. 2 ст. 44 УК РК должна быть дополнена следующей формулировкой: «В случае установления в отношении осужденного особых требований к поведению в порядке статьи 98-3 настоящего Кодекса, соответствующие ограничения включаются в содержание обязанностей, определяемых судом при установлении пробационного контроля».

В завершение исследования вопроса относительно содержания пробационного контроля следует отметить, что проанализированные обязанности не исчерпывают всего перечня требований и ограничений, которые фактически будет претерпевать лицо, в отношении которого устанавливается соответствующая мера. Сам пробационный контроль представляет собой непрерывную деятельность, сопряженную с периодичностью выполнения тех или иных мероприятий, которые должны дополнить эффект корректирующего воздействия на осужденных. В частности, к группе обязанностей, вытекающих из условий и порядка осуществления пробационного контроля, относятся те, которые предусмотрены ст.ст. 11, 21, 66, ч. 8 ст. 169, ч. 4 ст. 174 УИК РК, а также ст.ст. 4, 15 Закона РК «О пробации» (ст. 17 Закона «О пробации», регламентирующая особенности постпенитенциарной пробации, отсылает к обязанностям осужденных, указанным в ст. 15 данного Закона). При этом в группе анализируемых обязанностей можно выделить подгруппу таких, которые обязательны для исполнения всеми лицами, в отношении которых осуществляется пробационный контроль; а также вторую подгруппу, в рамках которой сосредоточены обязанности, характерные только для отдельных категорий лиц, в зависимости от того, в рамках какого наказания или какой меры уголовно-правового характера был установлен пробационный контроль [10; 11].

Так, обязанности первой подгруппы имеют своей целью обеспечить правопорядок вовремя осуществления пробационного контроля либо создают условия для деятельности сотрудников уполномоченных государственных органов, его осуществляющих. В первую очередь все лица, в отношении которых применен пробационный контроль, обязаны в установленный законом срок явиться в государственный орган, который будет осуществлять контроль

за их поведением, для постановки на учет. При этом законодатель установил разные сроки явки лиц, в отношении которых применен пробационный контроль, для постановки на учет, в зависимости от того, в рамках какого вида probation он будет осуществляться.

Так, лица, в отношении которых пробационный контроль был применен в рамках приговорной probation (осужденные к ограничению свободы; осужденные условно; лица, в отношении которых ограничение свободы было применено в качестве замены ранее назначенного наказания, не связанного с лишением свободы; несовершеннолетние, в отношении которых он был применен в качестве принудительной меры воспитательного воздействия), обязаны явиться в службу probation или МПС для постановки на учет в течение 10-ти суток со дня вступления приговора или постановления суда в законную силу (п. 1 ч. 2 ст. 21 УИК РК, подп. 1 п. 3 ст. 15 Закона РК «О probation») [10; 11]. Информация об этом, а равно о последствиях неисполнения данной обязанности должна доводиться до лица, в отношении которого применен пробационный контроль, судом при провозглашении приговора или вынесения постановления (ч. 5 ст. 402 УПК РК) [244].

В свою очередь лица, в отношении которых пробационный контроль был применен в рамках постпенитенциарной probation, должны явиться для постановки на учет: 1) освобожденные на основании УДО – в МПС по выбранному месту жительства в течение 5-ти рабочих дней со дня освобождения из учреждения УИС (п. 1 ч. 8 ст. 169 УИК РК); 2) лица, в отношении которых неотбытая часть лишения свободы была заменена на наказание в виде ограничения свободы – в службу probation по месту отбывания нового наказания в срок, указанный в предписании о выезде, врученном осужденному при освобождении из учреждения УИС [10].

Таким образом, все лица, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, обязаны исполнять возложенные на них законом и судом обязанности, а также следовать законным требованиям сотрудников уполномоченных государственных органов, его осуществляющих (пп. 1, 3 ч. 1 ст. 11, пп. 1, 3 ч. 1 ст. 66, ч. 4 ст. 174 УИК РК УИК РК, подп. 1, 3 п. 3 ст. 4 Закона РК «О probation») [10; 11]. В данном случае следует учитывать, что законные требования сотрудников, должностных лиц уполномоченных государственных органов могут касаться самых различных вопросов, и фактически они оформляют весь процесс пробационного воздействия значимым фактором императивности. При этом в данном случае речь идет о выполнении лицами, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, именно законных требований, а не любых приказов и указаний. В частности, значимым замечанием является то, что соответствующие требования, обращенные к осужденному, не должны носить сугубо личный характер [244, с. 24].

Фактором, обеспечивающим законность поведения должностных лиц, непосредственно реализующих пробационный контроль, является требование о четком следовании собственной компетенции. Именно по этой причине большинство элементов уголовно-исполнительных отношений, в том числе и

пробационный контроль, сопряжены с детальным, инструктивным регулированием. Безусловно, законность предъявляемого требования следует определять исходя из его общей характеристики, а не из суждения о том, компетентен или нет данный сотрудник уполномоченного государственного органа в отношении требования о выполнении осужденным конкретных действий [245, с. 36]. Любая правоохранительная деятельность, к которой относится и пробационный контроль, не может исключать элементы дискреции, когда должностное лицо действует по собственному усмотрению, основываясь на свое профессиональное правосознание (в частности, в ситуациях, нормативное регулирование которых отсутствует).

Соответственно, невыполнение лицом, в отношении которого осуществляется пробационный контроль, предъявленного требования со стороны сотрудников службы пробации или МПС, уполномоченных на осуществление контроля за его поведением, со ссылкой на его незаконность, должно быть обоснованным (в частности, указание, что данное требование носит сугубо личный характер, не предусмотрено правовой нормой, противоречит закону, причиняет унижение чести и достоинства и т.п.) [220, с. 29].

К обязанностям, которые должны выполнять все лица, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, также относятся: периодически являться в установленные для них дни в уполномоченный государственный орган для регистрации и участия в профилактической беседе, а также по вызову (запросу) сотрудников представлять достоверные сведения, объяснения и иные документы, необходимые для его осуществления (п. 4 ч. 1 ст. 11, пп. 1, 3 ч. 2 ст. 21, п. 6 ч. 1 ст. 66, пп. 2, 8 ч. 8 ст. 169, ч. 4 ст. 174 УИК РК, подп. 4 п. 3 ст. 4, подп. 3 п. 3 ст. 15 Закона РК «О пробации») [9; 10]. При этом, как и в случае со сроками явки для постановки на учет, законодателем в отношении разных категорий лиц, установлена неодинаковая периодичность таких посещений.

Так, лица, отбывающие ограничение свободы, согласно п. 6 ч. 1 ст. 66 УИК РК и п. 65 Правил организации деятельности службы пробации, должны являться в службу пробации для регистрации и участия в таких беседах не реже 1 раза в квартал (ранее, до внесения изменений Законом РК от 27 декабря 2019 г. №292-VI [246], периодичность составляла 1 раз в месяц). Лица, осужденные условно, в соответствии с ч. 4 ст. 174 УИК РК – 2 раза в месяц, а лица, проживающие в сельской местности – 1 раз в месяц. В свою очередь лица, освобожденные на основании УДО, должны являться в МПС для регистрации и отчета о своем поведении не реже 1 раза в месяц (п. 2 ч. 8 ст. 169 УИК РК) [10; 144]. Ранее, до внесения изменений Законом РК от 30 декабря 2021 г. № 95-VII [247], предполагался также ежемесячный отчет о получаемой социально-правовой помощи в случаях, когда осужденный изъявил желание о ее получении. Таким образом, следует сделать вывод, что осужденных, к которым применено наказание в виде ограничения свободы, законодатель презюмирует в качестве изначально более благополучной категории, в отношении которой явка в уполномоченный орган может иметь меньшую периодичность (это

является дополнительным аргументом в пользу ранее сформулированной позиции относительно необходимости реконструкции усиленного пробационного контроля).

Пробационный контроль не может быть лишен динамизма, поскольку существует значительное количество факторов, которые могут привести к необходимости проведения внеочередных бесед, истребования необходимых данных, устных объяснений, документов (например, лицо совершило административное правонарушение; поступила жалоба от соседей или работодателей на ненадлежащее поведение и т.п.). Соответственно, лица, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, обязаны являться по вызову уполномоченного государственного органа, осуществляющего его (в том числе, и несовершеннолетние в сопровождении законных представителей). Как правило, такие вызовы имеют место для дачи такими лицами устных или письменных объяснений по вопросам, связанным с осуществлением пробационной деятельности (п. 4 ч. 1 ст. 11, п. 8 ч. 8 ст. 169, ч. 4 ст. 174 УИК РК) [170]. При этом необходимо отметить, что в отношении лиц, отбывающих ограничение свободы, и условно осужденных обязанность давать объяснения по вопросам исполнения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия, а службе пробации – требовать от них соответствующие объяснения в соответствии с ранее действующим уголовно-исполнительным законодательством (УИК 1997 г.) только подразумевалась [244, с. 43-44].

При неявке без уважительных причин осужденные могут подвергаться приводу; при этом к уважительным причинам неявки лица в службу пробации или МПС в назначенный срок относятся несвоевременное получение вызова; болезнь и другие, документально подтвержденные, обстоятельства, которые лишают его возможности своевременно прибыть по вызову (п. 4, ч. 1 ст. 11, ч. 2 ст. 53, п. 6 ч. 1 ст. 66, ч. 4 ст. 174 УИК РК) [10].

Обязанность осужденного относительно предоставления достоверных сведений (подп. 4 п. 3 ст. 4 Закона РК «О пробации») [11] является непременным условием эффективности пробационного контроля, равно как и имеет существенное значение для определения мероприятий в рамках социально-правовой помощи (если осужденный изъявил желание ее получать). Недостоверные сведения приведут к тому, что имеющийся ресурс социально-правового вспоможения будет расходоваться нерационально, что, в том числе, не приведет к позитивным изменениям и в жизненной ситуации самого осужденного [149, с. 58-59].

К ограничениям, которые должны соблюдаться всеми лицами, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, относится и запрет на выезд за пределы Республики Казахстан. Так, согласно п. 5 ч. 1 ст. 11 и п. 6-1 ч. 8 ст. 169 УИК РК, запрещается покидать территорию Казахстана до полного отбывания основного наказания и истечения срока пробационного контроля [12].

Разновременный характер изменений, которые вносились в законодательство, регламентирующее вопросы установления и осуществления пробационного контроля, привел к тому, что систематическое толкование

статей выявляет ряд «несостыковок», которые, тем не менее, имеют не столько технический, сколько смысловой характер. Так, если в отношении лиц, отбывающих ограничение свободы, и условно осужденных требование «исполнять возложенные законом и судом обязанности» прямо установлено п. 1 ч. 1 ст. 11, п. 2 ст. 21, п. 1 ч. 1 ст. 66, ч. 4 ст. 174 УИК РК, а в подп. 1 п. 3 ст. 4 Закона РК «О пробации», то в отношении лиц, освобожденных по УДО, данная обязанность законодательно прямо не предусмотрена. Здесь следует произвести оговорку, что текстуальное оформление в подп. 1 п. 3 ст. 4 Закона РК «О пробации» после изменений, внесенных Законом РК от 30 декабря 2021 г. № 95-VII [247], также отличается от формулировок, используемых в УИК РК («исполнять и соблюдать порядок и условия пробационного контроля»). В целом, в формулировках УИК РК и Закона «О пробации» нет принципиальных разночтений, поскольку требование исполнять обязанности, возложенные законом и судом, фактически и есть требование к исполнению и соблюдению порядка и условий пробационного контроля. Вместе с тем УИК РК как акт, имеющий более высокую юридическую силу, нежели Закон РК «О пробации», фактически должен содержать «опорные» формулировки, которым не должен противоречить терминологический ряд Закона РК «О пробации».

В ряде случаев та или иная обязанность, связанная с уголовно-исполнительным воздействием, в том числе и пробационным контролем, устанавливается посредством приемов логического и систематического толкования норм. Так, Законом РК от 30 декабря 2016 г. № 41-VI ст. 11 УИК РК была дополнена п. 9, в соответствии с которым осужденные, начиная с 1 января 2021 г. «должны пройти геномную регистрацию в соответствии с законодательством Республики Казахстан». При этом, в соответствии со ст. 18 Закона РК от 30 декабря 2016 года № 40-VI «О дактилоскопической и геномной регистрации», геномной регистрации подлежат только осужденные за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также преступлений, предусмотренных статьями 120 (Изнасилование), 121 (Насильственные действия сексуального характера), 122 (Половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста), 123 (Понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера) и 124 (Развращение малолетних) УК РК [10; 11; 248; 249].

Соответственно, из числа лиц, в отношении которых осуществляется пробаационный контроль, обязанность в виде «прохождения геномной регистрации» возлагается только на осужденных к ограничению свободы и условно осужденных и только тех, которые осуждены за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также преступлений, предусмотренных статьями 120, 121, 122, 123 и 124 УК РК. Закономерно предположить, что лица, в отношении которых ограничение свободы было применено в качестве замены неотбытой части лишения свободы, а также освобожденные на основании УДО, если они подпадают под категорию лиц, подлежащих геномной регистрации, должны быть подвергнуты соответствующей процедуре в период отбывания лишения свободы. При этом в случаях, когда пробационный контроль

устанавливается в связи с заменой неуплаченного штрафа и неисполняемых исправительных работ и привлечения к общественным работам ограничением свободы, применение геномной регистрации фактически исключается по причине того, что соответствующая замена может иметь место только в отношении преступлений небольшой и средней тяжести [10].

Помимо ранее указанного общего запрета для всех осужденных покидать территорию РК вплоть до полного отбывания наказания, к лицам, в отношении которых устанавливается пробационный контроль, также применяются ограничения на внутреннюю миграцию. Так, освобожденным на основании УДО запрещается выезжать в другие местности без письменного разрешения МПС

(п. 6 ч. 8 ст. 169 УИК РК), а лицам, отбывающим ограничение свободы, запрещено выезжать за пределы административно-территориальной единицы без уведомления службы пробации (п. 5 ч. 1 ст. 66 УИК РК). В отношении осужденных условно какого-либо ограничения на передвижения внутри страны законодательно не предусмотрено (ч. 4 ст. 174 УИК РК) [11]. В данном случае так же, как и в некоторых ранее проанализированных аспектах, имеются нормативные противоречия, которые могут и не повлиять на эффективность пробационного контроля в каждом отдельном случае (в частности, при условном осуждении), но, тем не менее, являются нежелательными. В данном конкретном случае расхождение, очевидно, возникло по той причине, что пробационный контроль при условном осуждении устанавливается в полном соответствии с требованием ч. 2 ст. 44 УК РК, однако в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует уравнивание порядка исполнения наказания в виде ограничения свободы и условного осуждения как иной меры уголовно-правового воздействия.

Аналогично можно обратить внимание на то обстоятельство, что, согласно п. 7 ч. 1 ст. 66 УИК РК, лица, отбывающие ограничения свободы, обязаны постоянно иметь при себе документ, удостоверяющий личность [11]. В соответствии со ст. 6 Закона РК от 29 января 2013 г. № 73-V «О документах, удостоверяющих личность», приводится перечень соответствующих документов, основными из которых (применительно к анализируемому вопросу) являются паспорт и удостоверение личности гражданина Республики Казахстан, вид на жительство иностранца в Республике Казахстан, удостоверение лица без гражданства, удостоверение беженца, свидетельство о рождении [250]. В комплексе приведенных последних обстоятельств следует сделать вывод о том, что в отношении уголовно-исполнительного аспекта реализации пробационного контроля при условном осуждении имеются явные недоработки, поскольку нормы ст. 174 УИК РК имеют несколько обобщенный, чрезмерно лаконичный характер. То есть в рамках УИК РК следует применить тот же отсылочный прием, что используется в ст. 63 УК РК (отсылка к ч. 2 ст. 44 УК РК). В частности, имеется целесообразность в том, чтобы ч. 4 ст. 174 УИК РК дополнить новым параграфом следующего содержания: *«Лица, осужденные условно, обязаны выполнять обязанности, предусмотренные частью первой статьи 66 настоящего Кодекса».*

В частности, данное изменение приведет к тому, что будут конкретизированы обязанности относительно обязательного ношения при себе документа, удостоверяющего личность, не выезжать за пределы административно-территориальной единицы без уведомления службы пробации и др. Кроме того, это приведет к социально-правовому балансу, поскольку условное осуждение есть мера, применяемая к лицам, которым судом назначается самый строгий вид наказания – лишение свободы (что свидетельствует и о тяжести самого преступления, и о личности виновного лица). Соответственно, контрольные мероприятия в рамках пробационного контроля в отношении условно осужденных, как минимум, не могут быть менее строгими, нежели в отношении лиц, ограниченных в свободе приговором суда.

Тот факт, что в отношении лиц, освобожденных на основании УДО от наказания в виде лишения свободы, применяются те или иные оговорки в контексте осуществления пробационного контроля в целом не вызывает каких-либо нареканий. В данном случае следует учитывать, что соответствующие осужденные более или менее длительный срок находились в местах лишения свободы, по причине чего требуют более тщательного контроля и внимания. Кроме того, факт реального применения лишения свободы, как правило, свидетельствует о степени тяжести совершенного деяния, а равно о характеристике личности осужденного.

Согласно пунктам 3 и 5 ч. 8 ст. 169 УИК РК, на них возложены, в частности, обязанности не покидать места жительства в определенное ОВД время и не посещать определенные ими места в свободное от работы и учебы время [10]. В данном случае ОВД, в лице которых выступает МПС, могут возложить эти обязанности на лиц, освобожденных по УДО, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, в том числе и в случаях, когда они не были установлены судом. К специфической обязанности, установленной для лиц, освобожденных на основании УДО, относится и требование «не употреблять алкогольные напитки, а также наркотические средства и психотропные вещества, их аналоги в немедицинских целях» (п. 6-2 ч. 8 ст. 169 УИК РК) [10]. Что касается алкогольных напитков, законодатель отнес к ним все напитки, содержащие этанол (этиловый спирт), в том числе как крепкие (количество этила от 30%), среднеалкогольные (уровень спирта достигает 30%), так и слабоалкогольные (содержание этила не превышает 8%). Причем к последней категории относятся, в том числе, пиво, брага и сидр [251].

Наркотические средства и психотропные вещества так же, как и алкоголь, относятся к психоактивным веществам (ранее мы указывали на установившийся к настоящему времени терминологический универсум), причем, как отмечает ВОЗ, это химические вещества, представляющие собой яды, немедицинское употребление которых постепенно отравляет тело и мозг человека. При этом сотрудники МПС, осуществляющие пробационный контроль за лицами, освобожденными на основании УДО, оценивающие признаки соответствующего нарушения пробационного контроля, должны опираться на постановление Правительства РК от 3 июля 2019 г. № 470, которым определен Список наркотических средств, психотропных веществ и

прекурсоров, подлежащих контролю в Республике Казахстан [252; 253].

Нет никакого противоречия в том, чтобы в ходе пробационного контроля, применяемого к лицам, освобожденным на основании УДО, применять соответствующий запрет, то есть его нельзя расценивать в качестве какого-либо дискреционного начала (в сравнении с другими категориями осужденных). Следует учитывать, что применение УДО есть реализация наиболее значимого законного интереса осужденного к лишению свободы, поскольку позволяет ему пребывать в условиях физической свободы раньше назначенного судом срока. В целом, аналогичное суждение можно высказать и в отношении замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания, однако в соответствии со ст. 73 УК РК данная мера не применяется, в частности, к случаям осуждения за особо тяжкое преступление (в отличие от УДО). Соответствующий запрет, установленный в структуре пробационного контроля в отношении лиц, освобожденных на основании УДО, в полной мере сочетается с ранее высказанным предложением относительно фиксации в ч. 2 ст. 44 УК РК соответствующего запрета в отношении лиц, совершивших уголовные правонарушения в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Еще одной специфической обязанностью лиц, освобожденных на основании УДО, является принятие ими мер «по возмещению ущерба, причиненного здоровью, имуществу потерпевшего, или материального ущерба государству» (п. 7 ч. 8 ст. 169 УИК РК) [10]. Данная обязанность относится к лицам, которым были предъявлены иски о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, и удовлетворены решением суда; следовательно, предполагается, что соответствующий ущерб не был полностью возмещен в период пребывания в местах лишения свободы. Причем в соответствии с п. 2 Нормативного постановления Верховного Суда РК № 6 от 2 октября 2015 г. к ущербу, причиненному преступлением и подлежащему возмещению, относится как тот, который был непосредственно причинен преступлением, так и иные суммы, подлежащие взысканию с осужденного по приговору или решению суда. Размер ущерба, подлежащего возмещению осужденным, устанавливается приговором суда или вступившим в законную силу решением, принятым в порядке гражданского судопроизводства, вытекающего из уголовного дела [154]. Следовательно, в объем данного ущерба включаются суммы гражданского иска, удовлетворенного судом, а равно судебные издержки, принудительные платежи, которые должен уплатить осужденный в соответствии со статьями 98-1 и 98-2 УК РК (ст.ст. 170, 173 178 УПК РК) [142].

Таким образом, подводя итог теоретических вопросов, исследованных в заключительном подразделе второго раздела диссертации, в качестве основных выводов (результатов) следует отметить следующие:

Во-первых, именно обязанности, возлагаемые законом и судом на осужденных, в отношении которых устанавливается пробационный контроль, составляют объект пробационного воздействия и свидетельствуют о том, насколько значимым образом модифицируется правовой статус осужденного в

зависимости от их количества (объема). При этом часть обязанностей (преимущественно установленные законом) выступают в качестве элемента унификации правового статуса осужденного, в отношении которого устанавливается пробационный контроль; другие же (преимущественно определяемые судом) являются элементом его дифференциации и индивидуализации.

Во-вторых, существующий перечень обязанностей, установленный ч. 2 ст. 44 УК РК, требует доработки для адекватного учета произошедших законодательных изменений, а также сложившейся к настоящему времени криминологической практики:

- помимо установления общей обязанности пройти лечение зависимостей от психоактивных веществ (независимо от того, находилась ли эта зависимость в структуре механизма формирования и реализации криминальной мотивации), установить запрет на употребление психоактивных веществ в отношении лиц, которые совершили уголовное правонарушение по причине *пагубного потребления* данных веществ, не связанного с наличием зависимости;

- включить обязанность, корреспондирующую с запретом на употребление психоактивных веществ и заключающуюся в установлении требования периодического освидетельствования, с признанием отказа от такого освидетельствования в качестве уклонения от пробационного контроля;

- обязанность осужденного, связанная с прохождением лечения, должна быть также дополнена указанием на «социально значимые заболевания, перечень которых устанавливается Министерством здравоохранения Республики Казахстан» (ВИЧ, туберкулез, вирусные гепатиты);

- включить дополнительную обязанность пройти лечение и медико-социальную реабилитацию от лудомании (как дополнительное мероприятие в рамках Комплексного плана по противодействию незаконному игорному бизнесу и лудомании в Республике Казахстан на 2024-2026 годы);

- ч. 2 ст. 44 УК РК должна быть дополнена следующей формулировкой: «В случае установления в отношении осужденного особых требований к поведению в порядке статьи 98-3 настоящего Кодекса, соответствующие ограничения включаются в содержание обязанностей, определяемых судом при установлении пробационного контроля».

В-третьих, дополнительно требуется усилить механизм унификации пробационного контроля, применив в рамках УИК РК тот же отсылочный прием, что используется в ст. 63 УК РК (отсылка к ч. 2 ст. 44 УК РК) и дополнив ч. 4 ст. 174 УИК РК новым параграфом следующего содержания: *«Лица, осужденные условно, обязаны выполнять обязанности, предусмотренные частью первой статьи 66 настоящего Кодекса».*

3 МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОБАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ КАК ФОРМЫ ПРОБАЦИИ

3.1 Организационно-правовые аспекты осуществления пробационного контроля службой пробации

Таким образом, служба пробации осуществляет пробационный контроль как в рамках приговорной, так и в рамках постпенитенциарной пробации, причем, несмотря на унификацию самого содержания пробационного контроля, соответствующие контрольные мероприятия осуществляются в индивидуализированном варианте в отношении каждого осужденного. Фактически имеют место элементы дифференциации на уровне законодательства в сочетании с элементами индивидуализации на уровне конкретного приговора или постановления суда. В настоящее время в Казахстане функционируют 246 служб пробации, штатная численность которых составляет около 1400 человек.

Как показало исследование, основной объем деятельности службы пробации все-таки приходится на приговорную пробацию, поскольку в рамках постпенитенциарной пробации соответствующая деятельность осуществляется службой пробации только в отношении осужденных, к которым применена замена неотбытой части лишения свободы наказанием в виде ограничения свободы. При этом в структуре приговорной пробации за последние годы произошло расширение за счет того, что в настоящее время возможна замена на ограничение свободы неуплаченного штрафа, неисполненных исправительных работ и привлечения к общественным работам (в отношении преступлений небольшой и средней тяжести).

При этом функции службы пробации при осуществлении пробационного контроля могут дополнительно кумулироваться за счет того, что одновременно может иметь место необходимость контроля в отношении исполнения дополнительного наказания в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 4 ст. 72 УИК РК). На службу пробации возложена функция по исполнению данного дополнительного наказания и в отношении лиц, освобожденных из учреждений УИС, в том числе на основании УДО, в случаях, когда его назначение было дополнительным к лишению свободы, поскольку, согласно ч. 1 ст. 73 УИК РК, его срок исчисляется со дня отбытия лишения свободы [10]. Иными словами, в данном случае возможно совмещение функций МПС (уполномоченного органа по осуществлению пробационного контроля в отношении лиц, освобожденных на основании УДО) и службы пробации (реализующей контроль за исполнением соответствующего дополнительного наказания в отношении лиц, не находящихся в изоляции, за исключением случаев, указанных в ч. 1 и ч. 2 ст. 72 УИК РК).

По данным Комитета УИС МВД РК, в 2022 г. из числа 34785 лиц, состоящих на учете службы пробации, 57% составляли осужденные,

отбывающие ограничение свободы, и 16,8% – условно осужденные. Причем из числа 19847 осужденных, отбывающих ограничение свободы, 9,8% составляли женщины, 0,5% несовершеннолетние; при этом 6,4% осужденных данное наказание отбывали за совершение преступлений небольшой тяжести, 25,5% – за преступления средней тяжести, 69,5% – за тяжкие преступления, 0,8% – за особо тяжкие. В свою очередь, из числа 5853 осужденных условно женщины составляли 19,5%, несовершеннолетние - 0,7%, осужденные за совершение преступлений небольшой тяжести – 8,2%, за преступления средней тяжести – 15,2%, за тяжкие преступления – 72,3%. В данном случае следует пояснить, что высокие количественные показатели по числу лиц, состоящих на учете службы пробации за тяжкие преступления, следует связывать с тем обстоятельством, что в отношении них устанавливается пробационный контроль на весь срок назначенного судом наказания в виде лишения свободы, что приводит к соответствующему накопительному эффекту (как ранее было указано, значительная часть условно осужденных находится под пробационным контролем в течение всего срока наказания в виде лишения свободы, назначенного судом).

В 2023 г. из числа 34319 лиц, состоящих на учете службы пробации, осужденные, отбывающие ограничение свободы, составляли около 60%, условно осужденные – 15,2%. При этом из числа 20517 осужденных, отбывающих ограничение свободы, 9,7% составляли женщины, 0,4% несовершеннолетние; 5,9% данное наказание отбывали за совершение преступлений небольшой тяжести, 20,7% - за преступления средней тяжести, 70,6% – за тяжкие преступления, 0,6% – за особо тяжкие. Из числа 5243 осужденных условно женщины составляли 10,3%, несовершеннолетние - около 0,6%, осужденные за совершение преступлений небольшой тяжести – 9,3%, за преступления средней тяжести – 16,5%, за тяжкие преступления – 68,4%.

Одним из основных элементов, упорядочивающих уголовно-исполнительную деятельность, в том числе пробационный контроль, являются сроки (наряду с периодичностью тех или иных мероприятий). Так, срок отбывания наказания в виде ограничения свободы и, следовательно, срок осуществления пробационного контроля, согласно ст. 64 УИК РК, исчисляется со дня принятия вступившего в законную силу приговора или постановления суда к исполнению службой пробации. При этом в отношении осужденных, которым наказание в виде ограничения свободы назначено в качестве замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы (в порядке ст. 73 УК РК), администрация учреждения УИС обязана вручить предписание о выезде к месту отбывания вновь назначенного наказания с указанием маршрута и времени прибытия в службу пробации для постановки на учет. Кроме того, также возлагается обязанность посредством ИПГО информировать службу пробации о направлении осужденного, а также направить электронный вариант постановления суда и предписание о выезде к месту отбывания наказания, а посредством ЦАБД направить личное дело осужденного и другие характеризующие его материалы [10; 1142].

Документы, удостоверяющие личность лица, освобождаемого в связи с

заменой неотбытой части лишения свободы ограничением свободы, ему не выдаются, а направляются в ОВД по избранному месту жительства и выдаются после постановки его на учет в службе пробации (ч. 4 ст. 165 УИК РК). При неприбытии осужденного к месту отбывания ограничения свободы в установленный срок служба пробации проводит первоначальные розыскные мероприятия и, если место пребывания осужденного не установлено, вносит в суд представление об объявлении его в розыск (ч. 4 ст. 65 УИК РК) [10].

В отношении условно осужденных срок осуществления пробационного контроля исчисляется со дня постановки его на учет службы пробации (ст. 175 УИК РК). Функции, возложенные на службы пробации при осуществлении пробационного контроля в отношении перечисленных выше осужденных как одного из направлений уголовно-исполнительной деятельности, определены в статьях 22, 66, 174 УИК РК [10]. Вместе с тем с принятием Закона РК «О пробации» перечень этих функций был увеличен (п. 2 ст. 9), что было связано с тем, что значительному расширению подверглась в целом сфера применения пробации, и в настоящее время она предполагает осуществление таких видов деятельности, которые выходят за рамки уголовно-исполнительной сферы, в частности, разъяснение порядка получения социально-правовой помощи, оказание содействия в ее получении [10, 11].

В качестве одной из функций службы пробации при осуществлении пробационного контроля в п. 1 ч. 1 ст. 22 УИК РК, подп. 1 п. 2 ст. 9 Закона РК «О пробации» закреплено ведение учета лиц, в отношении которых он осуществляется [10; 11]. При этом, как отмечают Н.М. Абдиров, А.В. Брылевский и И.В. Слепцов, значение учета лиц, в отношении которых осуществляется пробационная деятельность, состоит в том, «что система его показателей служит одним из средств решения задач, стоящих перед службой пробации, поскольку обеспечивает анализ и оценку конечных результатов работы по исполнению уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, а также осуществление пробации, является одним из источников информации, необходимой для выявления и устранения недостатков в реализации карательно-воспитательного и пробационного процесса, позволяет прогнозировать мероприятия по совершенствованию данной деятельности» [149, с. 99].

Основаниями постановки на учет службой пробации лиц, в отношении которых установлен пробационный контроль, являются приговор (постановление) суда о применении к осужденному наказания в виде ограничения свободы или осуждения к наказанию в виде лишения свободы с применением института условного осуждения. Сам процесс организации и ведения учета регулируется Правилами ведения и использования специальных учетов, Правилами организации деятельности службы пробации и Правилами взаимодействия служб пробации и подразделений полиции по контролю за поведением лиц, состоящих на учетах служб пробации [142; 146; 258].

При принятии приговора (постановления) суда к исполнению и постановке на учет лиц, в отношении которых установлен пробационный контроль, служба пробации осуществляет проверку их по АИПСОВД и

КПСиСУ; заносит их данные в информационную базу данных; заполняет на них алфавитные учетные и контрольно-сроковые карточки, а также задание на запрет выезда осужденного за пределы Казахстана для внесения в ЕИС «Беркут-клиент госорганов»; заводит на осужденных к ограничению свободы регистрационный лист и личное дело, а на осужденных условно – регистрационный лист и контрольное дело.

Также в суд, вынесший приговор (постановление), а в отношении лица, которому неотбытая часть лишения свободы была заменена ограничением свободы – в учреждение УИС, из которого оно было освобождено, направляется извещение о принятии судебного решения к исполнению. Кроме того, в территориальное подразделение КПСиСУ направляется электронное извещение об осужденном и (на бумажных носителях) копии приговора и документа, удостоверяющего личность осужденного, а также экземпляр алфавитной учетной карточки. В случае, если осужденный в возрасте от 18 до 27 лет не проходил срочную воинскую службу и подлежит призыву, в местный орган военного управления направляется сообщение о постановке его на учет.

В дальнейшем в процессе осуществления пробационного контроля в рамках осуществления учета лиц, в отношении которых он осуществляется, служба пробации проводит сверки: ежеквартально – с судами по поступившим на исполнение приговорам (постановлениям), а также с территориальным подразделением КПСиСУ – по выставленным извещениям об осужденных; ежемесячно – с оперативно-розыскными подразделениями полиции по спискам лиц, находящихся в розыске [142; 146; 258].

В целях уточнения информации, содержащейся в полученных службой пробации материалах на лиц, в отношении которых она осуществляет пробационный контроль, а также эффективного контроля за исполнением возложенных на них судом и законом обязанностей, при постановке данных лиц на учет сотрудник службы пробации проводит беседу, в процессе которой уточняются анкетные данные, устанавливается место жительства; разъясняются права и обязанности, порядок исполнения возложенных судом обязанностей и последствия их неисполнения, порядок и условия осуществления и прекращения пробационного контроля, а также последствия их несоблюдения; уточняются сведения о близких родственниках и лицах, которые оказывают влияние на осужденного, для более эффективного осуществления контроля за поведением осужденного. Учитывая то обстоятельство, что деятельность службы пробации при осуществлении пробационного контроля содержит значительное количество фактографически-фиксирующих функций, в подтверждение факта информирования осужденных о всех перечисленных обстоятельствах, от осужденных отбирается подписка [154].

Возложение на службу пробации обязанности по доведению до лиц, в отношении которых применен пробационный контроль, информации, касающейся процесса его осуществления, а также об их правах и обязанностях, является корреспондирующей по отношению, во-первых, к предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 10 УИК РК праву любого осужденного на получение от органа, исполняющего наказание, информации «о порядке, условиях отбывания

наказания и их изменениях»; во-вторых, к праву лица, в отношении которого применяется пробация, предусмотренному подп. 1 п. 2 ст. 4 Закона РК «О пробации» на «получение сведений на родном или другом языке, которым они владеют, о своих правах и обязанностях, примененном судом наказании, порядке и условиях исполнения иных мер уголовно-правового воздействия, их изменениях, а также порядке представления предложений, заявлений и жалоб» [9; 10]. Данная информация должна содержать в себе извлечения из Конституции РК, УК РК, УПК РК, УИК РК, Закона РК «О пробации» и других нормативных правовых актов, затрагивающих правовое положение лиц, в отношении которых осуществляется пробационный контроль. При этом в ходе разъяснения лицу, в отношении которого установлен пробационный контроль, порядка исполнения возложенных судом обязанностей и последствий их неисполнения, условий осуществления и прекращения пробационного контроля, а также последствий их несоблюдения, следует опираться на положения:

- в отношении осужденных, отбывающих ограничение свободы - статей 44, 72 УК РК, статей 9-11, 19-22, 63-69, 162 УИК РК, статей 476-478, 480-483 УПК РК, статей 15, 19 Закона РК «О пробации». Причем при постановке на учет осужденного, которому ограничение свободы было назначено с привлечением к принудительному труду, ему дополнительно необходимо разъяснить порядок исполнения данной меры, а также порядок привлечения осужденного к ответственности за неисполнение принудительных работ. В данном случае следует опираться на положения статей 57-62 УИК РК. В случае постановки на учет осужденного к ограничению свободы, в отношении которого применено дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, ему дополнительно разъясняются порядок и условия его отбывания, предусмотренные статьями 72-74 УИК РК; аналогично, если судом установлены особые требования к поведению осужденного в порядке ст. 98-3 УК РК, осужденному дополнительно разъясняется содержание соответствующих ограничений и последствия их несоблюдения;

- в отношении осужденных условно – статей 44, 63, 64 УК РК, статей 9-11, 19-22, 174-176 УИК РК, ст. 15 Закона РК «О пробации», а также ст. 98-3 (если судом будут установлены соответствующие требования к поведению осужденного). В случае постановки на учет условно осужденного, которому были назначены дополнительные «виды ограничений и наказаний», разъясняются порядок и условия их соблюдения или отбывания. Также для контроля за выполнением осужденными возложенных судом обязанности не покидать место жительства в свободное от учебы и работы время совместно с осужденным составляется график пребывания его по месту жительства [9; 10; 11; 112; 144].

Согласно ч. 1 ст. 21, ч. 2 ст. 69, ч. 1 ст. 174 УИК РК и положений Закона РК «О пробации», одновременно с осуществлением пробационного контроля, по желанию лица, в отношении которого он установлен, ему может быть оказана социально-правовая помощь. При этом служба пробации является

органом, реализующим полномочия, в том числе и по организации и функционированию пробации, и одной из ее функций является оказание содействия в получении социально-правовой помощи всем категориям лиц, в отношении которых применена пробация [11; 12]. В связи с этим при постановке на учет лица, в отношении которого применен пробационный контроль, при проведении беседы сотрудник службы пробации обязан разъяснить порядок предоставления и получения социально-правовой помощи; установить состояние его здоровья, уровень образования и сведения об осуществлении трудовой деятельности, а также иные сведения, необходимые для определения объема предоставления ему социально-правовой помощи (пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 22, пп. 1, 2 ч. 2 ст. 69, пп. 1, 2 ч. 1 ст. 174 УИК РК, подп. 2, 4 п. 2 ст. 9 Закона РК «О пробации»).

Поскольку оказание социально-правовой помощи в процессе реализации пробационного контроля осуществляется на добровольной основе, то лицо, в отношении которого он применен, может от нее отказаться. На протяжении некоторого периода действовала редакция ч. 1 ст. 21 УИК РК, а также дублирующие положения в Правилах оказания социально-правовой помощи лицам, состоящим на учете службы пробации, согласно которым отказ от оказания социально-правовой помощи должен был оформляться отдельным актом (Законом РК от 30 декабря 2021 г. № 95-VII [259] соответствующее требование было исключено). Этим же Законом из перечня функций службы пробации была исключена функция по составлению индивидуальной программы оказания социально-правовой помощи (пп. 3 п. ст. 9 Закона РК «О пробации»), поскольку в качестве надлежащего субъекта соответствующей деятельности с течением времени были определены местные исполнительные органы [9; 10; 144].

В данном случае следует иметь в виду, что соответствующие изменения не предполагают, что служба пробации полностью в настоящее время абстрагирована от вопросов, связанных с социально-правовой помощью, поскольку это противоречило бы указанной в п. 1 ст. 9 Закона РК «О пробации» формулировке, что служба пробации осуществляет «организацию и функционирование пробации». А пробация, собственно, и представляет собой сочетание ее двух основных форм – пробационного контроля и оказания социально-правовой помощи. Кроме того, социально-правовая помощь за счет улучшения жизненной ситуации осужденного потенциально способна снизить уровень его криминальной активности и предупредить повторные уголовные правонарушения, в чем служба пробации, конечно же, заинтересована.

В контексте механизма пробационного контроля в отношении осужденных, приговоренных к ограничению свободы, следует отметить, что с момента принятия УК РК 2014 г. в ст. 44 было включено изменение, согласно которому осужденные привлекаются к принудительному труду, за исключением нетрудоспособных категорий, несовершеннолетних лиц и тех, кому наказание заменено на ограничение свободы сроком менее 6 месяцев (в ст. 45 УК РК 1997 года, вплоть до последних изменений, принудительные работы не предусматривались). В целом, такое решение законодателя трудно

переоценить, поскольку это позволило решить значимую задачу в упорядочивании системы основных наказаний. Так, следует учитывать, что нынешняя система уголовных наказаний складывалась изначально еще с принятием УК РК 1997 года, когда наказание в виде ограничения свободы (ст. 45 УК РК) вплоть до изменений, внесенных Законом РК от 21 декабря 2002 г. № 363-ІІ [260], предполагало отбывание в специальном учреждении без изоляции от общества в условиях надзора. В свете изменений, внесенных в 2002 г. и вплоть до принятия УК РК 2014 г., между ограничением свободы и лишением свободы (которые в «лестнице наказаний» расположены рядом) имелся существенный разрыв в степени репрессивности карательного воздействия, и именно включение принудительного труда позволило данный разрыв существенно сократить (хотя, как уже отмечено, целый ряд категорий осужденных не может быть привлечен к принудительному труду).

Соответственно, при проведении первоначальной беседы с осужденным к ограничению свободы с привлечением к принудительному труду, он подлежит направлению службой пробации в местный исполнительный орган по месту жительства для привлечения к работам, поскольку, согласно ч. 1 ст. 44 УК РК, принудительный труд организуется местными исполнительными органами. Также в адрес соответствующего органа направляется копия приговора (постановления) суда [10; 154]. При направлении осужденного в местный исполнительный орган ему вручается справка-направление. Причем, согласно ч. 2 ст. 63 УИК РК, выполнение осужденными работ в рамках привлечения к принудительному труду организуется аналогично, как и при наказании в виде привлечения к общественным работам. В связи с этим в отношении данной категории осужденных служба пробации обязана направить сообщение в адрес администрации предприятия (организации), которое является их основным местом работы, об освобождении от работы на время принудительного труда [11; 154].

Срок отбывания принудительного труда исчисляется в часах, в течение которых осужденный выполняет не требующие определенной квалификации бесплатные общественно полезные работы. Началом срока отбывания принудительного труда является день получения местным исполнительным органом справки-направления. При этом, хотя данные работы и организуются местными исполнительными органами, именно на службу пробации возложена обязанность контроля за их выполнением (ч. 1 ст. 44 УК РК, ч. 1 ст. 58 УИК РК) [10; 11].

Вышеперечисленные конкретно определенные законодателем функции, возложенные на службу пробации и фактически образующие соответствующий организационно-правовой механизм в процессе осуществления пробационного контроля, не является исчерпывающими. Согласно п. 6 ст. 22 УИК РК и подп. 12 п. 2 ст. 9 Закона РК «О пробации», она осуществляет и иные функции (полномочия), «предусмотренные законодательством Республики Казахстан» [11; 12]. Так, например, в соответствии со статьями 69, 72, 174 УИК РК, положениями Правил деятельности службы пробации и Правил взаимодействия с подразделениями ОВД по контролю за поведением лиц, состоящих на учетах

служб пробации, к ее функциям, в частности, отнесены:

- проведение не реже 1 раза в месяц, а в селах, поселках, сельских округах - не реже 1-го раза в квартал профилактической работы с лицами, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, по месту жительства, в том числе профилактических бесед о недопустимости нарушения условий его осуществления, а также недопущении правонарушений;

- проведение ежемесячной проверки осужденных по существующим учетам ОВД, а также по учетам территориальных управлений КПСиСУ на предмет выявления совершенных ими административных и уголовных правонарушений или привлечения их к уголовной ответственности;

- осуществление на постоянной основе обмена с правоохранительными и иными органами и учреждениями информацией, касающейся поведения лиц, в отношении которых установлен пробационный контроль, и соблюдения ими возложенных судом обязанностей, а также проведение совместных профилактических мероприятий;

- проведение первоначальных розыскных мероприятий в отношении лиц, уклоняющихся от пробационного контроля;

- внесение предложений в региональные программные документы местных исполнительных органов в сфере профилактики правонарушений [11; 12; 154; 156].

В отношении осужденных, отбывающих ограничение свободы, и условно осужденных служба пробации для обеспечения надлежащего контроля и получения информации о месте их нахождения имеет право использовать электронные средства слежения (ч. 1 ст. 69, ч. 5 ст. 174 УИК РК) [11]. Несмотря на то, что использование электронных браслетов относится к устоявшейся мировой практике, до настоящего времени отсутствует единодушное признание их в качестве допустимого средства контроля. В частности, по мнению Р.В. Комбарова, использование электронных средств слежения ограничивает право осужденного на неприкосновенность жилища и частной жизни, а также на личную и семейную тайну. Кроме того, автор отмечает, что использование устройств, предназначенных для постоянного ношения, в ряде случаев может создать препятствия для полноценного осуществления осужденным некоторых видов активного образа жизни, например занятия спортом [261, с. 167-168].

Вместе с тем возможность использования электронного мониторинга в качестве средства контроля за поведением лиц, в отношении которых были применены уголовные санкции и меры, не связанные с лишением свободы, в том числе и в процессе осуществления пробационной деятельности, предусмотрена рядом международных документов, в частности, Рекомендацией No. Rec (2000) 22 Комитета министров государствам-членам «О совершенствовании Европейских правил применения общественных санкций и мер воздействия» (2000 г.) и Правилами Совета Европы по пробации (2010 г.). Кроме того, в целях повышения эффективности применения электронного мониторинга в 2014 г. Комитетом Министров Совета Европы была принята Рекомендация No. Rec (2014) 4 государствам-членам «Об электронном надзоре», в которых определены основные условия и порядок его

осуществления [53, с. 49-56, 127-63].

К настоящему времени электронный мониторинг достаточно широко используется уголовно-исполнительными службами многих зарубежных стран при осуществлении контроля за поведением лиц, в отношении которых осуществляется как приговорная, так и постпенитенциарная пробация. Т.Ф. Минязева в этом смысле совершенно справедливо отмечает, что осужденные к наказаниям, не связанным с лишением свободы, должны чувствовать ограничения в правах, испытывать моральное страдание от самого факта их осуждения, для чего органам, исполняющим такие меры, необходимо вести постоянный контроль за ними, что и требует внедрения средств наблюдения, соответствующих современному уровню развития научно-технического прогресса [262, с. 212].

Ранее уже отмечалось, что в РК до настоящего времени сохраняет остроту проблема дефицита технических средств контроля (электронных браслетов). При этом необходимая нормативная база для этого разработана. Так, перечень электронных средств слежения, которые могут использовать как служба пробации, так и МПС для обеспечения надлежащего контроля и получения информации о месте нахождения осужденных, в отношении которых осуществляется пробационный контроль, определен постановлением Правительства РК от 7 ноября 2014 г. № 1180 [263]. В свою очередь, Правилами организации деятельности службы пробации определен сам порядок их применения [144]. Как было отмечено Генпрокуратурой РК, необходимо около 80 тысяч только самих электронных браслетов, для приобретения которых, а также иного соответствующего оборудования, потребуется более 70 миллиардов тенге. В связи с чем был поднят вопрос о том, чтобы производство такого оборудования и необходимого программного обеспечения осуществлял «Казкосмос» [264].

В контексте вопроса о технических средствах контроля за осужденными следует отметить, что так называемые «электронные браслеты» появились в соответствующей практике задолго до того, как появились элементы цифровизации, в которые в настоящее время тотально включены все граждане за исключением лиц, находящихся в условиях изоляции (первый опыт использования электронных браслетов имел место в 1979 г. в Нью-Мехико, а само предложение об их использовании датируется 1968 годом). Однако к настоящему времени имеется возможность использования иных, альтернативных, способов контроля, которые стали доступны именно по причине быстрого внедрения элементов цифровизации.

К настоящему времени в Казахстане действуют государственные программы по внедрению и расширению элементов цифровизации, которые не могут не коснуться и деятельности ОВД. В частности, программа «Цифровой Казахстан» была разработана в конце 2017 года в РК [265], однако она была признана утратившей силу в мае 2022 года (новый аналогичный документ до настоящего времени не разработан), причем, несмотря на преобладание вопросов экономического характера, в ней уделялось внимание и вопросам цифровизации в деятельности государственных органов. Как указывается в

Концепции правовой политики РК до 2030 г., современные технологии дали возможности систематизации больших объемов информации, «в том числе связанной с личной жизнью граждан, до беспрецедентных размеров...» [6]. Созвучны и положения Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474, который утвердил в качестве одной из национальных целей развития цифровую трансформацию, в том числе в социальной сфере и сфере государственного управления [266]. К настоящему времени разработана также Концепция развития искусственного интеллекта на 2024-2029 годы [267].

Цифровизация может существенным образом оптимизировать целый ряд направлений правоохранительной деятельности [268, с. 149-150], в том числе и в контексте пробационного контроля, который, как уже отмечалось, преимущественно осуществляется в режиме дистанцирования. В структуру деятельности ОВД РК к настоящему времени входит значительное количество информационно-накопительных сервисов, разработано необходимое нормативно-правовое оформление вопросов электронного документооборота [269]. Вопросы информационного обеспечения ОВД регламентируются на внутриведомственном уровне, что вполне объяснимо с точки зрения особых потребностей ОВД [270]. Безусловно, внедрение цифровых технологий также сопровождается теми или иными организационными и техническими издержками [271, с. 591], тем не менее даже на уровне доступных практически всем гражданам устройств (в частности, мобильных телефонов) возможна существенная оптимизация, в том числе и пробационного контроля.

В данном случае можно вести речь о целесообразности разработки и использования адресного мобильного приложения для осужденных, в отношении которых установлен пробационный контроль (предложение о внедрении соответствующей практики поддержали 87 % опрошенных сотрудников службы пробации и 85 % сотрудников МПС, что стало самым массовым ответом в рамках всего осуществленного опроса; высокий процент поддержки отмечен и в результатах опроса осужденных – 79 %). В целом, соответствующая практика уже анонсировалась полицейским ведомством [272], причем указывалось на ее «пилотное» апробирование в рамках одного региона (г. Астана), что преимущественно было связано с противоэпидемиологическими ограничениями в период COVID-19. При этом формулировалось вполне рациональное предложение относительно того, чтобы стандартные средства технического надзора (электронные браслеты) применять исключительно к нарушителям (что, безусловно, сократит и количественную потребность в данных устройствах).

Однако речь преимущественно шла об использовании стандартных функций мобильных телефонов (в частности, видеозвонков). Вместе с тем в цифровом пространстве РК к настоящему времени функционирует значительное количество мобильных приложений, который активно используются гражданами (egov, банковские приложения и т.д.). Во многих из них есть функция видео-идентификации личности через камеру мобильного устройства, кроме того, практически все мобильные устройства к настоящему времени оснащены функцией определения геолокации. Конечно же, адресное

мобильное приложение для лиц, в отношении которых установлен пробационный контроль, может включать значительное количество функций (в частности, оповещение о сроке явки в службу пробации или МПС; инструкцию по обращению за социально-правовой помощью и т.д.).

Однако основные потребности для сотрудников службы пробации и МПС, осуществляющих пробационный контроль, заключаются именно в возможности контроля за пространственным перемещением осужденных (поскольку интенсивная проверка по месту жительства физически трудноисполнима). Соответственно, именно функция распознавания лица и установления геолокации в данном приложении стала бы ключевой: во-первых, она позволила бы сделать контроль более интенсивным; во-вторых, приложение может работать в автоматическом режиме фиксации, что позволит сотрудникам службы пробации и МПС только фиксировать результаты контроля; в-третьих, периодичность соответствующих проверок может быть установлена путем «случайной выборки», в условиях которой осужденный будет лишен возможности заранее предвидеть, когда именно будет осуществляться контроль. Исследователи совершенно справедливо указывают на то, что данные о геолокации фактически относятся к информации, распространение которых может повысить уязвимость граждан [273, с. 34].

Вместе с тем, во-первых, контроль за пространственным перемещением осужденных является необходимой составляющей их правового статуса в период пробационного контроля; во-вторых, предлагаемое к внедрению приложение носит адресный, ограниченный функционал, исключающий использование соответствующих данных в иных, кроме пробационного контроля, целях. В качестве заключительного аргумента можно привести данные, полученные в ходе опроса сотрудников службы пробации и МПС, а также осужденных, в отношении которых установлен пробационный контроль. Так, большинство осужденных указали, что контроль по месту жительства осуществляется 1 раз в квартал (81 %), при этом в перечне обязанностей, которые вызывают сложности в исполнении, только 4 % осужденных отметили требование находиться по месту жительства в определенное время. Вместе с тем 77 % сотрудников МПС и 91 % сотрудников службы пробации указали соответствующие нарушения в качестве наиболее часто совершаемых.

Возвращаясь к вопросам оценки организационно-правового механизма деятельности службы пробации в рамках пробационного контроля, отметим, что согласно ч 3 ст. 69 УИК РК, если в период осуществления пробационного контроля в отношении осужденного к ограничению свободы будет установлена инвалидность 1 или 2 группы, служба пробации должна направить в суд представление об освобождении его от принудительного труда, а в случае наступления беременности у осужденной – представление об отсрочке отбывания наказания. Указанная норма содержит некоторые противоречия с иными положениями УИК, адресованные аналогичным случаям. Так, в соответствии с ч. 7 ст. 162 УИК РК, в случае установления у лица, осужденного к наказанию в виде привлечения к общественным работам, исправительных работ или ограничения свободы, инвалидности 1 или 2 группы орган,

исполняющий наказание, должен вносить представление в суд «о его досрочном освобождении от отбывания наказания». В части представления отсрочки отбывания наказания в случае наступления беременности у осужденной ч. 3 ст. 69 УИК РК дублирует положения ч. 8 ст. 162 УИК РК, согласно которой в случае установления беременности у женщины, осужденной к наказанию в виде привлечения к общественным работам, исправительных работ или ограничения свободы, орган, исполняющий наказание, «вносит представление в суд об отсрочке ей отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам» [9]. Соответственно, учитывая то обстоятельство, что ст. 162 УИК РК является общей нормой по отношению ко всем случаям освобождения от наказания, ч. 3 ст. 69 подлежит исключению как в одном случае противоречащая, а другом – дублирующая положения ст. 162 УИК РК.

Организационный механизм пробационного контроля в рамках приговорной и постпенитенциарной пробации, осуществляемый службой пробации, не может быть эффективным без сбалансированного карательно-поощрительного механизма, который до настоящего времени не в полной мере отработан. Так, к примеру, в случае несоблюдения осужденным, отбывающим ограничение свободы, условий пробационного контроля, в отношении него выносятся письменное предупреждение о замене ограничения свободы лишением свободы (ч. 1 ст. 68 УИК РК, подп. 1 п. 4 ст. 15 Закона РК «О пробации») [9; 10]. В свою очередь в отношении условно осужденного в аналогичных случаях служба пробации вносит представление в суд либо о продлении срока пробационного контроля, либо об его отмене, а также в письменной форме выносит осужденному предупреждение о возможности отмены условного осуждения (ч. 1 ст. 176 УИК РК, подп. 2 п. 4 ст. 15 Закона РК «О пробации») [9; 10].

При этом предусмотренная законом возможность продления срока пробационного контроля при условном осуждении, как справедливо отмечает Ю.М. Ткачевский, «способствует более ответственному отношению осужденного к тем требованиям, тем ограничениям, которые с ним сопряжены» [274, с. 215]. Кроме того, в данном случае следует также заметить, что условное осуждение применяется к лицам, которым, исходя из тяжести совершенного преступления, назначается наказание в виде лишения свободы, а решение о применении института условного осуждения принимается преимущественно исходя из оценки личности лица, его совершившего. Соответственно, именно в условном осуждении должны быть механизмы более строгого учета нарушений со стороны осужденного, нежели при назначении наказания в виде ограничения свободы. Вместе с тем сам механизм возможного продления пробационного контроля представляется заслуживающим внимания (однако исключительно с ограничительными конструкциями по количествам таких продлений).

При этом содержание законодательной оценки нарушений пробационного контроля со стороны ограниченных в свободе и условно осужденных также имеет определенные различия. В частности, как свидетельствует анализ ст. 67 УИК РК и Правил организации деятельности

службы пробации, нарушениями порядка и условий осуществления пробационного контроля осужденным, отбывающим ограничение свободы, является, во-первых, документально подтвержденный факт неисполнения им обязанностей, возложенных на него судом, а также предусмотренных ч. 1 ст. 66 УИК РК, равно как и умышленное повреждение (порча) электронных средств слежения. Во-вторых, совершение административного правонарушения, посягающего на права личности или права несовершеннолетних и семейно-бытовые отношения, либо общественный порядок и нравственность, за совершение которых на осужденного было наложено административное взыскание [10; 144].

Причем со стороны осужденных к ограничению свободы, которым данное наказания было назначено с привлечением к принудительному труду, нарушением условий пробационного контроля фактически является, в том числе, и невыполнение ими работ, организуемых местными исполнительными органами в общественных местах, без уважительных причин (неявка более 2 раз в течение месяца) (ст.ст. 59, 60 УИК РК). При этом, согласно положениям п. 4

ч. 1 ст. 62 УИК РК и п. 5 Правил организации выполнения общественных работ от 2 июня 2017 г., местный исполнительный орган обязан в процессе выполнения осужденным, отбывающим ограничение свободы, бесплатных общественно полезных работ в рамках принудительного труда в течение 2-х рабочих дней с момента выявления факта неявки его для их исполнения письменно уведомить об этом службу пробации [10; 275].

В отношении условно осужденного, как свидетельствуют нормы ч. 2 ст. 64 УК РК и ст. 176 УИК РК, а также положения Правил организации деятельности службы пробации, основанием для внесения службой пробации в суд представления о продлении ему срока пробационного контроля и вынесения письменного предупреждения о возможности отмены условного осуждения является, во-первых, также документально подтвержденный факт умышленного повреждения (порчи) электронных средств слежения и совершение административного правонарушения, посягающего на права личности, права несовершеннолетних или семейно-бытовые отношения, либо общественный порядок и нравственность, за совершение которых на осужденного было наложено административное взыскание. Во-вторых, документально подтвержденный факт неявки в службу пробации для регистрации без уважительной причины и смены места жительства без ее уведомления или уклонение от прохождения геномной регистрации. В-третьих, совершение условно осужденным уголовного проступка. Причем, согласно ст. 176 УИК, служба пробации вносит в суд представление о продлении срока пробационного контроля, но не более чем на один год, а в отношении несовершеннолетнего - не более 6-ти месяцев [9; 11; 12].

В дополнение к указанным обстоятельствам необходимо учитывать ряд условий, которые предусмотрены в ч. 2 ст. 64 УК РК и ч. 1 ст. 67 УИК РК. Так, они могут быть применены в отношении осужденного, во-первых, только в случае совершения им административного правонарушения, посягающего

именно на права личности и семейно-бытовые отношения (ст.ст. 73-100 КоАП РК), права несовершеннолетних (статьи 127-135 КоАП РК) либо общественный порядок и нравственность (ст.ст. 434-450 КоАП РК) [9; 10; 276]. Кроме того, основанием применения соответствующих мер является не сам факт совершения осужденным административного правонарушения, а наличие наложенного на него административного взыскания, поскольку КРКоАП предусматривает ряд обстоятельств, предполагающих возможность освобождения лица от административной ответственности и административного взыскания (ст.ст. 62, 64, 64-1, 68, 69, 71) [276]. Совокупно с указанными мерами, в случае выявления нарушений со стороны осужденного к ограничению свободы и условно осужденного условий пробационного контроля служба пробации обязана в суточный срок вносит сведения о них в ЦАБД [144].

Динамизм организационно-правового механизма выражается также в поступательном возрастании его репрессивности в случаях, когда правонарушающее поведение лица, в отношении которого установлен пробационный контроль, приобретает характер стойкости и «злости». Так, в отношении осужденных, отбывающих ограничение свободы, злостно нарушивших условия пробационного контроля, служба пробации, в соответствии с ч. 2 ст. 68 УИК РК, подп. 1 п. 4 ст. 15 Закона РК «О пробации», направляет в суд представление для решения вопроса о замене ему неотбытой части наказания на лишение свободы. Причем, как следует из смысла ч. 2 ст. 68 УИК РК и положений Нормативного постановления Верховного Суда РК от 2 октября 2015 г. № 6, данная замена возможна и в отношении лиц, которым ранее неотбытая часть лишения свободы была заменена ограничением свободы [9; 10; 11]. В свою очередь в отношении условно осужденных, злостно нарушивших условия пробационного контроля, служба пробации, в соответствии с ч. 3 ст. 64 УК РК, ч. 2 ст. 176 УИК РК, подп. 2 п. 4 ст. 15 Закона РК «О пробации», направляет в суд представление для решения вопроса об отмене условного осуждения и исполнении назначенного приговором суда наказания в виде лишения свободы [10; 11; 12].

Согласно ч. 2. ст. 67 УИК РК, злостными нарушениями условий пробационного контроля со стороны осужденных, отбывающих ограничение свободы, являются: повторное в течение года нарушение условий пробационного контроля (из тех, которые были перечислены выше); выезд за пределы Республики Казахстан; отказ от выполнения законных требований, а равно оскорбление либо угроза применения насилия в отношении сотрудника службы пробации; совершение осужденным уголовного правонарушения, в том числе повторного, в случаях, если досудебное производство было прекращено на основании ч. 1 ст. 65 УК РК (в связи с деятельным раскаянием), ч. 3 ст. 68 УК РК (в связи с чистосердечным раскаянием и заглаживанием причиненного вреда охраняемым законом интересам общества и государства), частей 2 и 4 ст. 78 УК РК (на основании акта амнистии или помилования); скрытие от пробационного контроля; уклонение без уважительных причин от принудительного труда

[9; 10].

Что касается понятия «оскорбление сотрудника службы пробации», то УИК РК не раскрывает содержания данного определения. Согласно же ч. 1 ст. 113 УК РК (Оскорбление) и положений юридических энциклопедий и словарей, под оскорблением в качестве правонарушения необходимо понимать умышленное унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, которое подрывает моральный престиж личности в глазах окружающих, наносит ущерб достоинству потерпевшего. Причем оскорбление может быть нанесено словесно или действием (пощечина, непристойный жест и т.п.) публично, в присутствии потерпевшего либо в отсутствие его, а также письменно [10; 277, с. 219, 220; 278, с. 556]. Важно, что публичные выступления, содержащие критические высказывания о служебной деятельности сотрудника службы пробации, не являются оскорблением (примечание к ст. 378 УК РК). В отличие от клеветы, при оскорблении не сообщается каких-либо позорящих лица сведений, а дается отрицательная оценка его личности, качествам, поведению, однако в грубой форме, которая резко противоречит принятой в общении между людьми. Для оценки высказывания в качестве оскорбительного не имеет значения, соответствует ли его содержание действительности [11; 290, с. 220].

В УИК РК также не конкретизировано, что необходимо понимать под «угрозой применения насилия». При этом, согласно ст. 115 УК РК (Угроза) и ст. 380 УК РК (Применение насилия в отношении представителя власти), а также юридических энциклопедий и словарей, под этим понятием необходимо понимать выраженное словесно, письменно либо другим способом намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу. Причем данная угроза не должна носить предположительный характер, а, напротив, обладать признаками конкретности и реальности приведения в исполнение [10; 277, с. 383; 278, с. 872]. Здесь будет также уместным отметить, что наличие в оскорблении или угрозах применения насилия в отношении сотрудника службы пробации признаков уголовного правонарушения означает, что одновременно с действием организационно-правового механизма пробационного контроля будет также реализовываться и механизм привлечения к уголовной ответственности.

В отношении лиц, которым ограничение свободы было применено с привлечением к принудительному труду, злостным нарушением условий пробационного контроля также является их уклонение от выполнения работ, организуемых местными исполнительными органами в общественных местах без уважительных причин (п. 6 ч. 2 ст. 67 УИК РК). В соответствии с ч. 3 ст. 60 УИК РК, уклоняющимся от выполнения таких работ признается осужденный: отказавшийся приступить к их выполнению или не явившийся более 2-х раз в течение месяца для выполнения данных работ без уважительных причин, либо дважды в период отбывания принудительного труда появившийся для их выполнения, в состоянии алкогольного, наркотического или токсикоманического опьянения; скрывшийся в целях уклонения от отбывания наказания и (или) выехавший за пределы РК. При этом к уважительным

причинам относятся болезнь и другие причины, подтвержденные документально, а факт нахождения осужденного в состоянии такого опьянения должен быть подтвержден медицинским освидетельствованием, либо, при отсутствии такой возможности, – комиссионным актом работодателя [10].

В свою очередь, злостными нарушениями условий пробационного контроля со стороны условно осужденного, согласно ч. 3 ст. 64 УК РК, являются неисполнение им возложенных на него судом обязанностей либо повторное совершение нарушений, на которые было указано выше. При этом в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 67 и ч. 2 ст. 176 УИК РК, основанием для отмены условного осуждения и замены лицу неотбытой части наказания в виде ограничения свободы на лишение свободы может послужить и факт признания осужденного скрывшимся от пробационного контроля. Скрывающимся от пробационного контроля, согласно ч. 3 ст. 67, ч. 3 ст. 176 УИК РК, признается осужденный, место нахождения которого более 15 дней со дня неявки для регистрации в службу пробации не установлено [9; 10]. По данным Комитета УИС МВД РК, в 2022 г. из 149 лиц, состоящих на учете служб пробации и находящихся в розыске, более 73% составляли осужденные к ограничению свободы (109 человек) и 18,7% - условно осужденные (28 человек). В 2023 г. из 163 осужденных, находящихся в розыске, около 70% составляли осужденные к ограничению свободы (114 человек) и 16,5% - условно осужденные (27 человек).

В отношении лица, скрывающегося от пробационного контроля, служба пробации в течение 15 календарных дней проводит первоначальные розыскные мероприятия в порядке, предусмотренном Правилами организации деятельности службы пробации. В случае неустановления места его нахождения служба пробации вносит представление в суд об объявлении данного лица в розыск (ч. 4 ст. 69 УИК РК, ч. 6 ст. 174 УИК РК). С момента начала проведения первоначальных розыскных мероприятий на основании постановления суда об объявлении в розыск лица, осужденного условно, течение срока пробационного контроля приостанавливается и возобновляется по постановлению суда (ч. 3 ст. 175 УИК РК) [10; 144].

В представлении об отмене условного осуждения или замене неотбытой части ограничения свободы лишением свободы, в соответствии с Правилами организации деятельности службы пробации, указываются конкретные факты нарушения, совершенного осужденным в течение срока пробационного контроля, наличие приводов и задержаний, а также указывается, какие меры воздействия принимались к нему и как он на них реагировал. К представлению прилагаются характеристики с места работы, учебы и жительства, рапорт сотрудника службы пробации о поведении осужденного, его образе жизни, объяснения осужденного и другие документы [144].

По представлению службы пробации суд неотбытый срок ограничения свободы заменяет на лишение свободы на весь этот неотбытый срок, поскольку, согласно ч. 3 ст. 44 УК РК, в данном случае замена на лишение свободы должна осуществляться из расчета один день лишения свободы за один день

ограничения свободы. В отношении условно осужденных суд, по представлению службы пробации, постановляет об отмене условного осуждения и исполнении назначенного ранее судом наказания в виде лишения свободы. Вместе с тем в отношении несовершеннолетнего осужденного суд может повторно продлить срок пробационного контроля, но не более чем на один год (ч. 3 ст. 64 УК РК) [9].

При этом, по данным Комитета УИС МВД РК, в 2022 г. из 1472 осужденных, состоящих на учете службы пробации, которым назначенная мера уголовно-правового характера была заменена на лишение свободы за нарушения условий пробационного контроля, лица, отбывающие ограничение свободы, составили 94% (1384 человека), а условно осужденные - 5,3% (79 человек). В 2023 г. из 1702 осужденных, в отношении которых была применена данная замена, лица, отбывающие ограничение свободы, составили 96% (1635 человека), а условно осужденные - 3,4% (58 человек).

Организационно-правовые аспекты пробационного контроля в отношении условно осужденных при совершении ими нового уголовного правонарушения уже практически не работают, поскольку, в соответствии со ст. 64 УК РК, данные вопросы решаются уже судом (представление со стороны службы пробации не требуется). Причем, например, из 107 преступлений, совершенных в 2022 г. лицами, состоящими на учете служб пробации Костанайской области, 83 (77,5%) были совершены лицами, в отношении которых осуществлялся пробационный контроль. Из них отбывающих наказание в виде ограничения свободы, назначенного по приговору суда, - 60 (56%); лиц, которым ограничение свободы было применено в качестве замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания - 22 (20,5%), осужденных условно - 1 (0,9%). В 2023 г. из 101 преступления, совершенного лицами, состоящими на учете служб пробации, 94 (-6%) было совершено лицами, в отношении которых осуществлялся пробационный контроль, из них отбывающими наказание в виде ограничения свободы, назначенного по приговору суда - 51 (- 8,5%), лицами, которым ограничение свободы было применено в качестве замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания - 30 (+13,65%), осужденными условно - 4 (+25%).

В свою очередь, по данным Комитета УИС МВД РК, в 2022 г. из 321 лиц, состоящих на учете служб пробации, которые были приговорены к лишению свободы за совершения новых преступлений, 88,7% (285 человек) являлись лицами, отбывающими ограничение свободы, и 8,7% (28 человек) - условно осужденными. В 2023 г. из 371 лиц, которые были приговорены к лишению свободы за совершения нового преступления, лица, отбывающие ограничение свободы, составляли 89,2% (331 человек) и 7% (26 человек) - осужденные условно.

Как уже было отмечено, организационно-правовой механизм пробационного контроля в обязательном порядке должен включать как карательные, так и поощрительные элементы. Так, законодатель, в целях стимулирования избрания осужденными, отбывающими ограничение свободы, и условно осужденными социально полезного поведения, предусмотрел ряд

поощрительных норм. В частности, согласно ч. 1 ст. 72 УК РК, лицо, отбывающее ограничение свободы, после фактического отбытия сроков, установленных законом, «может быть» условно-досрочно освобождено, «если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного наказания», а в случае «полного возмещения им ущерба, причиненного преступлением» – «подлежит» обязательному освобождению на основании УДО. Причем, как отмечено в Нормативном постановлении Верховного Суда РК от 2 октября 2015 г. № 6 (п. 20), действие данной нормы распространяется и на лиц, которым ранее неотбытая часть лишения свободы была заменена ограничением свободы. При этом при применении УДО к лицам, отбывающим ограничение свободы, в отношении них пробационный контроль не устанавливается, поскольку это противоречило бы самому правовому содержанию УДО в данном случае [9; 254].

Служба пробации при отбытии осужденным установленной законом части срока ограничения свободы обязана письменно в 5-тидневный срок уведомить его о наступлении права подачи ходатайства в суд для рассмотрения вопроса об УДО. В случае обращения осужденного с ходатайством об УДО служба пробации обязана направить его в суд с приложением личного дела и других материалов, характеризующих его личность, поведение за время осуществления в отношении него пробационного контроля, а также в письменной форме уведомить прокурора. Причем материалы в суд и уведомление прокурору могут направляться в виде электронного документа (ст. 162 УИК РК) [10].

Что касается условно осужденного, то, согласно ч. 1 ст. 64 УК РК, по истечении не менее половины установленного срока пробационного контроля, в случае, если он поведением «доказал свое исправление», служба пробации направляет в суд представление об отмене условного осуждения и снятии с осужденного судимости. При этом, как вытекает из положения ч. 1 ст. 64 УК РК, суд в данном случае может как отменить условное осуждение, так и оставить его в силе [9; 10; 144].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни в УК РК, ни в УИК РК не нашло закрепление положение о возможности при отказе суда в удовлетворении представления об отмене условного осуждения, повторного обращения по данному вопросу через какой-либо установленный промежуток времени (как, к примеру, в п. 10 ст. 162 УИК РК установлен 6-месячный срок для повторного обращения в суд по вопросам УДО). Вместе с тем лишение возможности повторного рассмотрения вопрос о досрочном прекращении пробационного контроля в отношении условно осужденного может оказаться негативным фактором, лишаящим стимула к дальнейшему правомерному поведению. Ю.М. Ткачевский, обративший внимание на соответствующее обстоятельство, высказал мнение, что данный срок должен быть не ранее истечения 6 месяцев после отказа суда [274, с. 8]. В связи с приведенными аргументами обоснованным представляется внесение дополнения в ч. 1 ст. 64 УК РК следующего содержания: *«В случае отказа суда в отмене условного осуждения повторное внесение представления может иметь место не ранее*

чем по истечении шести месяцев со дня вынесения постановления об отказе».

Соответственно, практически все основания, с которыми в настоящее время законодатель связывает возможность досрочного прекращения пробационного контроля (УДО от наказания в виде лишения свободы; досрочная отмена при условном осуждении), соотносимы с фактором соблюдения осужденными всех обязанностей и ограничений, возложенных законом и судом. А.Ф. Сизый, исследуя в своей докторской диссертации поощрительные институты в сфере уголовно-исполнительных отношений, отмечает, что «реализация механизма поощрений влияет на коренное изменение правового статуса воспитуемых, существенно затрагивает условия отбывания ими уголовного наказания» [279, с. 13]. Автор также указывает, что особой актуальностью обладает исследование таких поощрений, «...которые связаны с досрочным освобождением исправившихся. Вынесение таких поощрений предполагает освобождение их от уголовного наказания с прекращением уголовно-исполнительных правоотношений» [279].

Поощрительный механизм, который в настоящее время может быть вычленен в структуре пробационного контроля, является чрезмерно сдержанным. В частности, ни в рамках отбывания ограничения свободы, ни в контексте условного осуждения не предусматриваются те или иные меры поощрения, которые влияли бы на решение вопроса об УДО (в случае наказания в виде ограничения свободы) или на досрочную отмену пробационного контроля при условном осуждении (здесь следует отметить, что категория «меры поощрения» в УИК РК применяется исключительно к наказанию в виде лишения свободы). Очевидно, законодатель связывает позитивную динамику в отношении сроков пробационного контроля исключительно с тем, чтобы осужденный не допускал нарушений в структуре обязанностей и ограничений, наложенных на него законом и судом. При этом весьма сомнительна реализация такого принципа probation, как «стимулирование правопослушного и активного общественно полезного поведения» (п. 6 ст. 3 Закона РК «О probation»). Следует признать, что значение данной формулировки в науке уголовно-исполнительного права также сводится к констатации добросовестного отношения осужденного к своим обязанностям, к труду, учебе, к программам ресоциализации и т.д. [280, с. 306].

В данном случае следует признать, что стимулирование – это несколько иная форма воздействия, нежели просто сдерживание от допущения тех или иных нарушений. Безусловно, поощрения также имеют характер стимулов, однако, как уже было указано, в механизме реализации пробационного контроля поощрения фактически не предусмотрены (сам факт его досрочного прекращения и расценивается как своего рода поощрение). При этом, по мнению исследователей, система стимулов должна обладать следующими свойствами: «а) стимулы должны быть удаленными и ближними, т.е. ориентированными как на удаленную перспективу (год, два года и т.д.), так и на ближайшее будущее (сегодня, завтра, через неделю, месяц); б) стимулы должны иметь взаимосвязанный характер, содержать как полезные (приятные) для личности последствия, так и вредные (неприятные) последствия,

ограничивающие возможности удовлетворять потребности в настоящем и будущем; в) стимулы должны быть значимыми для личности, т.е. иметь побудительную силу» [281].

Сама формулировка «общественно полезное поведение», которую законодатель употребил при оформлении принципов probation, исключает стандартизацию, поскольку общественно полезными могут быть различные формы поведения, в том числе и никоим образом не связанные с исполнением обязанностей, возложенных законом и судом. Так, М.В. Ковалев в своем диссертационном исследовании указывает, среди прочих принципов поощрения (экономия и соразмерность, персонализация), также и «принцип шанса»

[282, с. 12-13]. При этом автор также отмечает, что в системе поощрения должен использоваться учет заслуг осужденного, демонстрация им одобряемого поведения, которое должно получать соответствующую оценку. Автор общетеоретического исследования значения поощрительных норм в праве В.В. Попова выделяет особую категорию «заслуга», которая расценивается как «юридическая конструкция гипотезы поощрительной нормы» [283, с. 10]. При этом автор выделяет нормы-признания (предполагается оценка уже имеющего место факта, когда речь идет не о социально допустимом, а именно об активном, одобряемом поведении) и нормы-стимулы (рассчитанные на позитивное поведение в будущем).

Одним из видов общественно полезной деятельности, которая не имеет иных коннотаций оценки, является волонтерская деятельность, которая, в соответствии с п. 5 ст. 1 Закона РК от 30 декабря 2016 г. № 42-VI, определяется как «добровольная социально направленная, выполняемая по свободному волеизъявлению общественно полезная деятельность, осуществляемая на безвозмездной основе» [284]. Согласно ст. 12 указанного Закона, волонтером может быть любое лицо, достигшее 18-летнего возраста (для несовершеннолетних волонтерство разрешается, но имеется ряд ограничений). Отсутствие каких-либо дополнительных условий свидетельствует о том, что осужденные, в отношении которых установлен probationный контроль, вполне могут быть волонтерами.

В ст. 6 Закона РК «О волонтерской деятельности» перечисляются основные формы и виды волонтерской деятельности. Особо можно выделить такое волонтерство, которое связано с участием в ликвидации последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных и других катастроф, а также оказание помощи лицам, пострадавшим от них. В частности, общеизвестным фактом для любого казахстанца являются беспрецедентные паводки, имевшие место в стране весной 2024 г., когда потребность в волонтерах была критической. Очевидно, что участие осужденного, в отношении которого установлен probationный контроль, в качестве волонтера по устранению последствий паводков, оказание помощи пострадавшим могли бы быть признаны в качестве исключительного обстоятельства, свидетельствующего о существенных позитивных изменениях в структуре его личности и о возможности «поощрения-признания» по факту данной «заслуги». По

результатам проведенного опроса, 34 % сотрудников службы пробации отметили потребность в формировании дополнительных стимулов для осужденных в целях расширения возможностей поощрения их поведения (39 % опрошенных осужденных полагают, что наличие дополнительных норм-стимулов благоприятно отразилось бы на их поведении в рамках пробационного контроля). Сотрудники МПС по понятным причинам слабо поддержали идею о возможности дополнительного стимулирования (исходя из категории осужденных, которые находятся под пробационным контролем МПС), однако, тем не менее, 9 % посчитали, что в исключительных случаях даже в отношении условно-досрочно освобожденных допустимо сокращение срока пробационного контроля.

Подводя итог исследования организационно-правового механизма деятельности службы пробации по осуществлению пробационного контроля, в качестве основных выводов следует представить следующие:

Во-первых, организационно-правовой механизм деятельности службы пробации по осуществлению пробационного контроля к настоящему времени следует признать устоявшимся и включающим в себя значительное количество разноплановых функций (фактографически-фиксирующих, контрольных, профилактических и т.д.).

Во-вторых, в целях оптимизации контрольных функций службы пробации (равно как и МПС при осуществлении пробационного контроля в отношении соответствующих категорий лиц) по более эффективному отслеживанию пространственных перемещений осужденных (для установления фактов соблюдения или нарушения установленных законом и судом обязанностей и ограничений) следует разработать и внедрить в правоприменительную практику адресное мобильное приложение с функцией одновременной идентификации внешности и определения геолокации, которое посредством метода «случайной выборки» будет в автоматическом режиме определять местонахождение осужденного.

В-третьих, для повышения динамизма в структуре механизма пробационного воздействия требуется расширение поощрительных инструментов, которые позволят в большей степени реализовать принцип стимулирования правопослушного и общественно полезного поведения:

- в ст.ст. 64 и 72 УК РК включить положения, согласно которым будет подлежать учету факт общественно полезного поведения осужденного, выразившийся в его занятии волонтерской деятельностью со следующей формулировкой: *«Условное осуждение может быть отменено по истечении одной трети срока установленного срока, если осужденный в течение года осуществлял волонтерскую деятельность в соответствии с законодательством Республики Казахстан, а также в случае его участия в ликвидации последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных и других катастроф, а также оказания помощи лицам, пострадавшим от них. При этом срок пробационного контроля к моменту рассмотрения вопроса об его отмене судом не может составлять менее одного года»* (ст. 72 УК РК должна быть дополнена аутентичной редакцией с пропорциональным

сокращением сроков фактически отбытого наказания в виде ограничения свободы);

- требуется внесение дополнения в ч. 1 ст. 64 УК РК следующего содержания: *«В случае отказа суда в отмене условного осуждения повторное внесение представления может иметь место не ранее чем по истечении шести месяцев со дня вынесения постановления об отказе»* (в целях конкретизации содержания законного интереса условно осужденного на досрочную отмену пробационного контроля).

3.2 Организационно-правовые аспекты осуществления пробационного контроля органами полиции

На полицию в сфере осуществления пробационной деятельности возложены несколько функций. Основной (и, очевидно, более трудоемкой по объему выполняемых функций) является реализация пробационного контроля в рамках постпенитенциарной пробации применительно к лицам, освобожденным на основании УДО от дальнейшего отбывания лишения свободы. Кроме того, в рамках приговорной пробации реализуется пробационный контроль в отношении несовершеннолетних, которым он был применен в качестве принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 20, ч. 1 ст. 169 УИК, п. 2 ст. 19 Закона РК «О пробации») [10; 11].

При этом процесс осуществления пробационного контроля за лицами, освобожденными на основании УДО от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы, практически аналогичен тому, который предусмотрен в отношении лиц, состоящих на учете службы пробации. Сотрудниками МПС он осуществляется также по месту жительства освобожденного, заключается в ведении учета освобожденных на основании УДО в течение оставшейся неотбытой части наказания, а также контроле за исполнением возложенных на них обязанностей и проведении с ними профилактической работы (чч. 1, 2 ст. 169 УИК РК, п. 2 ст. 17 Закона) [10; 11].

Возложение соответствующей контрольной функции именно на полицию является традиционным и фактически было реплицировано при внедрении практики пробационного контроля из предшествующей практики деятельности полиции в отношении данной категории лиц. УИК РК, Правила осуществления контроля за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания и Правила взаимодействия подразделений ОВД по осуществлению учета лиц, освобожденных из мест лишения свободы, предусматривают ряд особенностей в его организации и осуществлении. Так, при освобождении лица, в отношении которого было применено УДО, в отличие от лиц, которым неотбытая часть лишения свободы была заменена ограничением свободы, администрацией учреждения отбирается подписка об обязательной явке для регистрации в 5-дневный срок в МПС по избранному месту жительства со дня его прибытия. Кроме того, администрация пенитенциарного учреждения обязана направить в подразделения МПС ДП по избранному осужденным месту жительства извещение на освобождаемое лицо с постановлением суда об освобождении; дактилоскопическую карту и ИПК-ЛЦ. Направлению в МПС ДП также подлежат и документы, удостоверяющие личность освобожденного, которые он может получить после постановки на соответствующий учет в ОВД. Лицо, освобожденное на основании УДО, следует к избранному месту жительства самостоятельно за счет бюджетных средств (ст. 165 УИК РК) [10; 201].

В случае, если при применении УДО от основного наказания в виде лишения свободы суд не освободил лицо от дополнительного наказания в виде

лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, назначенного на определенный срок, администрация учреждения УИС направляет в службу пробации по избранному месту жительства осужденного копию приговора суда для дальнейшего исполнения данного наказания. В течение всего установленного судом срока данного дополнительного наказания, который исчисляется со дня постановления лица на учет службы пробации, параллельно с осуществлением в отношении лица пробационного контроля со стороны сотрудников МПС, служба пробации в полном объеме осуществляет мероприятия в соответствии с требованиями ст.ст. 72, 74-76 УИК РК (ч. 1 ст. 73, ч. 2 ст. 161, ч. 8 ст. 165 УИК РК) [10].

Организация осуществления пробационного контроля в отношении лиц, освобожденных на основании УДО, возлагается на начальника ГОР(У)ОП, который, получив от МПС ДП документы на данное лицо, поступившие из учреждения УИС, поручает начальнику МПС ГОР(У)ОП осуществление контроля за его прибытием на постоянное место жительства. В свою очередь, УИП, на территории обслуживания которого будет проживать освобожденный, обязан заполнить задание для внесения в ЕИС «Беркут-клиент госорганов» на запрет выезда условно-досрочно освобожденного за пределы РК, которое направляется в МПС ДП [145; 146].

В случае неприбытия лица, освобожденного на основании УДО, к постоянному месту жительства или для регистрации в ОВД в течение установленных законом 5 рабочих дней со дня освобождения из учреждения УИС, УИП докладывает об этом начальнику ГОР(У)ОП, проводит первоначальные мероприятия по установлению его местонахождения и причин неприбытия. В случае неустановления местонахождения осужденного, в соответствии с ч. 9 ст. 169 УИК РК, вносит в суд представление об объявлении его в розыск и избрании меры пресечения. При этом ГОР(У)ОП обязан проинформировать учреждение УИС, из которого было освобождено соответствующее лицо, о его прибытии и постановке на учет либо о неприбытии к избранному месту жительства [10; 145; 146].

При установлении местонахождения лица, освобожденного на основании УДО и прибывшего к избранному месту жительства на территории обслуживания другого ГОР(У)ОП, последнее направляет в МПС ГОР(У)ОП, где осужденный подлежал учету, соответствующее уведомление. Причем, при намерении осужденного постоянно проживать на территории обслуживания ГОР(У)ОП, где он был обнаружен, соответствующий ГОР(У)ОП ставит его на учет и направляет уведомление в МПС ГОР(У)ОП, на территории которого данный осужденный состоит на учете как лицо, не прибывшее к избранному месту жительства [146].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что если в случаях, когда пробационный контроль осуществляет служба пробации, законодатель четко установил момент, с которого начинается срок пробационного контроля, то в отношении освобожденных на основании УДО он законом не определен. В данном случае, очевидно, следует руководствоваться положением п. 13 Нормативного постановления Верховного суда РК от 2 октября 2015 г. № 6,

которое предусматривает, что в случае принятия судом решения об УДО срок неотбытой части наказания исчисляется с момента фактического освобождения осужденного из учреждения УИС [254]. Следовательно, и срок пробационного контроля в данном случае также должен исчислять именно с этого момента.

По прибытии лица, освобожденного по УДО, к избранному месту жительства МПС ГОР(У) ОП осуществляет его регистрацию; ставит на профилактический учет; проводит профилактическую работу по месту жительства; взаимодействует с учреждениями УИС с целью получения информации о нем; проводит оперативно-розыскные мероприятия в порядке и по основаниям, предусмотренным законодательством Республики Казахстан. При этом на освобожденного в ИАЦ ДП направляется ИПК-ЛЦ для ввода его данных в ИБД МВД РК, а также копия постановления суда о применении к данному лицу УДО – в подразделения криминальной полиции для постановки его на оперативный учет. В свою очередь, оперативно-криминалистические подразделения также должны поставить данное лицо на фото-, видео-, аудио- (голос), одорологический (запах) и биологический учеты [146].

Кроме того лицо, освобожденное на основании УДО, подлежит постановке на учет УИП, на территории обслуживания которого данное лицо будет проживать. При постановке данного лица на учет УИП проводит с ним беседу, в процессе которой проверяет достоверность данных, указанных в документах, направленных из учреждения УИС, а также разъясняет ему порядок осуществления в отношении него пробационного контроля. В частности, разъяснению подлежат следующие вопросы: о соблюдении порядка регистрации по месту жительства; об ответственности за совершение административных правонарушений или уклонение от исполнения возложенных обязанностей; о последствиях совершения неоднократных административных правонарушений, или злостного уклонения от исполнения обязанностей, возложенных судом и законом [145]. После проведенной первичной беседы на освобожденного по УДО заводится контрольное дело, которое ведется в течение всего срока пробационного контроля. Также УИП вносит начальнику ГОР(У)ОП, постановление об установлении в отношении условно-досрочно освобожденного обязанностей и ограничений, которое после его утверждения приобщается к материалам контрольного дела, а копия вручается лицу, в отношении которого осуществляется пробационный контроль. В данное постановление включаются обязанности и ограничения как вытекающие из постановления суда, так и из ст. 169 УИК РК [10; 145].

Поведение лиц, в отношении которых осуществляется пробационный контроль по факту УДО из мест лишения свободы, осуществляется путем посещения их по их месту жительства с проведением профилактических мероприятий по недопущению ими случаев уклонения от исполнения обязанностей, установленных законом и судом, а также совершения ими правонарушений. По результатам каждого посещения контролируемого лица УИП делает соответствующую отметку в листке контроля. В целях более продуктивного осуществления пробационного контроля УИП может осуществлять вызов соответствующих лиц на собеседование в ОВД, а при

необходимости – проводить такие беседы в присутствии родственников (с их согласия). В случае неявки по вызову осуществляется принудительный привод осужденного. Кроме того, УИП имеет право запрашивать и получать сведения о поведении лиц, освобожденных на основании УДО, с места работы и жительства, от граждан и администрации организаций, независимо от форм собственности [117, с. 203; 145].

Многие аспекты функционирования организационно-правового механизма пробационного контроля МПС схожи с теми, которые были рассмотрены в отношении службы пробации в предыдущем подразделе работы. В частности, как и служба пробации, подразделения МПС в процессе осуществления пробационного контроля могут применять электронные средства слежения (ч. 1 ст. 169 УИК РК), в данном случае имеют место те же затруднения, что и у службы пробации (проблема оснащенности). Кроме того, согласно п. 2 ст. 17 Закона РК «О пробации», постпенитенциарная пробация в отношении освобожденных на основании УДО предполагает не только осуществление пробационного контроля, но также и оказание им социально-правовой помощи «в целях их успешной социальной адаптации в обществе, а также реабилитации» [10; 145, с. 204].

В недавнем прошлом, как и в контексте деятельности службы пробации, произошли законодательные изменения в вопросах оказания социально-правовой помощи лицам, в отношении которых пробационный контроль осуществляется МПС. Если до изменений, внесенных Законом РК от 30 декабря 2021 г. № 95-VII, которыми в качестве центрального субъекта оказания социально-правовой помощи были определены местные исполнительные органы, действовало правило, согласно которым УИС должны были обеспечивать явку осужденного в службу пробации для оказания социально-правовой помощи (прежняя редакция п. 1 ч. 4 ст. 169 УИК РК), то в настоящее время функционал в данном вопросе изменился. Так, в действующей редакции ч. 7 ст. 169 УИК РК предусматривается, что условно-досрочно освобожденное лицо вправе самостоятельно обратиться за социально-правовой помощью (в местные исполнительные органы, к общественным объединениям и в иные организации). Однако сохраняется некоторое противоречие указанного предписания с п. 1 ч. 4 действующей редакции ст. 169 УИК РК, согласно которому ОВД обеспечивают явку условно-досрочно освобожденного лица в местные исполнительные органы для получения социально-правовой помощи.

Организационно-правовой механизм пробационного контроля МПС также, как и у службы пробации, включает в себя определенные элементы динамичного регулирования карательно-воспитательного воздействия. Так, при допущении осужденным, освобожденным на основании УДО, нарушений установленных законом и судом обязанностей, а также административного правонарушения, за которое на него было наложено административное взыскание, по каждому такому факту УИП составляет рапорт и докладывает начальнику ГОР(У)ОП (п. 29 Правил осуществления контроля за поведением лиц, освобожденных по УДО) [145]. Из содержания п. 17 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 2 октября 2015 г. № 6 следует, что суд

может отменить УДО по основании «злостности» уклонения от выполнения обязанностей, возложенных законом и судом, то есть только в случае невыполнения данных обязанностей «после вынесения органом, контролирующим поведение осужденного, письменного предупреждения о возможности отмены УДО» [196]. Следовательно, на основании рапорта УИП о нарушении лицом, освобожденным по УДО, начальник ГОР(У)ОП выносит ему письменное предупреждение о возможности отмены УДО в случае повторных нарушений.

Кроме того, согласно ч. 7 ст. 72 УК РК и ч. 3 ст. 169 УИК РК, в отличие от пробационного контроля, осуществляемого в отношении осужденных, отбывающих ограничение свободы, и условно осужденных, нарушением его условий со стороны освобожденного по УДО является совершение им дважды любого административного правонарушения, за которые на него были наложены административные взыскания, а не только тех, которые посягают на общественный порядок и нравственность, права несовершеннолетних, на личность, а равно совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений [9; 10]. Причем, согласно Правилам осуществления контроля за поведением лиц, освобожденных по УДО (п. 31), в случае привлечения лица, освобожденного по УДО, к административной ответственности ГОР(У)ОП, на территории обслуживания которого данное лицо не проживает, в ГОР(У)ОП, где осуществляется за ним пробационный контроль, должно направляться уведомление с копией постановления о привлечении его к административной ответственности [148].

В случае уклонения лица, освобожденного по УДО, от пробационного контроля, МПС ГОР(У)ОП должна осуществлять в отношении него весь тот набор мероприятий, которые предусмотрены для случаев неприбытия к месту постоянного места жительства после освобождения из учреждения УИС в течение 5 рабочих дней. Соответственно, при неустановлении местонахождения лица, освобожденного по УДО, в суд вносится представление об объявлении его в розыск и избрании меры пресечения (ч. 9 ст. 169 УИК РК, п. 21 Правил осуществления контроля за поведением лиц, освобожденных по УДО) [10; 148].

Помимо двухкратного и более совершения административных правонарушений, за которые были наложены административные взыскания, основанием для отмены УДО и направления в учреждение УИС для дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы являются также неявка без уважительных причин для регистрации в ОВД по избранному месту жительства в течение 5 рабочих дней после освобождения из учреждения УИС; а также 2 и более факта уклонения без уважительной причины от исполнения обязанностей, возложенных законом и судом (п. 1 ч. 7 ст. 72 УК РК) [9]. В случае совершения освобожденным по УДО указанных нарушений, в соответствии с ч. 3 ст. 169 УИК РК, п. 6 ст. 476 УПК РК, п. 16 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 2 октября 2015 г. № 6 и п. 22 Правил осуществления контроля за поведением лиц, освобожденных по УДО, ГОР(У)ОП направляет в суд мотивированное представление об отмене УДО и

исполнении оставшейся неотбытой части лишения свободы с приложением соответствующих материалов и контрольного дела [10; 112; 196;].

Как следует из положений п. 1 ч. 7 ст. 72 УК РК, ч. 2 ст. 478 УПК РК, на основании данного представления суд может постановить об отмене УДО и исполнении оставшейся неотбытой части лишения свободы либо принять решение о продолжении осуществления в отношении данного лица пробационного контроля. При этом, согласно Нормативному постановлению Верховного Суда РК от 2 октября 2015 г. №6 (п. 17), вопрос о том, является ли уклонение злостным, должен решаться в каждом конкретном случае с учетом его продолжительности и причин уклонения, а также других обстоятельств. Кроме того, неисполнение освобожденным по УДО возложенных на него обязанностей по уважительным причинам не является основанием для отмены УДО [10; 11; 196]. Следует отметить, что в случае отмены УДО по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 7 ст. 72 УК РК, лицо подлежит направлению для отбывания неотбытой части лишения свободы в учреждении УИС того же уровня безопасности, из которого он был освобожден по УДО (п. 18 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 2 октября 2015 г. № 6) [196].

Как и в организационно-правовом механизме пробационного контроля, реализуемого службой пробации, полномочия МПС не касаются отдельных случаев отмены пробационного контроля, поскольку данный вопрос полностью отнесен к ведению суда (пп. 2, 3 ч. 7 ст. 72 УК РК). В случае совершения уголовного проступка или преступления по неосторожности, либо умышленного преступления небольшой тяжести беременной женщиной, женщиной, имеющей малолетних детей, мужчиной, воспитывающим в одиночку малолетних детей, женщиной в возрасте 58 и свыше лет, мужчиной в возрасте 63 и свыше лет, лицом с инвалидностью 1 или 2 группы вопрос об отмене либо о сохранении УДО решается судом при назначении наказания за новое уголовное правонарушение (п. 2 ч. 7 ст. 72 УК РК). В данном случае вопрос об отмене либо о сохранении УДО является правом, а не обязанностью суда (п. 16 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 2 октября 2015 г. № 6) [10; 196]. Если же в процессе осуществления пробационного контроля освобожденный на основании УДО совершит умышленное преступление (за исключением случаев, указанных ранее), суд определяет ему наказание по правилам совокупности приговоров (п. 3 ч. 7 ст. 72 УК РК).

В отличие от режима пробационного контроля осужденных к ограничению свободы и осужденных условно, в отношении лиц, освобожденных на основании УДО, не предусмотрена возможность досрочного прекращения осуществления пробационного контроля. В отношении данной категории лиц пробационный контроль может быть прекращен только в случаях окончания срока его осуществления, установленного судом; осуждения лица за совершение в период пробационного контроля нового уголовного правонарушения с отменой УДО; в связи со смертью лица, в отношении которого он осуществлялся [145].

Кроме функций, непосредственно связанных с осуществлением

пробационного контроля, на МПС возложены и другие обязанности, которые она должна осуществлять в рамках пробационной деятельности. Так, согласно п. 3 ст. 8 Закона РК «О пробации», полиция в пределах своей компетенции должна осуществлять комплекс мер по профилактике, выявлению, изучению, устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений со стороны лиц, находящихся под пробационным контролем [12]. Данная функция представляет собой детализацию ряда положений Закона РК «Об органах внутренних дел», в частности такой компетенции ОВД, как «осуществление комплекса мер, направленных на выявление, изучение, устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений» (ст. 5), и основывается на одном из основных направлений деятельности МПС, такой как «профилактика правонарушений, предупреждение и пресечение уголовных правонарушений (ст. 9-1) [200].

Функция полиции по устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений со стороны лиц, находящихся под пробационным контролем, базируются на компетенциях ОВД как основного субъекта профилактики правонарушений. Так, в соответствии со ст. 7 Закона РК «О профилактике правонарушений», к компетенциям полиции в данной сфере, в частности, относятся осуществление мер по профилактике правонарушений, ведение профилактического учета и осуществление профилактического контроля, обеспечение проведения профилактических мероприятий в целях предупреждения совершения правонарушений осужденными [286]. В свою очередь, согласно Закону РК «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних» (ст.ст. 10, 19), компетенциями полиции являются выявление, ведение учета и проведение мер индивидуальной профилактики в отношении несовершеннолетних, в том числе освобожденных по УДО и освобожденных от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия; условно осужденных; обеспечение контроля за образом жизни и поведением несовершеннолетних, осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового воздействия, не связанным с изоляцией от общества [287].

Правилами организации деятельности участковых инспекторов полиции и Правилами организации деятельности участковых инспекторов по делам несовершеннолетних за УИП в области профилактики совершения правонарушений со стороны лиц, находящихся под пробационным контролем, дополнительно определены, в частности, такие компетенции, как выявление и пресечение правонарушений со стороны освобожденных по УДО; осуществление профилактики их совершения, а также выявление причин и условий, им способствующих, и принятие мер, направленных на их устранение; осуществление сбора и обработки персональных данных лиц, в отношении которых установлена пробация; осуществление сбора значимой информации, в том числе связанной с осуществлением пробационной деятельности, на административном участке и передача ее в заинтересованные подразделения ОВД, а также в другие государственные органы; оказание содействия службе пробации в обеспечении контроля за образом жизни лиц, состоящих на ее учете

[288].

Поскольку оценка деятельности МПС как субъекта пробационного контроля является завершающей в рамках данной работы, следует вновь вернуться к аспектам, касающимся унификации содержания пробационного контроля, равно как и определения его обычной и усиленной форм (соответствующий вопрос был аргументирован в предыдущих подразделах). Здесь отметим, что 55% опрошенных сотрудников МПС и 66 опрошенных сотрудников службы пробации считают, что существующих мер недостаточно для обеспечения дифференциации интенсивности воздействия на осужденных; в свою очередь 34% осужденных фактически согласились с дополнительными ограничениями в целях того, чтобы остаться под пробационным контролем после факта допущенных нарушений.

Осуществленный анализ показал, что ни в рамках условного осуждения, ни в контексте условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы не осуществляется привлечение осужденных к труду (хотя суд и может возложить обязанность по трудоустройству). При этом в содержание ограничения свободы как вида уголовного наказания обязанность принудительного труда в размере 100 часов в год включена непосредственно ч. 1 ст. 44 УК РК. В данном случае имеет место явная диспропорция, поскольку и при условном осуждении, и при условно-досрочном освобождении от отбывания лишения свободы имеет место факт осуждения лица за преступление именно к лишению свободы как наиболее строгому виду уголовного наказания. Как уже ранее было отмечено, в УК РК отсутствуют санкции, в которых было бы предусмотрено исключительно наказание в виде ограничения свободы. Соответственно, при его назначении суд фактически из альтернативы с лишением свободы выбирает именно данную меру, что однозначно свидетельствует (должно свидетельствовать) об определенной оценке как самого деяния, так и личности лица, его совершившего, позволяющей не применять изоляцию от общества.

Неоднократно подчеркивалось, что изменения в структуре норм, оформляющих пробационную деятельность, вносились в разновременном режиме, что и стало причиной логико-смысловых и социально-ценностных погрешностей. Если первоначально пробационный контроль фиксировался в рамках института условного осуждения (УК РК 1997 г.), то в действующей редакции УК РК 2014 г. центральной нормой, определяющей содержание объекта воздействия при пробационном контроле (круга возлагаемых судом обязанностей), является ч. 2 ст. 44 УК РК «Ограничение свободы». В итоге возникают следующие противоречия: 1) условно осужденный к наказанию в виде лишения свободы не обременен обязанностью принудительного труда (в отличие от более «мягкой» меры уголовно-правового воздействия в виде ограничения свободы); 2) условно-досрочно освобожденное лицо также не привлекается к принудительному труду, хотя при условии дальнейшего пребывания в местах лишения свободы он обязан был бы трудиться без оплаты труда в порядке ч. 1 ст. 121 УИК РК не более 2-х часов в неделю (что, в целом, сопоставимо с объемом принудительных работ, определенным в ч. 1 ст. 44 УК

РК). При этом 67% опрошенных сотрудников службы пробации и 59% сотрудников МПС выразили согласие с тем, что и условно осужденные, и условно-досрочно освобожденные также должны привлекаться к принудительному труду (именно исходя из исправительного потенциала данной меры воздействия). Вместе с тем примечательно, что среди опрошенных осужденных только 29% указали на привлечение к принудительному труду, хотя в отношении 83% из них применено наказание в виде ограничения свободы. Безусловно, во всех случаях речь идет о лицах, к которым принудительный труд, в принципе, может быть применен, поскольку исключительный перечень ч. 1 ст. 44 УК РК является достаточно обширным.

Соответственно, принудительный труд должен применяться не как содержательный элемент наказания в виде ограничения свободы, а как составляющая пробационного контроля для всех категорий лиц, в отношении которых он устанавливается (если его применение возможно). При этом возможные аргументы относительно рисков нивелирования специфики наказания в виде ограничения свободы в данном случае будут несостоятельными, поскольку существует целый ряд иных правовых последствий, которые будут отличаться в случае назначения ограничения свободы или применения условного осуждения (так, в частности, осуждение к лишению свободы дает основание для признания рецидива преступлений в порядке ст. 14 УК РК, а судимость при ограничении свободы рецидив не образует). При этом, как справедливо отмечают исследователи, «труд является не только материальной основой жизнедеятельности осужденного, но и оказывает воздействие на исправление осужденного, стимулирует правопослушное поведение...» [289]. Французский философ и социальный мыслитель М. Фуко в свое время отметил, что «... в тюрьме труд полезен как таковой, даже не как производственная деятельность, а как средство воздействия на человеческий механизм. Труд – начало порядка и регулярности, он подчиняет тела размеренным движениям, исключает волнение и отвлечение, являясь надежным лекарством против разгула воображения» [290]. Несмотря на фактор «принудительности» труда в большинстве видов уголовного наказания, в теории уголовно-исполнительного права существует вполне ощутимый консенсус относительно того, что труд является одним из наиболее эффективных средств исправительного воздействия. Кроме того, в недавних исследованиях отмечается, что при разработке более эффективных подходов к организации принудительного труда возможна обоюдная выгода и для осужденных (избежать изоляции и исправиться посредством трудовой деятельности), и для государства (снизить безработицу, решить вопросы дефицита рабочих кадров в отдельных отраслях хозяйства и т.д.) [291, с. 14].

Таким образом, резюмируя отдельные положения, изложенные в предыдущих подразделах, и вышеприведенные аргументы, предлагаются следующие базовые изменения, которые позволят, с одной стороны, унифицировать содержание пробационного контроля, а с другой стороны, повысить обоснованность и критерии его индивидуализации: 1) во-первых, принудительный труд должен быть включен не только в содержание наказания

в виде ограничения свободы, но во все разновидности пробационного контроля, реализуемые службой пробации и МПС (за исключением тех лиц, которые перечислены в ч. 1 ст. 44 УК РК); 2) во-вторых, он должен стать дополнительным инструментом усиленного пробационного контроля (помимо увеличения периодичности контрольных мероприятий), в связи с чем предлагается в рамках усиленного пробационного контроля установить объем принудительного труда в размере 150 часов в год; 3) учитывая необходимость повышения вариативности в степени карательно-репрессивного воздействия на различные категории лиц, в отношении которых устанавливается пробационный контроль, применение усиленного пробационного контроля следует установить в отношении лиц, допустивших нарушения в ходе отбывания ограничения свободы; в отношении условно осужденных за тяжкие преступления; в отношении условно-досрочно освобожденных от лишения свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления (выделение именно данных категорий является суммированием аргументации, которая ранее приводилась в тексте работы).

Другим значимым элементом в организационно-правовом механизме пробационного контроля, осуществляемого полицией, является его реализация в отношении несовершеннолетних в качестве принудительной меры воспитательного воздействия. Причем имеет место и специфика пробационного контроля в отношении несовершеннолетних, освобожденных по основаниям УДО. Очевидно, изначальное возложение обязанности по пробационному контролю как принудительной меры воспитательного воздействия на полицию связано с тем, что именно в структуре ОВД функционируют специальные подразделения по работе с несовершеннолетними.

Специфика исправительного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей к настоящему времени является аксиомой международной юридической практики, а в законодательстве всех стран в обязательном порядке установлена юридическая граница между совершеннолетием и несовершеннолетием, чем создана автономная демографическая группа людей – носителей специфических прав и обязанностей в силу соответствующего возраста. Потребность в формировании такой автономной группы диктуется необходимостью в особой, специальной правовой защите несовершеннолетних, обусловленной особыми психофизиологическими и социальными качествами личности детей и подростков. Данное требование в полной мере относится и к несовершеннолетним, совершившим уголовные правонарушения [117, с. 216; 292, с. 22].

Согласно общеправовому понятию, «несовершеннолетний» – тот, кто не достиг определенного возраста, с которым закон связывает его полную дееспособность, т.е. способность реализовать в полном объеме предусмотренные Конституцией и другими законами страны субъективные права, свободы и юридические обязанности. Однако учет состояния несовершеннолетия в разных отраслях права имеет специфическое содержание, определяемое особенностями общественных отношений, регулируемых данной отраслью права [197, с. 427-430; 224, с. 196-197].

Казахстанское уголовное законодательство (ч. 1 ст. 80 УК РК) предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних, которыми признаются лица, достигшие возраста 14 лет, но которым еще не исполнилось 18 лет [9]. Но хотя законодатель и установил нижний предел наступления уголовной ответственности в 14 лет (для формально определенного перечня преступлений), вместе с тем структурная характеристика преступности несовершеннолетних как бы усечена по сравнению с преступностью молодых и взрослых, т.к. некоторые виды преступлений несовершеннолетние вообще не совершают (в силу невключения в те или иные виды общественных отношений), а применительно к другим, даже если данные деяния и совершаются в несовершеннолетнем возрасте, соответствующие лица не рассматриваются как субъекты преступлений» [293, с. 238]. Это связано с тем, что нормы УК РК определяют ответственность несовершеннолетних с 16-летнего возраста и только за ряд преступлений – с 14-летнего, причем «эти требования носят категорический характер и подлежат буквальному исполнению» [294, с. 46].

Кроме того, если несовершеннолетний, хотя формально и достиг возраста привлечения к уголовной ответственности, тем не менее, не может нести ее вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, поскольку в данном случае во время совершения уголовного правонарушения он не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими [9]. Социальная потребность закрепления особого порядка наступления уголовной ответственности несовершеннолетних заключается в том, что, с учетом особенностей интенсивно развивающейся психики подростка, необходимая достаточность уголовно-правового воздействия на них может быть достигнута в большинстве случаев за счет применения к ним смягченных или специфичных мер воздействия. Как отмечают И.Л. Трунов и Л.К. Айвар, в таком возрасте подростки, как правило, психически и социально незрелы, их личность еще окончательно не сформировалась, и поэтому исправительное воздействие применительно к несовершеннолетнему должно носить прежде всего воспитательный характер [295, с. 30]. В связи с этим, согласно подп. 1 ст. 18 Закона РК «О пробации», пробационное воздействие в отношении несовершеннолетних должно осуществляться с учетом их индивидуальных и возрастных особенностей [12].

Имеющаяся в настоящее время законодательная база, касающаяся, в том числе, вопросов профилактики правонарушений несовершеннолетних, сформирована с учетом всестороннего учета потребностей данной категории лиц. Именно с учетом данных факторов и обусловлена дифференциация правовых норм, адресованных несовершеннолетним, в том числе в рамках осуществления пробационной деятельности. Так, в частности, в соответствии с УК РК, ограничение свободы в отношении несовершеннолетних может быть применено на срок до 2-х лет (общий срок данного наказания – до 7 лет, то есть имеет место сокращение более, чем в три раза). При этом несовершеннолетние к принудительному труду не привлекаются, несмотря на то что трудовая

деятельность несовершеннолетних лиц разрешена в соответствии с трудовым законодательством РК. Кроме того, у осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, возможность быть освобожденным по УДО от отбывания наказания, возникает после отбытия более короткого срока (ч. 1 ст. 86 УК РК) [10].

В свою очередь, при применении условного осуждения пробационный контроль в отношении несовершеннолетнего может устанавливаться только на срок до 1-го года, а не на весь срок назначенного наказания в виде лишения свободы, как в отношении лиц, достигших совершеннолетия. Причем, при применении условного осуждения несовершеннолетним лицам могут быть назначены принудительные меры воспитательного воздействия, а не дополнительные уголовные наказания или иные правовые ограничения, которые применяются к совершеннолетним лицам (ст. 63 УК РК) [10]. Согласно ч. 3 ст. 63 УК РК и п. 19-1 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 апреля 2002 г. № 6, возможно применение к несовершеннолетним условного осуждения и при повторном совершении ими преступления небольшой или средней тяжести в период осуществления за ними пробационного контроля. В данном случае он назначается также в сокращенных размерах - от 6 месяцев до 1 года. Кроме того, законодательством предусмотрен особый (льготный) порядок условий отмены условного осуждения в отношении несовершеннолетних (ст. 64 УК РК) [10; 196].

Лицам, отбывающим лишение свободы за совершение преступления в несовершеннолетнем возрасте, такие институты, как УДО и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, могут быть применены после фактического отбытия ими более короткого срока наказания, нежели это установлено для взрослых лиц; кроме того, применение замены неотбытой части лишения свободы на ограничение свободы для данной категории лиц возможно за совершение преступления любой категории, в то время как для совершеннолетних лиц исключается применение замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания по особо тяжким преступлениям (ч. 1 ст. 73, ст. 87 УК РК) [10].

Однако в комплексе мер, направленных на решение проблемы преступности несовершеннолетних, на первый план должны выходить уголовно-правовые меры, альтернативные наказанию, поскольку «несовершеннолетние правонарушители значительно легче поддаются исправительному воздействию и потому применять к ним суровые меры наказания в подавляющем большинстве случаев нецелесообразно» [296, с. 205]. Так, в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (1985 г.), отмечается, что любые меры воздействия должны быть всегда соизмеримы с особенностями личности правонарушителя (Правило 5.1), а вопрос о его благополучии должен служить определяющим фактором (Правило 17.1) [297, с. 208, 217].

В уголовном законодательстве Казахстана в качестве таких «заменяющих уголовное наказание» мер выступают принудительные меры воспитательного воздействия (ч. 2 ст. 80 УК РК) [10]. Причем, в Нормативном постановлении

Верховного Суда РК от 11 апреля 2002 г. № 6 (п. 14) содержится указание судам о недопустимости применения уголовного наказания к несовершеннолетним, совершившим уголовные правонарушения, не представляющие большой общественной опасности, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. Одной из таких мер и является «установление пробационного контроля» (п. 7 ч. 1 ст. 84 УК РК) [10; 196]. Как при применении пробационного контроля в качестве принудительной меры воспитательного воздействия, так и при условном осуждении несовершеннолетнему могут быть назначены одновременно еще и другие такие меры (ч. 4 ст. 63, ч. 2 ст. 84 УК РК). Фактически же в качестве дополнительных мер можно применить только предупреждение; передачу под надзор родителей или лиц, их заменяющих; возложение обязанности загладить причиненный вред; возложение обязательства принести извинения потерпевшему. Несмотря на то, что в ч. 83 УК РК применение принудительных меры воспитательного воздействия фиксируется как результат освобождения от уголовной ответственности, следует согласиться с исследователями, что их назначение все-таки относится к специальной разновидности уголовной ответственности) [298, с. 9], поскольку поводом к данному назначению является факт совершенного уголовного правонарушения.

Если пробационный контроль, устанавливаемый в отношении несовершеннолетнего по факту совершенного уголовного правонарушения (в виде наказания и иной меры уголовно-правового воздействия), в целом может быть сопоставим со спектром обязанностей, возлагаемых на взрослых осужденных, то в отношении пробационного контроля как принудительной меры воспитательного воздействия все-таки речь должна идти, в большей степени, о корректирующих, а не о карательных формах ограничений. В этом смысле заслуживает поддержки мнение И.В. Слепцова и Ю.И. Симоновой относительно того, что предусмотренный ч. 9 ст. 85 УК РК порядок пробационного контроля как принудительной меры воспитательного воздействия (по правилам ч. 2 ст. 44 УК РК) достаточно противоречив, в силу чего «объем ограничений и обязанностей при применении пробационного контроля в качестве принудительной меры воспитательного воздействия требует корректировки» [117, с. 234-235]. Само содержание понятия «принудительные меры воспитательного воздействия» предполагает, что они имеют своей целью не наказание, а коррекционное воздействие на осужденного несовершеннолетнего, целью которого является его перевоспитание и нивелирование рисков криминального поведения в будущем. Именно по этой причине принудительные меры воспитательного воздействия применяются к несовершеннолетним как своего рода альтернатива уголовной ответственности и наказания (ст. 83 УК РК) [10].

Следует отметить, что весь перечень мер принудительного воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних был сформирован еще в ст. 82 УК РК 1997 г. и сложился полностью (за исключением именно пробационного контроля, который был включен только в

УК РК 2014 г.) после принятия Закона РК от 23 ноября 2010 года № 354-IV, которым была включена новая мера – «возложение обязательства принести извинение потерпевшему» [299]. При этом включение пробационного контроля в качестве отдельной меры принудительного воспитательного воздействия не было сопряжено с его обязательным соотношением с теми мерами, которые ранее уже были оформлены. В частности, содержание такой принудительной меры воспитательного воздействия, как «ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего» (п. 4 ч. 1 ст. 84 УК РК), предполагает возможность наложения на лицо правоограничений, связанных с запретом выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа и посещения определенных мест; ограничением пребывания вне дома после определенного времени и др. Фактически все перечисленные в ч. 4 ст. 85 УК РК ограничения в полной мере сопоставимы с понятием пробационного контроля, и они как раз сформулированы с учетом специфики образа жизни несовершеннолетних. При этом содержание принудительной меры воспитательного воздействия в форме ограничения досуга и установления особых требований к поведению (ч. 4 ст. 84 УК РК) в полной мере воспроизводит текст ч. 4 ст. 83 УК РК 1997 г., который действовал с момента принятия предшествующего уголовного закона.

Соответственно, приведенные суждения предполагают, что система мер принудительного воспитательного воздействия на несовершеннолетних должна быть подвергнута корректировке, наиболее предпочтительным вариантом которой являются следующие изменения:

- во-первых, осуществить объединение меры по ограничению досуга и установления особых требований к поведению с пробационным контролем как мер воздействия одного порядка, практически не имеющих четких оснований для их размежевания (в данном случае сохранение меры в форме пробационного контроля предпочтительнее в свете вектора развития уголовного и уголовно-исполнительного законодательства). Как отмечалось в исследованиях начальных периодов реализации принудительных мер воспитательного воздействия, ограничение досуга и установление особых требований к поведению не имели выраженной эффективности (гораздо более действенной мерой признавалась передача под надзор родителей) [300, с. 10]. Другие исследователи, напротив, обосновывали необходимость отказа от применения меры в виде передачи под надзор родителей, усматривая гораздо больший воспитательный эффект в различных формах ограничения досуга и установления особых требований к поведению [301, с. 7]. При этом сущность понятия «пробационный контроль» тяготеет именно к тому, чтобы связывать поведение лица, в отношении которого он устанавливается, с определенными ограничениями и обязанностями (очевидно, в том числе, и в качестве принудительной меры воспитательного воздействия);

- во-вторых, за основу определения содержания пробационного контроля в отношении несовершеннолетних в качестве принудительной меры воспитательного воздействия следует принять именно определение, сформулированное в ч. 4 ст. 85 УК РК. При этом соответствующий перечень

следует подвергнуть критическому анализу с точки зрения потребностей в его дополнении. В частности, учитывая распространенность такого негативного явления, как буллинг, среди несовершеннолетних, закономерен вывод о включении также такой обязанности, как запрет коммуницировать с отдельными лицами (в частности, с теми, кто состоял в правонарушающем групповом взаимодействии). Аналогично, если соответствующая травля имела место в сети Интернет (соцсетях), то будет обоснованным возложение запрета на отправку сообщений и иных способов общения с потерпевшими и иными лицами. Ранее упомянутая лудомания также имеет приоритетные риски именно среди несовершеннолетних, что может стать причиной совершенного ими уголовного правонарушения. В частности, в научных публикациях особо акцентируется внимание на спорности установления запрета на управление механическим транспортным средством (по причине того, что соответствующее право, само по себе, связывается с совершеннолетием), однако указывается, что суды сами применяют запреты на использование социальных сетей, а также на компьютерные игры [302, с. 113]. Также совершенно справедливо обосновывается целесообразность в ряде случаев устанавливать запрет на общение с лицами (как другими несовершеннолетними, так и взрослыми), чье негативное влияние способствовало криминальному поведению подростка [303, с. 77]. Безусловно, перечень обязанностей, возлагаемых при установлении пробационного контроля в качестве принудительной меры воспитательного воздействия, также должен быть открытым (как и в ч. 2 ст. 44 УК РК);

- детализация обязанностей при установлении пробационного контроля в качестве отдельной меры принудительного воспитательного воздействия может иметь роль отсылочного метода законодательной техники, который будет более логичным, нежели в существующем варианте (когда ч. 7 ст. 85 УК РК отсылает к редакции ч. 2 ст. 44 УК РК). В частности, предлагается, напротив, ч. 2 ст. 44 УК РК дополнить новым параграфом следующего содержания: *«На несовершеннолетних осужденных с учетом характера совершенного преступления, жизненной ситуации и образа жизни могут быть также возложены обязанности, предусмотренные частью седьмой статьи 85 настоящего Кодекса»* (в которой предполагается сформулировать содержание пробационного контроля в качестве принудительной меры воспитательного воздействия, исходя из ранее сформулированных замечаний).

Подводя итог заключительному подразделу диссертационного исследования, нами сформулированы следующие основные выводы (результаты).

Во-первых, сущность пробационного контроля, реализуемого МПС как самостоятельным субъектом, заключается в сочетании двух принципиально различных видов контрольной деятельности: в отношении лиц, условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы (в том числе, несовершеннолетних), и в отношении несовершеннолетних, которым пробационный контроль установлен в качестве принудительной меры воспитательного воздействия. Если в отношении условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы субъект в лице МПС

преимущественно определен по результату репликации предшествующих практик контроля в отношении лиц, к которым применено УДО, то в отношении несовершеннолетних лиц субъектность МПС большей частью связана с функционированием в ее структуре специальных подразделений по профилактической работе с несовершеннолетними лицами.

Во-вторых, суммированным результатом обоснования более оптимальных конструкций содержания обычного и усиленного пробационного контроля стали следующие предложения: 1) включение принудительного труда во все разновидности пробационного контроля, реализуемые службой пробации и МПС (за исключением тех лиц, которые перечислены в ч. 1 ст. 44 УК РК); 2) установление в рамках усиленного пробационного контроля большего объема принудительного труда (150 часов в год); 3) применение усиленного пробационного контроля распространить на лиц, допустивших нарушения в ходе отбывания ограничения свободы; в отношении условно осужденных за тяжкие преступления; в отношении условно-досрочно освобожденных от лишения свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления.

В-третьих, по причине явно выраженной гомогенности таких принудительных мер воспитательного воздействия, как «пробационный контроль» и «ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетних», осуществить их соединение в рамках единой конструкции пробационного контроля. При этом также следует: 1) актуализировать перечень обязанностей, возлагаемых на несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности с установлением пробационного контроля, за счет включения запретов на пользование определенными социальными сетями и на общение с иными несовершеннолетними или взрослыми лицами, чье негативное влияние способствовало совершению уголовного правонарушения несовершеннолетним; 2) ч. 2 ст. 44 УК РК дополнить новым параграфом следующего содержания: *«На несовершеннолетних осужденных с учетом характера совершенного преступления, жизненной ситуации и образа жизни могут быть также возложены обязанности, предусмотренные частью седьмой статьи 85 настоящего Кодекса»* (в которой предполагается сформулировать содержание пробационного контроля в качестве принудительной меры воспитательного воздействия).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История возникновения и становления пробационного контроля как одной из форм probation напрямую связана с развитием испытательного надзора в рамках условного осуждения и поспенитенциарного контроля, осуществляемого в отношении лиц, освобожденных по УДО от отбывания тюремного заключения, практика которых может быть признана оформленной ко второй половине XIX в. Поступательное развитие соответствующей социально значимой практики и ее осмысление в науке уголовного и уголовно-исполнительного права привели к тому, что в некоторых национальных моделях уголовно-исполнительного воздействия происходила унификация контрольно-надзорных мероприятий в отношении правонарушителей (осужденных). Вместе с тем большинство национальных практик к настоящему времени имеет значительно дифференцированный набор средств коррекционного воздействия на лиц, в отношении которых применяется probation, в том числе и с элементами поступательного снижения интенсивности контроля (в зависимости от поведения правонарушителя).

Несмотря на отсутствие сопоставимой дефиниции «пробационный контроль» в зарубежном законодательстве, деятельность большинства соответствующих служб в зарубежных странах в качестве подавляющего объема мероприятий включает именно контрольные и надзорные функции, осуществляемые с целью «испытания» лица, не подвергающегося физической изоляции по факту совершенного уголовного правонарушения. Существенным фактором, который в настоящее время реплицируется и в казахстанский опыт функционирования probation, является совмещение контрольных функций с мероприятиями по социально-правовому вспоможению, реализацией различных коррекционных программ (в ряде стран именно социальная помощь стала первым элементом в формировании последующих пробационных механизмов).

К настоящему времени в большинстве зарубежных практик имеются общие черты механизма пробационного воздействия: осуществление специализированным органом; широкое привлечение волонтеров и общественности; система специальных мер воздействия в отношении несовершеннолетних; схожие адресаты воздействия (лица, в отношении которых целесообразен режим испытания – условно осужденные, условно-досрочно освобожденные и т.д.); содержание пробационного контроля включает набор обязанностей и ограничений, возлагаемых судом; широкое использование возможностей электронного мониторинга за поведением осужденных и др. При этом в некоторых моделях предусматривается, в том числе, и помещение в специализированные учреждения преимущественно для осуществления лечения. Для большинства зарубежных стран характерны элементы гибкого воздействия, предполагающие различные варианты принимаемых решений в случаях, если лицо допускает те или иные нарушения режима испытания. Кроме того, во многих практиках имеет место режим

поступательного снижения интенсивности контроля, когда самый строгий вариант применяется на первоначальной стадии с последующим послаблением. Особенностью многих национальных моделей пробации является также активная роль подконтрольных лиц, реализуемая, в частности, в форме участия в разработке плана надзора (контроля) совместно с должностными лицами.

В Казахстане за достаточно непродолжительный период времени (с 2012 г.) пробационный контроль стал самостоятельным правовым институтом, представляющим собой разновидность контрольной деятельности государственных органов (службы пробации и полиции) по осуществлению контроля за исполнением лицами, в отношении которых он применен, обязанностей, возложенных законом и судом. Пробационный контроль стал первичным элементом внедряемого института пробации, что объясняется наличием схожего механизма в виде контроля за условно осужденными. Постепенно происходила трансформация статуса службы пробации в качестве субъекта, осуществляющего пробацию. Если в предыдущей редакции ст. 3 УИК РК она была представлена как орган УИС, «осуществляющий исполнительные и распорядительные функции по обеспечению исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества и оказывающий содействие осужденным, находящимся на его учете, в получении социально-правовой помощи», то в ст. 9 Закона РК «О пробации» и в редакции ст. 3 УИК РК служба пробации стала представлять собой государственный орган, на который возложены функции «по обеспечению исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества, а также организации и функционированию пробации».

Законом РК «О пробации» была произведена детализация значительного количества аспектов, связанных с функционированием оформленного института пробации: впервые были определены принципы осуществления пробации; конкретизированы лица, в отношении которых она применяется, закреплены их права и обязанности. Кроме того, в нем достаточно подробно определены субъекты, осуществляющие пробационную деятельность, их задачи и функции. К настоящему времени пробационный контроль, в соответствии с Законом РК «О пробации», составляет основное содержание приговорной пробации, которая реализуется в отношении осужденных к ограничению свободы и условно осужденных, равно как и в рамках постпенитенциарной пробации в отношении лиц, освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы по УДО в соответствии с нормами УИК РК, а также в качестве принудительной меры воспитательного воздействия, применяемой к несовершеннолетним. При этом пробационный контроль диспозитивно сопряжен с оказанием социально-правовой помощи (в случае согласия лица на ее получение). Все это свидетельствует о комбинировании в рамках понятия «пробационный контроль» разнородных по своему определению видов контрольного воздействия, что предполагает наличие объединяющего начала в самом характере пробационной деятельности.

В ходе исследования обосновано, что институт пробации в РК вводился посредством репликационного метода, предполагающего воспроизводство в новых условиях опыта, сложившегося в других государствах на протяжении

длительного периода времени, по причине чего именно приговорная пробация, реализуемая посредством пробационного контроля, стала наиболее успешным звеном полного «пробационного цикла», поскольку в качестве своей основы имела сформированную практику контрольной деятельности УИИ в отношении условно осужденных лиц (в отличие от иных форм пробации, где репликация привела к заметным затруднениям уже на первоначальных этапах).

Действующая казахстанская модель пробационного контроля в качестве объекта своего воздействия имеет правовой статус лица, в отношении которого он устанавливается, подвергающийся дозированной трансформации за счет применения ограничений и возложения обязанностей, соблюдение и выполнение которых и составляет содержание пробационного контроля. При этом риски чрезмерной трансформации правового статуса лиц, в отношении которых устанавливается пробационный контроль, нивелируются при соблюдении принципов пробационного воздействия, которые носят общеправовой, межотраслевой и отраслевой характер (последние имеют значение как правовых, так и организационных). Учитывая разницу официальных дефиниций понятия «пробационный контроль» в законодательстве РК, обоснована необходимость п. 2 ст. 5 Закона РК «О пробации» изложить в следующей редакции: *«Пробационный контроль представляет собой деятельность уполномоченных органов по осуществлению контроля за исполнением лицами, состоящими на их учете, обязанностей, возложенных на них законом и судом».*

В целях более последовательной реализации принципа дифференциации и индивидуализации карательно-коррекционного воздействия в рамках пробационного контроля в работе обоснована необходимость реконструкции механизма усиленного пробационного контроля, который следует применять в отношении лиц, условно осужденных за совершение тяжкого преступления, условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы, где они отбывали наказание за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в отношении иных категорий лиц, допустивших нарушение порядка пробационного контроля. Суммированным результатом обоснования более оптимальных конструкций содержания обычного и усиленного пробационного контроля стали следующие предложения: 1) включение принудительного труда во все разновидности пробационного контроля, реализуемые службой пробации и МПС (за исключением тех лиц, которые перечислены в ч. 1 ст. 44 УК РК); 2) установление в рамках усиленного пробационного контроля большего объема принудительного труда (150 часов в год); 3) применение усиленного пробационного контроля распространить на лиц, допустивших нарушения в ходе отбывания ограничения свободы; в отношении условно осужденных за тяжкие преступления; в отношении условно-досрочно освобожденных от лишения свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Действующие редакции статей УИК и Закона «О пробации» требуют внесения изменений, которые имеют как уточняющий (упорядочивающий) характер, так и являются результатом более полного учета изменений, внесенных в законодательные акты по вопросам осуществления пробационного

контроля. Необходимо: 1) дополнить ч. 1 ст. 19 УИК РК новым п. 4, расширяющим перечень случаев применения пробационного контроля его установлением в отношении лиц, которым наказание в виде штрафа, исправительных работ и привлечения к общественным работам было заменено ограничением свободы; 2) п. 2 ст. 12 Закона РК «О пробации» изложить в следующей редакции: *«приговорная пробация - деятельность и совокупность мер по установлению и осуществлению пробационного контроля в отношении лиц, осужденных к ограничению свободы, осужденных условно, а также в отношении лиц, которым ограничение свободы было назначено в качестве замены штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, и несовершеннолетних, которым пробационный контроль назначен судом в качестве принудительной меры воспитательного воздействия, и оказанию им социально-правовой помощи»; 3) редакция подп. 8 ст. 3 УИК РК и п. 1 ст. 9 Закона РК «О пробации» требует уточнения путем исключения ненадлежащей терминологии («пенитенциарная система»), а также учета всего функционала, возложенного на службы пробации: *«служба пробации – орган уголовно-исполнительной системы, осуществляющий исполнительные и распорядительные функции по обеспечению исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества и иных мер уголовно-правового воздействия, а также по организации и функционированию пробации».**

В работе был проанализирован вопрос о спорности существующей «наказательной» практики в отношении военнослужащих, которая не отвечает современным потребностям обеспечения обороноспособности и устойчивости кадрового состава ВС РК, в силу чего обоснована целесообразность снижения императивности норм Закона РК от 16 февраля 2012 г. № 561-IV «О воинской службе и статусе военнослужащих» в отношении увольнения осужденных по отрицательным мотивам за счет изменения существующей формулировки следующим образом: *«вступление в силу обвинительного приговора суда за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также назначение наказания в виде ограничения свободы или реального отбывания лишения свободы».* Соответственно, указанные изменения приведут к возможности оставления в рядах ВС РК условно осужденных военнослужащих, по причине чего требуется возврат к практике включения в субъектный состав уголовно-исполнительных отношений командования воинских частей, на которые и должна быть возложена функция осуществления пробационного контроля (как это было ранее представлено в ст. 181 УИК РК 1997 г.).

Приведена последовательная аргументация относительно того, что существующий перечень обязанностей, установленный ч. 2 ст. 44 УК РК, требует доработки для адекватного учета произошедших законодательных изменений, а также сложившейся к настоящему времени криминологической практики. В частности, отдельному обоснованию подверглись следующие выводы:

- помимо установления общей обязанности пройти лечение зависимостей от психоактивных веществ (независимо от того, находилась ли эта зависимость в структуре механизма формирования и реализации криминальной мотивации),

требуется установить запрет на употребление психоактивных веществ в отношении лиц, которые совершили уголовное правонарушение по причине *пагубного потребления* данных веществ, не связанного с наличием зависимости;

- включить обязанность, корреспондирующую с запретом на употребление психоактивных веществ и заключающуюся в установлении требования периодического освидетельствования, с признанием отказа от такого освидетельствования в качестве уклонения от пробационного контроля;

- обязанность осужденного, связанная с прохождением лечения, должна быть также дополнена указанием на «социально значимые заболевания, перечень которых устанавливается Министерством здравоохранения Республики Казахстан» (ВИЧ, туберкулез, вирусные гепатиты);

- включить дополнительную обязанность пройти лечение и медико-социальную реабилитацию от лудомании (как дополнительное мероприятие в рамках Комплексного плана по противодействию незаконному игорному бизнесу и лудомании в Республике Казахстан на 2024-2026 годы);

- ч. 2 ст. 44 УК РК должна быть дополнена следующей формулировкой: «В случае установления в отношении осужденного особых требований к поведению в порядке статьи 98-3 настоящего Кодекса, соответствующие ограничения включаются в содержание обязанностей, определяемых судом при установлении пробационного контроля».

Механизм унификации пробационного контроля (который необходим наряду с более глубокой дифференциацией и индивидуализацией пробационного воздействия) должен быть усилен за счет использования отсылочного приема, аналогичного тому, который применен в ст. 63 УК РК (отсылка к ч. 2 ст. 44 УК РК): ч. 4 ст. 174 УИК РК следует дополнить новым параграфом следующего содержания: *«Лица, осужденные условно, обязаны выполнять обязанности, предусмотренные частью первой статьи 66 настоящего Кодекса»*.

Организационно-правовой механизм деятельности как службы пробации, так и МПС по осуществлению пробационного контроля к настоящему времени можно признать вполне устоявшимся по причине того, что многие схожие функции сложились в соответствующей практике еще до внедрения института пробации и пробационного контроля. Вместе с тем существует ряд проблем, которые носят «затяжной» характер и препятствуют эффективной пробационно-контрольной деятельности. В целях оптимизации контрольных функций службы пробации и МПС по более эффективному отслеживанию пространственных перемещений осужденных (для установления фактов соблюдения или нарушения установленных законом и судом обязанностей и ограничений) обоснована необходимость разработки и внедрения в правоприменительную практику адресного мобильного приложения с функцией одновременной идентификации внешности и определения геолокации, которое посредством метода «случайной выборки» будет в автоматическом режиме определять местонахождение осужденного.

В работе последовательно обосновано, что имеется явный дефицит норм

поощрительного характера в вопросах реализации пробационного контроля, что существенно снижает динамизм коррекционно-карательного воздействия. В связи с чем сформулировано предложение о дополнении ст.ст. 64 и 72 УК РК положением, согласно которому будет подлежать учету факт общественно полезного поведения осужденного, выразившийся в его занятии волонтерской деятельностью со следующей формулировкой (применительно к ст. 63 УК РК): *«Условное осуждение может быть отменено по истечении одной трети установленного срока, если осужденный в течение года осуществлял волонтерскую деятельность в соответствии с законодательством Республики Казахстан, а также в случае его участия в ликвидации последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных и других катастроф, а также оказания помощи лицам, пострадавшим от них. При этом срок пробационного контроля к моменту рассмотрения вопроса об его отмене судом не может составлять менее одного года»* (ст. 72 УК РК должна быть дополнена аутентичной редакцией с пропорциональным сокращением сроков фактически отбытого наказания в виде ограничения свободы).

В качестве одного из промежуточных выводов диссертационного исследования было также указание на отсутствие прогрессивных механизмов в режиме отмены условного осуждения по факту позитивных изменений в поведении осужденного, по причине чего требуется внесение дополнения в ч. 1 ст. 64 УК РК следующего содержания: *«В случае отказа суда в отмене условного осуждения повторное внесение представления может иметь место не ранее чем по истечении шести месяцев со дня вынесения постановления об отказе»*.

Пробационный контроль как мера принудительного воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних обладает специфичной социально-правовой природой, отличающей его от всех иных мер пробационного воздействия. Учитывая то обстоятельство, что пробационный контроль практически идентичен такой принудительной мере воспитательного воздействия, как ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, обоснована целесообразность отказа от последней в пользу первого. Одновременно с этим следует: 1) актуализировать перечень обязанностей, возлагаемых на несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности с установлением пробационного контроля, за счет включения запретов на пользование определенными социальными сетями и на общение с иными несовершеннолетними или взрослыми лицами, чье негативное влияние способствовало совершению уголовного правонарушения несовершеннолетним; 2) ч. 2 ст. 44 УК РК дополнить новым параграфом следующего содержания: *«На несовершеннолетних осужденных с учетом характера совершенного преступления, жизненной ситуации и образа жизни могут быть также возложены обязанности, предусмотренные частью седьмой статьи 85 настоящего Кодекса»* (в которой предполагается сформулировать содержание пробационного контроля в качестве принудительной меры воспитательного воздействия).

Базарбаева

Базарбаева

Базарбаева

Базарбаева

Базарбаева

Базарбаева

Базарбаева

184
Базарбаева

Базарбаева

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Маликов Б.З. Лишение свободы в политике наказания и законодательстве России. – Самара: Самарский юридический институт Минюста России, 2003. - 230 с.

2 Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003. - 758 с.

3 Унербеков К. Испытание или отсрочка вынесения приговора... // Исполнение наказания. - 2013. - № 12.– С. 4-8.

4 Показатели тюремного населения по странам в 2024 году // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.bc9b035d-66f6a949-4f2d0db7-74722d776562/https/worldpopulationreview.com/country-rankings/incarceration-rates-by-country.

5 В Казахстане выросло тюремное население // <https://www.zakon.kz/obshestvo/6441974-v-kazakhstan-vyroslo-tyuremnoe-naselenie.html>.

6 Указ Президента Республики Казахстан. О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: издан 24 августа 2009 года, № 858.

7 Указ Президента Республики Казахстан. Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: издан 15 октября 2021 года, № 674.

8 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам службы пробации: принят 15 февраля 2012 года, № 556-IV.

9 Уголовный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года // <http://www.adilet.kz/>.

10 Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года // <http://www.adilet.kz/>.

11 Закон Республики Казахстан. О пробации: принят 30 декабря 2016 года // <http://www.zakon.kz/>.

12 Статистика по уголовно-исполнительной системе. Сайт Министерства внутренних дел РК // <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/activities/14769?lang=ru>.

13 Уголовно-исполнительное право Российской Федерации / под ред. И.Л. Трунова. – М.: Эксмо, 2005. - 768 с.

14 Курс уголовного права. Общая часть. - Т.1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 2002. - 624 с.

15 Уголовное право. История юридической науки / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Юридическая литература, 1978. - 345 с.

16 Хаитжанов А. Роль и значение института условного осуждения в современных условиях. – Пенза: ИИЦ ПГУ, 2005. - 75 с.

17 Эксперты предлагают усилить службу пробации в Казахстане // [http:// www.prisonforum.kz/](http://www.prisonforum.kz/).

18 Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. – М.: Юрлитинфор, 2009. - 448 с.

19 Шатанкова Е.Н. Условное осуждение и пробация за рубежом: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2008. - 24 с.

20 Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А.В. Смирнова. – СПб: Альфа, 1996. - Т. 2. - 606 с.

21 Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. – М.: Издание А.А. Карцева, 1912. - 668 с.

22 Ткачевский Ю.М. Понятие условного осуждения // Вестник МГУ. Серия 11 Право. - 2003. - № 3. – С. 36-51.

23 Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник уголовного права. Общая и Особенная части. – Киев: Южнорусское книгоиздательство Ф.А. Иогансона, 1903. - 628 с.

24 Мананников Д.Ю. О становлении института условного осуждения в уголовном праве // Гражданин и право. - 2007. - № 11. – С. 34-41.

25 Бурдо Е.П. Наказание по общему праву Англии, Уэльса и США (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Казань, 2007. - 207 с.

26 Шупилов В.П. Надзор за условно осужденными в основных капиталистических странах / отв. ред. Ю.Б. Мельникова – М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1971. - 108 с.

27 Бунденсон Улла. Надзор за отбывающими наказание на свободе / отв. ред. Шупилов В.П. – М.: Юридическая литература, 1979. - 271 с.

28 Гета М.Р. Пробация и ее перспективы в уголовном праве Республики Казахстан: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Усть-Каменогорск, 2000. - 221 с.

29 Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, 2003. - 576 с.

30 Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. - Т. 2. – Тула: Автограф, 2001. - 687 с.

31 Филимонов О.В. Посткриминальный контроль: теоретические основы правового регулирования / под ред. Н.И. Ланкина. – Томск: Томский университет, 1991. - 182 с.

32 Тимашев Н.С. Условное осуждение. – СПб: Типография М. Квара, 1914. - 566 с.

33 Люблинский П.И. Условное осуждение в иностранном и советском праве / под общ. ред. А.М. Винавера, М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. – М.: Право и жизнь, 1924. - 128 с.

34 Улицкий С.Я. Условно-досрочное освобождение из исправительных учреждений (история и современность). – Владивосток: Дальневосточный университет, 2002. - 132 с.

35 Астемиров З.А. Уголовно-исполнительное право. Общая часть: курс лекций. – М., 1999 // <http://www.pravo.vuzlib.net/>.

36 Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. – М.: Городец, 2007. - 240 с.

37 Уголовно-исполнительное право. Общая часть / под ред. Ю.И. Калинина. – Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2009. – 567 с.

38 История пенитенциарных учреждений со средних веков до начала XX века // <http://www.index.org.ru/>.

39 Астемиров З.А. Исправительные учреждения в зарубежных странах. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1972. - 95 с.

40 **Плюснин А.М.** Развитие института условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы. – Киров: Филиал НОУ ВПО «СПБивЭСЭП» в г. Кирове, 2007.- 107 с.

41 Дементьев С.С. Лишение свободы: тюрьмы, лагеря, колонии. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1996. - 309 с.

42 Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. – Петроград: Типография «Правда», 1914. – 684 с.

43 Гета М.Р. Концептуальная организационно-правовая модель пробации в Республике Казахстан // <http://www.lprc.kz/>.

44 Кантон Р. Прохождение пробации за рубежом // Европейский журнал пробации. Университет Бухареста. - 2009. - Т. 1.

45 Воронова Е.Л. Создание службы пробации в России // Вопросы ювенальной юстиции. - 2009. - № 3. – С. 24-29.

46 Уголовное право зарубежных государств. Наказание / отв. ред. Решетников Ф.М. – М.: Университет дружбы народов, 1975. - Вып. 4. - 210 с.

47 Сборник документов Совета Европы по предотвращению перенаселенности тюрем. – Страсбург: Директорат коммуникаций Совета Европы, 2015. - 169 с.

48 Курс уголовного права. Общая часть. - Т. 2. Учение о наказании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 1999. - 400 с.

49 Шупилов В.П. Институт пробации в уголовном праве Англии и США: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1968. – 16 с.

50 Голодов П.В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты // Преступление. Наказание. Исправление. Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН России. - 2011. - № 2. – С. 81-88

51 Нестеров А.Ю. Социальная значимость института пробации в России: отечественный и зарубежный опыт // Власть. - 2017. - № 11. – С. 11-115.

52 Фоглесон Т. Эффективные альтернативы тюремному содержанию в Российской Федерации. – Брюссель: ЕС Report on RF penalsystem, 2007.

53 Оксамытный В.В. Система уголовных наказаний в Англии / отв. ред. Чангули Г.И. – Киев: Наукова думка, 1977. - 143 с.

54 Стручков Н.А., Шупилов В.П. Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах. - Вып. 1. – М.: Академии МВД СССР, 1977. - 63 с.

55 Стручков Н.А., Шупилов В.П. Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах. - Вып. 4. Италия. Швеция. – М.: Академия МВД СССР, 1980. - 79 с.

56 Ежов А.Н., Селяков Н.А. Уголовное законодательство стран Европейского союза. – М., Архангельск: Юпитер, 2005. - 237 с.

57 Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. – М.: Проспект, 2009. - 336 с.

58 Кругликов Л.Л. Сравнительное уголовное право. – Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2013. - 100 с.

59 Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран // <http://www.pravo.vuzlib.net/>.

60 Целмс Г. Дорога в британскую тюрьму. Судьи на общественных началах // <http://www.index.org.ru/>.

61 Бобылева И., Тимошенко С. Пробация // Преступление и наказание. - 1992. - № 10. – С. 58-59.

62 Аистова Л.С., Краев Д.Ю. Уголовное право зарубежных стран. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. - 132 с.

63 Алибекова А.Б. Организационные аспекты функционирования службы пробации в Республике Казахстан // Қазақстанның ғылымы мен өмірі – Наука и жизнь Казахстана: Международный научно-популярный журнал. – 2018. - №6 (66). – С. 26-28.

64 Двенадцать требований, которые могут быть назначены в дополнение к приговору суда, не связанному с лишением свободы. – Лондон: Министерство юстиции Великобритании. Национальная служба исполнения наказаний. Управление службы пробации Лондона, 2005.

65 В Великобритании за педофилами следят со спутника с 2004 года // <http://www.pravo.ru>.

66 Зубарев С.М. Организация исполнения уголовных наказаний без изоляции осужденного от общества в зарубежных странах // Преступление, наказание, исправление: Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН России. - 2009. - № 10. – С. 66-69.

67 Ивашко Н.Н., Кунаш К.А., Луценко В.Е., Морозова А.Л. Службы пробации Великобритании и США. – Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2013. - 49 с.

68 Симонова Ю.И. Официальный визит казахстанских специалистов в Великобританию (г. Лондон; Уэльс) // <http://www.kostacademy.kz/>.

69 Дворянсков И.В., Сергеева В.В., Баталин Д.Е. Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России

(сравнительно-правовое исследование). – М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2004. - 90 с.

70 Современные Соединенные Штаты Америки. Энциклопедический справочник. – М.: Политиздат, 1988. - 544 с.

71 Мелешко Н.П., Тарло Е.Г. Уголовно-правовые системы России и зарубежных стран (криминологические проблемы сравнительного правоведения, теории, законодательной и правоприменительной практики). – М.: Юрлитинформ, 2003. - 304 с.

72 Уголовное законодательство зарубежных стран (Англия, США, Франция, Германия, Япония): сборник законодательных материалов / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Зерцало, 2001. - 352 с.

73 Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право / отв. ред. Власихин В.А. – М.: Наука, 1990. - 256 с.

74 Хуторская Н.Б. Институт пробации в США: уголовно-правовые, криминологические и организационно-управленческие аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 1992. - 24 с.

75 Кубанцев С.П. Применение пробации и досрочного освобождения от отбытия наказания в виде лишения свободы в США // Журнал российского права. - 2006. - № 1. – С. 121-132.

76 Стручков Н.А., Шупилов В.П. Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах. - Вып. 3. США. Япония. – М.: Академия МВД СССР, 1979. - 86 с.

77 Аскеров Э. Институт освобождения от уголовного наказания в уголовном законодательстве зарубежных стран // Уголовное право. - 2005. - № 4. – С. 8-10.

78 Калужина М.А. Особенности функционирования службы пробации в США // [http:// www.lexandbusiness.ru/](http://www.lexandbusiness.ru/).

79 Меркуров Г.С. Организация исполнения наказания в зарубежных странах. – М.: Академия МВД СССР, 1980. - Ч. 2. - 112 с.

80 Алибекова А.Б. О некоторых правовых и организационных аспектах деятельности службы пробации в Республике Казахстан // Ылым-Наука: Международный научный журнал. Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева. – 2017. - №2 (53), июнь. – С. 136-140.

81 Криминологические исследования в мире. – М.: Манускрипт, 1995. - 196 с.

82 Трикоз Е.Н. Становление уголовно-правовой системы Канады // Журнал российского права. - 2004. - № 8. – С. 138-146.

83 Уголовное право в Канаде // [http:// www.partners.academic.ru](http://www.partners.academic.ru)

84 Саломатин А.Ю., Сулейманова С.Т. Уголовное право Канады. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2005. - 85 с.

85 Тейлор Д. Совершенствование работы с молодежью группы риска в Российской Федерации. Пробация в Канаде // <http://www.mosmediator.narod.ru/>.

86 Сулейманова С.Т. Уголовное право Канады: основные институты общей части, их особенности и эволюция: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2013. - 24 с.

87 Ковалев Н.П. Пенитенциарные системы: сравнительный анализ организационно-правовых форм // <http://www.zakon.kz/>

88 Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть уголовного права / отв. ред. Кузнецова Н.Ф. – М.: Юридическая литература, 1991. - 288 с.

89 Служба пробации в Нидерландах // Совершенствование уголовного правосудия в Казахстане. – Астана: ОБСЕ, 2016. - 48 с.

90 Петре И.П. Система уголовного правосудия в Нидерландах в свете новой уголовной политики // Вестник МГУ. Серия 11. Право. - 1997. - № 1. - С. 57-76.

91 Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, С.С. Беляев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. - 320 с.

92 Швеция: пенитенциарная система // <http://www.pchela.ru/>.

93 Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору). – СПб.: Санкт-Петербургская общественная правозащитная организация «Гражданский контроль», 2005. - 220 с.

94 Платек М. Тюремная служба Швеции // <http://www.legislationline.org/>.

95 Служба пробации Финляндии: обзор / пер. с англ. Ю.М. Мазуриной. – Рязань: Академия ФСИН России, 2010. - 50 с.

96 Княжева И.М. Тюрьмы Скандинавии // <http://www.zakonia.ru/>.

97 Садыбеков Б. Тюремная система Швеции: отчет о командировке в город Стокгольм (Королевство Швеция) в период с 1 по 14 марта 2006 года. – Астана, 2006.

98 Чекунов С.А. Уголовно-исполнительная система Швеции // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. - 2004. - № 4. – С. 89-93.

99 Освобождение от наказания. Пробация в мире // <http://evcppk.ru/>.

100 Селиверстов В., Бриллиантов А., Багреева Е. Пенитенциарная система Финляндии // Преступление и наказание. - 1996. - № 12. – С. 22-24.

101 Исполнение наказаний в Норвегии // <http://www.ufsinmo.ru/>

102 Норвегия: преступление без наказания // <http://www.ont.by/>.

103 Тюрьмы мира // <http://www.kommersant.ru/>.

104 Государственная служба пробации Латвии // <http://www.probacija.lv/>.

105 Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. – М.: Прогресс, 1989. - 256 с.

106 Морозов Н., Михеев Р. Наказание в уголовном праве Японии // Закон. Интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья // <http://www.law.vl.ru/>.

107 Пенитенциария в Японии // <http://www.japantoday.ru/>.

108 Латвийская служба пробации // <http://www.mosmediator.narod.ru/>.

109 Постановление Правительства Республики Казахстан. Программа дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан на 2007-2009 годы: утв. 6 августа 2007 года, № 673 // <http://www.adilet.kz/>.

110 Рахимбердин К.Х. Служба пробации или ребрендинг уголовно-исполнительных инспекций Казахстана? // Евразийский юридический журнал. - 2011. - № 6. – С. 24-26.

111 Алибекова А.Б. Пробационный контроль как функциональный элемент современной уголовно-исполнительной политики Республики Казахстан // Вестник КазНУ. Казахский Национальный университет имени Аль-Фараби. Серия юридическая. – 2017. - №1 (81). – С. 333-335.

112 Уголовный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 16 декабря 1997 года (с изм. и доп. по сост. на 31.12. 2014 г.) // <http://www.adilet.kz/>.

113 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года (с изм. и доп. по сост. на 31.12. 2014 г.) // <http://www.adilet.kz/>.

114 Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года (с изм. и доп. по сост. на 31.12. 2014 г.) // <http://www.adilet.kz/>.

115 Федотов В. Пробация: в контексте гуманизации // Юридическая газета. – 2011. – 30 ноября // <http://www.ug.zanmedia.kz/>.

116 Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан. Правила организации деятельности службы пробации уголовно-исполнительной инспекции: издан 19 марта 2012 года, № 157 // <http://www.adilet.kz/>.

117 Юрченко Р.Н. О пробации. Комментарий к Закону Республики Казахстан от 15 февраля 2012 года № 556-IV // <http://www.zakon.kz/>

118 Постановление Правительства Республики Казахстан. Правила оказания социально-правовой помощи условно осужденным: утв. 28 апреля 2012 года, № 542 // <http://www.adilet.kz/>.

119 Алибекова А.Б. О некоторых вопросах службы пробации в Республике Казахстан // IV «Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С.В. Векленко. – Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2016. – С. 184-185.

120 Алибекова А.Б. Пробационный контроль как элемент системы исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы // Улучшение системы отбора и подготовки сотрудников полиции в свете Плана нации: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти профессора Кульжакаевой Розы Балбатыровны / под общ. ред. канд. юрид. наук Д.Т. Кенжетоева. – Караганда: Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, 2016. – С. 33-36.

121 Alibekova A.B. Issues of implementing the resocializing function of probation control in the Republic of Kazakhstan // JARLE-ASERS Publishing - Journal of Advanced Research in Law and Economics (ISSN 2068696X-Romania-Scopus), Volume VII, Winter), 7(21), p.1581-1587.

122 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам дальнейшей гуманизации уголовного законодательства и усиления гарантий законности в уголовном процессе: принят 18 января 2011 года // <http://www.adilet.kz/>.

123 Право, которое нельзя реализовать: электронные браслеты как альтернатива тюрьмы // <https://sotreport.kz/report/pravo-kotoroe-nelzya-realizovat-elektronnye-braslety-kak-alternativa-tyurme/> (дата обращения: 10.10.2023).

124 Базарбаева А.Б. К вопросу о международно-правовых основах деятельности службы пробации // Наука и образование в современном мире: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Караганды: РИО «Болашак-Баспа», 2018. – Т. 1. - С. 17-20.

125 В МВД вновь заговорили об использовании мобильных контролирующих устройств для осужденных // <https://kstnews.kz/news/society/item-39129> (дата обращения: 19.08.2023).

126 Лелюх В.Ф., Обернихина О.В. Влияние международно-правовых стандартов обращения с осужденными на их ресоциализацию // Уголовная юстиция. – 2020. - № 15. – С. 77-80.

127 Пугина О.А. Имплементация элементов системы общего права в российское законодательство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2004. – 28 с.

128 Азимов Н.Б. Теоретические основы имплементации норм международного права в уголовное законодательство Республики Таджикистан: автореф. дис. ... докт. юрид наук: 12.00.08. – М., 2013. – 45 с.

129 Пикин И.В., Пикина Т.В. Международные правовые стандарты в сфере регулирования правового статуса осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. - № 1. – С. 42-47.

130 Абайдельдинов Е.М. Некоторые современные приоритеты в имплементации норм международного права в Республике Казахстан // Вестник института законодательства Республики Казахстан. – 2012. - № 4(28). – С. 69-74.

131 Баймаханов М.Т., Баймаханова Д.М. Возрастающая роль международно-правового регулирования – особенность современного состояния прав человека // Журнал российского права. – 2009. - №11. – С. 78-87.

132 Сарсембаев М.А. Казахстанский Закон о Международных договорах в свете права международных договоров // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2010. - №1 (17). - С. 65-71.

133 Азнагулова Г.М. Рецепция права как форма взаимодействия национальных правовых систем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Казань, 2004. – 28 с.

134 Рыбаков В.А. Рецепция и правотворчество // Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2012. - № 2. - С. 18.

135 Сокольская М.В. Механизм правовой аккультурации // Журнал российского права. – 2015. - № 2. – С. 25-34.

136 Алибекова А.Б. Актуальные проблемы взаимодействия службы пробации с государственными и общественными институтами // Қазақстанның ғылымы мен өмірі – Наука и жизнь Казахстана: Международный научно-популярный журнал. – 2016. - №5 (40). – С. 31-33.

137 Ескатова Г.К. Исправительная система англоязычных стран // Уголовно-исполнительная система: право, экономика и управление. – 2009. - № 1. – С. 45.

138 Алибекова А.Б. К вопросу о пробационном контроле как разновидности контрольно-обеспечительной деятельности по исполнению наказаний, не связанных с изоляцией от общества // 25 лет Независимости РК: итоги и перспективы: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию Независимости РК и 45-летию учебного заведения, 23 сентября 2016 г. – Костанай: Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, 2016. – С. 245-248

139 Алибекова А.Б. Некоторые проблемы службы пробации Республики Казахстан при осуществлении предупредительной деятельности в отношении подучетных лиц // Актуальные вопросы современной науки: мат-лы Междунар. науч.-теорет. конф., посв. Посланию Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» (07 апреля 2017 г.). — Актобе: АЮИ МВД РК им. М. Букенбаева, 2017. — С. 21-23.

140 Фиронова В. Пробация в режиме апробации // <http://www.kp.kazpravda.kz/>.

141 Пояснительная записка к проекту Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (новая редакция) // <http://www.zakon.kz/>.

142 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года // <http://www.adilet.kz/>.

143 Постановление Правительства Республики Казахстан. Правила оказания социально-правовой помощи лицам, состоящим на учете службы пробации: утв. 23 октября 2014 года, № 1131 // <http://www.zakon.kz/>.

144 Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан. Правила организации деятельности службы пробации: издан 15 августа 2014 года, № 511 // <http://www.zakon.kz/>.

145 Приказ и.о. Министра внутренних дел Республики Казахстан. Правила осуществления контроля за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания: издан 19 сентября 2014 года, № 622 // <http://www.adilet.kz/>.

146 Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан.

Правила взаимодействия служб пробации и подразделений полиции по контролю за поведением лиц, состоящих на учетах служб пробации: издан 18 августа 2014 года, № 517 // <http://www.adilet.kz/>.

147 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам пробации: принят 30 декабря 2016 года, №39-VI ЗРК // <http://www.adilet.kz/>.

148 Указ Президента Республики Казахстан. Об утверждении Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017-2019 годы: издан 8 декабря 2016 года, № 387 // <http://www.adilet.kz/>.

149 Комментарий к Закону Республики Казахстан «О пробации» / под общ. ред. М.А. Кызылова. – Костанай: Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, 2017. - 240 с.

150 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения новой регуляторной политики в сфере предпринимательской деятельности и перераспределения отдельных функций органов внутренних дел Республики Казахстан: принят 30 декабря 2021 года, № 95-VII (с изм. и доп. по сост. на 01.03.2023 г.).

151 Закон Республики Казахстан. О правовых актах: принят 6 апреля 2016 года // <http://www.adilet.kz/>.

152 Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2001. - 776 с.

153 Общая теория государства и права. Академический курс / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало-М, 2001 // <http://www.tarasei.narod.ru/>.

154 Слепцов И.В. Уголовно-исполнительное право Республики Казахстан. Общая часть: в схемах и определениях. – Костанай: Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, 2017. - 366 с.

155 Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. – М.: Политиздат, 1977. - 381 с.

156 Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года // <http://www.adilet.kz/>.

157 Хмелевская Т.А. Правовое положение осужденных по законодательству России: учебное пособие. – Оренбург, 2018. – 70 с.

158 Миняева Т.Ф. Проблемы правового статуса личности осужденных в Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – 2001. – 389 с.

159 Селиверстов В.И. Правовое положение лиц, отбывающих наказание: теория и прикладные проблемы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – М., 1992. – 37 с.

160 Агабекян А.Л. Стандарты Совета Европы в сфере исполнения альтернативных («общинных») наказаний: эволюция и национальные

варианты реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. –Томск, 2022. – 29 с.

161 Указ Президента РК. Концепция развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 года: построение «человекоцентричной модели» - «Люди прежде всего»: издан 26 февраля 2021 г., № 522.

162 Сизый А.Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права как средство формирования правомерного поведения осужденных: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. – М., 1995. - 44 с.

163 Мелентьев М.П. Структура советского исправительно-трудового права. – Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1981. - 54 с.

164 Закон Республики Казахстан. О средствах массовой информации: принят 23 июля 1999 года // <http://www.adilet.kz/>.

165 Закон Республики Казахстан. О персональных данных и их защите: принят 21 мая 2013 года // <http://www.adilet.kz/>.

166 Паршин С.М. Тайна в уголовном законодательстве (теоретико-прикладное исследование). – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2006. - 201 с.

167 Трофимова В.Е. Уголовное законодательство России об охране личной и семейной тайны: становление, этапы развития // Молодой ученый. - 2013. - № 3. – С. 375-377.

168 Каунова А.А. К вопросу о понятии и сущности личной и семейной тайны // Молодой ученый. - 2013. - № 12. – С. 644-647.

169 Краткий философский словарь / под ред. А.П. Алексеева. – М.: Проспект, 2000. - 400 с.

170 Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан. Типовое положение о консультативно-совещательном органе при местных исполнительных органах по содействию деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового воздействия, а также организации социальной и иной помощи лицам, отбывшим уголовные наказания: издан 28 ноября 2014 года, № 853// <http://www.adilet.kz/>.

171 Алибекова А.Б. Особенности становления и развития службы пробации в Республике Казахстан // Наука и образование в современном мире: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. МОН РК, Академия «Болашак». – Караганды: РИО «Болашак-Баспа» 2016. – Т. 1. - Стр. 13-15.

172 Павлов И.Н. Принцип дифференциации и индивидуализации наказаний в уголовно-исполнительном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Рязань, 2011. – 25 с.

173 Санташов А.Л. Теоретические основы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – Казань, 2019. – 46 с.

174 Сундурова О.Ф. Усиление (отягчение) уголовного наказания: вопросы дифференциации и индивидуализации: автореф. дис...канд. юрид.

наук: 12.00.08. – Казань, 2004. – 24 с.

175 Гараева А.Р. Смягчение наказания при его исполнении в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Казань, 2007. – 24 с.

176 Ларина Л.Ю. Совокупность преступлений: уголовно–правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Рязань, 2011. – 242 с.

177 Скобелин С.Ю. Условное осуждение в отечественном уголовном праве: монография. – Тюмень, 2012. – 168 с.

178 Дядькин Д. Конкуренция норм о назначении наказания в виде ограничения свободы с нормами об условном осуждении // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 33-39.

179 Жабский В.А. Наказание по уголовному законодательству зарубежных стран: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – Рязань, 2010. – 38 с.

180 Степашин В.М. Назначение наказания в виде ограничения свободы // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2010. – № 3. – С. 192-199.

181 Агзамов И.М. Условное неприменение уголовного наказания как комплексный правовой институт: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2013. – 521 с.

182 Орлов В.Н. Применение и отбывание уголовного наказания: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2015. – 56 с.

183 Лифанова М.В., Байбурин Р.И. Правовая природа условного осуждения // Символ науки. – 2019. – №11. – С. 73-75.

184 Макарова В.В. Преступления, совершаемые условно осужденными: современное состояние и основные направления профилактики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Рязань, 2019. – 25 с.

185 Маликов Б.С. Условное осуждение – форма условного наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 2 (18). – С. 14-18.

186 Веретина Ю.А., Якушин В.А. Условное осуждение в Российской Федерации и Республике Казахстан // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2017. – Т. 1. – № 3. – С. 85-91.

187 Бузина М.В. Испытательные сроки, устанавливаемые осужденным (правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Рязань, 2014. – 25 с.

188 Пичугин С.А. Рецидив преступлений среди условно осужденных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2007. – 26 с.

189 Алимписев А.А. О реализации института условного осуждения в Республике Казахстан: тенденции и вопросы правоприменения // Вестник института законодательства и правовой информации РК. – 2024. – № 1 (76). – С. 238-249.

190 Форма №10. О числе лиц, в отношении которых вынесены

судебные акты (декабрь 2023 г.): правовой портал КПСиСУ Генпрокуратуры РК // <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>.

191 Бекетов О.И. Полицейский надзор: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14. – Челябинск, 2011. – 36 с.

192 Саламатов Е.А. Проблемы казахстанской пробации // https://aqparat.info/news/2017/01/09/8436000-problemy_kazahstanskoi_probacii_salamato.html.

193 Степашин В.М. Содержание принципа экономии репрессии / В.М. Степашин // LexRussica. – 2017. – № 11. – С. 24–37.

194 Дворянсков И.В., Фирсова А.П. Вопросы дифференциации в механизме уголовно-правового воздействия: постановка проблемы // Пенитенциарная наука. – 2019. – С. 483-491.

195 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов: принят 12 июля 2018 года, № 180-VI // <http://www.adilet.kz/>.

196 Постановление Верховного Суда Республики Казахстан. О судебной практике по делам об уголовных правонарушениях несовершеннолетних и о вовлечении их в совершение уголовных правонарушений и иных антиобщественных действий: утв. 11 апреля 2002 года, № 6 // <http://www.adilet.kz/>.

197 Популярный юридический энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. - 800 с.

198 Пенитенциарная система по словарю Брокгауза и Ефрона // <http://www.tolkslovar.ru/>.

199 Большой словарь иностранных слов // <https://www.gufo.me/>.

200 Закон Республики Казахстан. Об органах внутренних дел Республики Казахстан: принят 23 апреля 2014 года, № 199-V ЗРК // <http://www.adilet.kz/>.

201 Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан. Правила взаимодействия подразделений органов внутренних дел Республики Казахстан по осуществлению учета лиц, освобожденных из мест лишения свободы: издан 30 января 2016 года, № 89// <http://www.adilet.kz/>.

202 Алибекова А.Б. Актуальные проблемы организации деятельности службы пробации в Республике Казахстан // Международный научно-популярный журнал «Қазақстанның ғылымы мен өмірі – Наука и жизнь Казахстана». – 2017. - №1 (43). – С. 226-228.

203 Кравец Ю.П. Условное осуждение по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 1991. - 26 с.

204 Горяйнова Е.А. Условное осуждение по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 1987. - 25 с.

205 Закон Республики Казахстан. О воинской службе и статусе военнослужащих: принят 16 февраля 2012 года, № 561-IV (с изм. и доп. по сост. на 09.09.2024 г.).

206 Дубовцев Г.Ф. Военная безопасность Республики Казахстан: опыт, актуальные проблемы, основные направления обеспечения: монография. – Астана, КИСИ при Президенте РК, 2018. – 218 с.

207 Указ Президента Республики Казахстан. Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан: издан 29 сентября 2017 года, № 554.

208 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам ответственности военнослужащих: принят 10 июля 2009 года, № 177-IV.

209 О воинской обязанности и воинской службе: Закон Республики Беларусь № 1914-ХІІ от 5 ноября 1992 г. (в редакции Закона Республики Беларусь от 3 апреля 2024 г. № 363-З) // <https://etalonline.by/document/?regnum=V19201914>.

210 Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изм. и доп. по сост. на 12.07.2024 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984.

211 О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон № 53-ФЗ от 28 марта 1998 г. (в редакции от 02.10.2024) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/d8ba8171f6e944b1dc563df7d03c02836a574238/.

212 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в редакции от 02.10.2024) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

213 219 Закон Республики Казахстан. О воинской обязанности и воинской службе: принят 8 июля 2005 года № 74 (утратил силу) // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000074>.

214 Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс в 10-ти томах. Т. 2. Виды уголовного наказания: дополнительные, специальные, не применяющиеся / под ред. Н. А. Лопашенко. - М.: Юрлитинформ, 2020. - 736 с.

215 Петухов Н. К вопросу о совершенствовании военно-уголовного законодательства Российской Федерации // Уголовное право. - 2002. - № 2. - С. 55–57.

216 Закомолдин Р. В. Подсистема специальных воинских видов уголовного наказания // Правопорядок: история, теория, практика. - 2021. - № 2 (29). - С. 74–80.

217 Денисович В. В., Панина М. О., Денисова Д. В. Проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний в отношении военнослужащих // Вестник Уральского института экономики, управления и права. - 2022. - №2 (59). - С. 30-37.

218 Бодаевский В.П. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности и наказания военнослужащих // LexRussia. – 2020. – Т. 73. - № 6(163). – С. 96-109.

219 Сивов В.В. Специальные виды уголовных наказаний, применяемых к военнослужащим: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Екатеринбург, 2012. – 27 с.

220 Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века / под ред. А.И. Зубкова. – М.: Норма, 2006. - 720 с.

221 Трудовой кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года // <http://www.adilet.kz/>.

222 О браке (супружестве) и семье: Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 года // <http://www.adilet.kz/>.

223 Ломако В.А. Применение условного осуждения. – Харьков: Вища школа, 1976. – 126 с.

224 Юридический энциклопедический словарь / под ред А.Я. Сухарева. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 415 с.

225 Закон Республики Казахстан. О жилищных отношениях: принят 16 апреля 1997 года, №94 // <http://www.adilet.kz/>.

226 Закон Республики Казахстан. О миграции населения: принят 22 июля 2011 года, № 477-IV. // <http://www.adilet.kz/>.

227 Перетяцько Н.М., Рождествова А.А. Актуальные вопросы применения ограничения свободы и домашнего ареста. – М.: КНОРУС, 2010. - 96 с.

228 Гета М.Р. Ограничение свободы: новелла уголовного закона // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск: Томский университет, 2010. – С. 67-69.

229 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам здравоохранения: принят 7 июля 2020 года, № 361-VI ЗРК // <http://www.adilet.kz/>.

230 Дмитриева Т.Б., Игонин А.Л., Клименко Т.Б., Пищикова Л.Е., Кулагина Н.Е. Сравнительная характеристика основных групп психоактивных веществ // Клиническая наркология. - 2002. - № 5. – С. 8-15.

231 О здоровье народа и системы здравоохранения: Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI (с изм. и доп. по сост. на 09.09.2024 г.) // <http://www.adilet.kz/>.

232 Печальная статистика алкогольной преступности // <https://www.narkolog-24.ru/>.

233 Алкоголизм и преступность - прямая взаимосвязь? // <http://www.brositpitlegko.ru/>.

234 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам игорного бизнеса, лотерейной деятельности, охраны здоровья,

государственной инспекции труда, государственного контроля и исключения излишней законодательной регламентации: принят 8 июля 2024 года, № 116-VIII.

235 Закон Республики Казахстан от 12 июля 2018 года № 180-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов».

236 Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.09.2024 г.).

237 Киселев М.В., Алфимова О.А. Правовые последствия состояния опьянения осужденных к лишению свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. –2014. - С. 13-16.

238 Заболевания, передающиеся половым путем // <https://www.ru.wikipedia.org/>.

239 Соколова М.П. ИППП: виды, способы передачи ИПП, симптомы, диагностика, лечение // <https://www.polyclin.ru/>.

240 Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан. Об утверждении Перечня социально значимых заболеваний: издан 23 сентября 2020 года, № ҚРДСМ-108/2020.

241 Токаев о лудомании в Казахстане: не можем смотреть, как молодежь губит себя // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-ludomani-kazahstane-ne-mojem-smotret-molodej-gubit-529383/.

242 Постановление Правительства Республики Казахстан. Об утверждении Комплексного плана по противодействию незаконному игорному бизнесу и лудомании в Республике Казахстан на 2024-2026 годы: утв. 31 мая 2024 года, № 432.

243 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей: принят 15 апреля 2024 года, № 72-VIII.

244 Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Казахстан / под ред. Д.С. Чукмаитова. – Астана: ТОО «Полиграфический центр Мастер-Принт», 2007. - 444 с.

245 Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Зубков. – М.: ИНФРА-М - НОРМА, 1997. – 396 с.

246 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности: принят 27 декабря 2019 года, № 292-VI (с изм. и до. по сост. на 01.01.2023 г.).

247 Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2021 года № 95-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения новой регуляторной политики

в сфере предпринимательской деятельности и перераспределения отдельных функций органов внутренних дел Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.06.2024 г.).

248 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам дактилоскопической и геномной регистрации: принят 30 декабря 2016 года, № 41-VI ЗРК // <http://www.adilet.kz/>.

249 Закон Республики Казахстан. О дактилоскопической и геномной регистрации: принят 30 декабря 2016 года, № 40-VI ЗРК. // www.adilet.kz/.

250 Закон Республики Казахстан. О документах, удостоверяющих личность: принят 29 января 2013 года, № 73-V // <http://www.adilet.kz/>.

251 Алкогольные напитки // <https://www.foodandhealth.ru/>.

252 Действие наркотиков и их последствия // <https://www.yandex.kz/>.

253 Постановление Правительства Республики Казахстан. Об утверждении Списка наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, подлежащих контролю в Республике Казахстан, Сводной таблицы об отнесении наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, обнаруженных в незаконном обороте, к небольшим, крупным и особо крупным размерам, Списка заместителей атомов водорода, галогенов и (или) гидроксильных групп в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ: утв. 3 июля 2019 года, № 470 // <http://www.adilet.kz/>.

254 Постановление Верховного суда Республики Казахстан. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания и сокращения срока назначенного наказания: утв. 2 октября 2015 года, № 6 // <http://www.adilet.kz/>.

255 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан: принят 21 декабря 2002 года, № 363-II.

256 Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Казахстан / под общей ред. К.Н. Касымова. – Астана: РГП «Енбек» КУИС МВД РК, 2014. - 536 с.

257 Закон Республики Казахстан. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: принят 15 июля 1996 года, №28-1 // <http://www.adilet.kz/>.

258 Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан. Правила ведения и использования специальных учетов лиц, совершивших уголовные правонарушения, привлекаемых к уголовной ответственности, лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение уголовного правонарушения и дактилоскопического учета задержанных, содержащихся под стражей и осужденных лиц: издан 27 февраля 2018 года, № 29.

259 Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2021 года № 95-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты

Республики Казахстан по вопросам внедрения новой регуляторной политики в сфере предпринимательской деятельности и перераспределения отдельных функций органов внутренних дел Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.06.2024 г.).

260 Закон Республики Казахстан от 21 декабря 2002 года № 363-III О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан

261 Комбаров Р.В. Правовое положение лиц, осужденных к наказанию в виде ограничения свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Вологда, 2014. - 235 с.

262 Минязева Т.Ф. Правовое положение осужденных. – М.: Права человека, 2000. - 212 с.

263 Постановление Правительства Республики Казахстан. Об утверждении перечня электронных средств слежения, используемых службой пробации уголовно-исполнительной системы и сотрудниками полиции органов внутренних дел Республики Казахстан, и внесении изменений в постановления Правительства Республики Казахстан от 26 марта 2014 года № 266 «Об утверждении Правил превентивных посещений группами, формируемыми из участников национального превентивного механизма» и от 2 апреля 2014 года № 301 «Об утверждении Правил возмещения расходов участников национального превентивного механизма по превентивным посещениям»: утв. 7 ноября 2014 года, № 1180 // <http://www.adilet.kz/>.

264 Электронную систему средств слежения разработали в МВД Казахстана // <http://www.zakon.kz/>.

265 Постановление Правительства Республики Казахстан. Цифровой Казахстан: утв. 12 декабря 2017 года, № 827 (утратило силу 17.05.2022 г.) // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827> (дата обращения 18.08.2022).

266 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474.

267 Постановление Правительства Республики Казахстан. Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024-2029 годы: утв. 24 июля 2024 года, № 592.

268 Михайленко Н.В. Актуальные проблемы трансформации органов внутренних дел в условиях цифровой экономики // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. – 2019. - № 1 (3). – С. 147-152.

269 Закон Республики Казахстан. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: принят 7 января 2003 года, № 370.

270 Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан. Об утверждении Правил создания, использования и совершенствования информационных систем, информационно-коммуникационных и телекоммуникационных сетей, сетей связи: издан 3 июля 2014 года, № 410.

271 Токарева С.Н. Цифровизация в деятельности органов правопорядка // Регионы России: стратегии и механизмы модернизации,

инновационного и технологического развития: сборник мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. - М., 2019. - С. 590-592.

272 В Казахстане за условно осужденными будут следить через смартфоны // <https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/press/news/details/194904?lang=ru>.

273 Иванова К.А. Право граждан на защиту геолокации и конфиденциальности в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. - № 9. – С. 33-38. С. 34.

274 Ткачевский Ю.М. Исполнение условного осуждения // Вестник МГУ. Серия 11. Право. - 2005. - № 4. – С. 3-18.

275 Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан. Правила организации выполнения общественных работ лицами, осужденными к данному виду наказания: издан 2 июня 2017 г., № 386 // <http://www.adilet.kz/>.

276 Об административных правонарушениях: Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года, 235-V ЗРК // <http://www.adilet.kz/>.

277 Юридический энциклопедический словарь / под ред А.Я. Сухарева. – М.: Советская энциклопедия, 1984. - 415 с.

278 Большая юридическая энциклопедия / авт.- сост. А.Б. Барихин. – М.: Книжный мир, 2010. - 960 с.

279 Сизый А.Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права как средства формирования правомерного поведения осужденных: проблемы теории и практики: автореф. дис...докт. юрид наук. – М., 1995. – 44 с.

280 Адилев Б.К. Характеристика принципов уголовно-исполнительного законодательства // Бюллетень науки и практики. – 2020. – Т. 6. - № 1. – С. 303-397.

281 Чириков А.Г., Кундозерова Л.И., Силенков В.И., Остряков И.А. Социальные лифты как система стимулов законопослушного поведения осужденных к лишению свободы // Фундаментальные исследования. – 2013. - № 6 (часть 3). – С. 762.

282 Ковалев М.В. Институты поощрения осужденных в уголовном и уголовно-исполнительном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Курск, 2020. – 207 с.

283 Попова В.В. Поощрительные нормы современного российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Омск, 2015. – 27 с.

284 Закон Республики Казахстан. О волонтерской деятельности: принят 30 декабря 2016 года, № 42-VI (с изм. и доп. по сост. на 01.01.2024 г.).

285 Закон Республики Казахстан. О профилактике правонарушений: принят 29 апреля 2010 года, № 271-IV // <http://www.adilet.kz/>.

286 Закон Республики Казахстан. О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности: принят 9 июля 2004 года, №591 // <http://www.adilet.kz/>.277

287 Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан. Правила организации деятельности участковых инспекторов полиции по делам несовершеннолетних органов внутренних дел: издан 29 декабря 2015 года, № 1098 // <http://www.adilet.kz/>.

288 Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан. Правила организации деятельности участковых инспекторов полиции, ответственных за организацию работы участкового пункта полиции, участковых инспекторов полиции и их помощников: издан 29 декабря 2015 года, № 1095// <http://www.adilet.kz/>.

289 Яворский М.А., Гусева Е.В., Курушин С.А. Особенности мотивации осужденных к трудовой деятельности // Вестник Самарского юридического института. – 2023. - № 5 (56). – С. 80-86.

290 Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / под ред. И. Борисовой. - М., 1999. - 480 с.

291 Химеденова Д.Н. Назначение и исполнение наказания в виде принудительных работ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. – Курск, 2023. – 26 с.

292 Галкин В.Л. Особенности назначения наказания в виде лишения свободы лицам, совершившим насильственные тяжкие и особо тяжкие преступления в несовершеннолетнем возрасте. – М.: Палеотип, 2006. - 228 с.

293 Курс советской криминологии. Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред.: Карпеца И.И., Коробейникова Б.В., Кудрявцева В.Н. – М.: Юридическая литература, 1985. - 416 с.

294 Чугаев А.П. Индивидуализация ответственности за преступления и ее особенности по делам несовершеннолетних. – Краснодар: Кубанский университет, 1979. - 96 с.

295 Трунов И.Л., Айвар Л.К. Вопросы уголовного права и уголовной политики в отношении несовершеннолетних // Журнал российского права. - 2005. - № 10. – С. 27-38.

296 Соколова Я.Е. Проблемные вопросы применения принудительных мер воспитательного воздействия // NovaInfo.Ru. - 2017. - № 66. – Т. 1. – С. 205-209.

297 Слепцов И.В. Международные соглашения и рекомендации, определяющие стандарты обращения с правонарушителями и основные направления подготовки персонала исправительных учреждений. – Костанай: Академия КУИС МВД РК, 2012. - Ч. 1. - 264 с.

298 Тюрина И.Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как вид освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Краснодар, 2016. – 28 с.

299 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по

вопросам обеспечения защиты прав ребенка: принят 23 ноября 2010 года, № 354-IV.

300 Ревякина Л.А. Индивидуальное предупреждение преступного поведения несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Ростов-на-Дону, 2004. – 28 с.

301 Поводова Е.В. Принудительные меры воспитательного воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2005. – 36 с.

302 Иванов С.А., Митинян М.А., Душина Т.В. Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего как принудительная мера воспитательного воздействия // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. - № 5. – С. 11-114.

303 Чернышев Р.М. Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего как принудительная мера воспитательного воздействия // Вестник магистратуры. – 2021. - № 1-4 (112). – С. 76-78.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Результаты анкетирования сотрудников службы пробации г. Астаны и Акмолинской области, г. Караганды и Карагандинской области, г. Костаная и Костанайской области

№	Вопрос	Категория	Процент
1	Укажите Ваш возраст:	до 20 лет	0%
		20-25 лет	7%
		26-30 лет	47%
		31-40 лет	37%
		старше 40 лет	9%
2	Общий стаж Вашей работы:	1 год	2%
		до 3 лет	7%
		до 5 лет	14%
		до 10 лет	42%
		до 15 лет	21%
		свыше 15	14%
3	Стаж работы в уголовно-исполнительной системе:	1 год	2%
		3 года	5%
		до 5 лет	14%
		до 10 лет	51%
		до 15 лет	19%
		свыше 15 лет	9%
4	Укажите точное количество подучетных лиц на обслуживаемой Вами территории:	от 20 до 30	3 %
		от 30 до 35	32 %
		от 35 до 40	41 %
		от 40 до 45	8 %
		от 45 до 50	10 %
		свыше 50	6%
5	Как Вы, в целом, оцениваете поведение лиц, в отношении которых установлен пробационный контроль?	удовлетворительное, стабильное	12%
		удовлетворительное, но достигается только за счет постоянного контроля	57%
		не вполне удовлетворительное (достаточно часто имеются нарушения)	23%
		неудовлетворительное	8%
6	Какие чаще всего нарушения допускают лица, в отношении которых установлен пробационный контроль? (Респондентам было предложено выбрать не более 2-3 вариантов)	несвоевременное прибытие на учет в службу пробации	19%
		любые, связанные с порядком отбывания наказания (меры уголовно-правового воздействия)	62%
		несвоевременное прибытие в службу пробации для участия в профилактической беседе	18%
		несвоевременное информирование службы пробации об изменении места работы и (или) жительства	11%
		нарушение требования о пребывании по месту жительства	23 %

		нарушение требования по лечению от зависимостей	8 %
		иное (укажите свой вариант ответа)	0%
7	Какую форму поведения осужденных, в отношении которых установлен пробационный контроль, контролировать труднее всего? (Респондентам было предложено выбрать не более 2-3 вариантов)	обязанность пройти лечение	4%
		обязанность пребывать по месту жительства в определенное время	91%
		исполнение принудительного труда	2%
		обязанность не выезжать за пределы региона проживания	11%
		обязанность не выезжать за пределы РК	0%
		обязанность трудоустроиться	5%
		обязанность закончить обучение	5%
		обязанность оказывать материальную поддержку семье	14 %
8	Оцените уровень рецидива (повторности) преступлений со стороны лиц, находящихся под пробационным контролем.	стабильно высокий	24%
		стабильно умеренный	68%
		стабильно невысокий	4%
		затрудняюсь с ответом	4%
		иное	0 %
9	Как Вы считаете, каким образом более эффективно восполнить дефицит электронных средств слежения в настоящее время?	увеличить штат сотрудников	6%
		выделить дополнительное финансирование на их приобретение	6%
		использовать возможности мобильных телефонов (например, мобильных приложений)	87%
		использовать помощь волонтеров	1%
		иное (укажите свой вариант ответа)	0%
10	Считаете ли Вы перечень обязанностей, определенных ст. 44 УК РК, достаточным для успешной реализации функции пробационного контроля?	да, так как суд может дополнительно возложить иные обязанности	11%
		да, так как исполнения этих обязанностей достаточно для исправления	14%
		да	48%
		нет, данный перечень уже не отвечает потребностям практики	23%
		затрудняюсь с ответом	4%
11	Какую из указанных категорий осужденных Вы считаете наиболее «сложной» в процессе реализации пробационного контроля?	все условно осужденные	8%
		условно осужденные за тяжкие преступления	28%
		приговоренные к ограничению свободы и привлекаемые к принудительному труду	19%
		приговоренные к ограничению свободы и не привлекаемые к принудительному труду	8%
		лица, которым ограничение свободы назначено как замена лишения свободы	27%
		нет существенных различий	10%

12	Считаете ли Вы, что в отношении отдельных категорий осужденных (например, нарушителей условий пробационного контроля) целесообразно использовать более интенсивный надзор?	нет, существующих механизмов достаточно	11 %
		нет, лучше сразу отменять пробационный контроль и направлять в места лишения свободы	33 %
		да, существующих мер реагирования недостаточно	66%
13	Укажите, какая нагрузка, по Вашему мнению, в перспективе должна приходиться на одного инспектора пробации для успешной работы в рамках пробационного контроля?	10-15 подучетных	32%
		15-25 подучетных	54%
		иное (укажите свой вариант ответа – указали ~30-40 подучетных)	14%
14	Считаете ли Вы, что всех лиц, находящихся под пробационным контролем, следует привлекать к принудительному труду (с учетом требований ч. 1 ст. 44 УК РК)?	нет, так как он должен применяться только в рамках назначенного наказания	7%
		нет, так как это увеличит нагрузку на службу пробации	26%
		да, так как труд является одним из основных средств исправления осужденного	67%
15	Состоят ли на Вашем учете осужденные военнослужащие, оставленные в рядах Вооруженных сил РК (например, при назначении им исправительных работ)?	нет, такой практики не было	95%
		нет, но мне известны единичные случаи	1%
		да, такая практика имеет место	0%
		затрудняюсь с ответом	4%
		иное	0%
16	Как Вы считаете, целесообразно ли привлекать волонтеров в службу пробации для выполнения определенных задач на добровольной и безвозмездной основе?	считаю необходимым	19%
		считаю лишним подобное участие	34%
		возможно, в отдельных случаях	47%
		иное (укажите свой вариант ответа)	0%

17	Как Вы оцениваете систему поощрительных норм в отношении осужденных с точки зрения возможности досрочного снятия пробационного контроля?	в целом, достаточная	39%
		удовлетворительная, но недостаточно гибкая	18%
		следовало бы включить дополнительные стимулы	34%
		затрудняюсь с ответом	9%
		иное (укажите свой вариант ответа)	0%
18	Считаете ли Вы, что следует законодательно предусмотреть срок повторного обращения об отмене пробационного контроля при условном осуждении (например, через 6 месяцев)?	да, это необходимо для упорядочивания практики	77%
		нет, существующие механизмы вполне удовлетворительны	21 %
		затрудняюсь с ответом	2%
		иное	0%

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Результаты анкетирования сотрудников МПС г. Астаны и Акмолинской области, г. Караганды и Карагандинской области, г. Костаная и Костанайской области по вопросам осуществления пробационного контроля

№	Вопрос	Категория	Процент
1	Укажите Ваш возраст:	до 20 лет	0%
		20-25 лет	9%
		26-30 лет	53%
		31-40 лет	33%
		старше 40 лет	5%
2	Общий стаж Вашей работы:	1 год	4%
		до 3 лет	11%
		до 5 лет	24%
		до 10 лет	26%
		до 15 лет	21%
		свыше 15	14%
3	Стаж работы в полиции:	1 год	12%
		3 года	17%
		до 5 лет	13%
		до 10 лет	35%
		до 15 лет	15%
		свыше 15 лет	8%
4	Укажите более или менее точное количество лиц, в отношении которых Вы в настоящее время осуществляете пробационный контроль по факту освобождения по УДО из мест лишения свободы	до 10	21%
		от 10 до 20	58%
		от 20 до 30	10 %
		от 30 до 35	11 %
		от 35 до 40	0 %
		от 40 до 45	0 %
		от 45 до 50	0 %
свыше 50	0%		
5	Как Вы, в целом оцениваете поведение лиц, в отношении которых установлен пробационный контроль по факту УДО?	удовлетворительное, стабильное	14%
		удовлетворительное, но достигается только за счет постоянного контроля	61%
		не вполне удовлетворительное (достаточно часто имеются нарушения)	19%
		неудовлетворительное	6%
6	Какие чаще всего нарушения допускают лица, в отношении которых установлен пробационный контроль по факту УДО? (Респондентам было предложено выбрать не более 2-3 вариантов)	несвоевременное прибытие на учет	7%
		любые нарушения, связанные с порядком пробационного контроля	67%
		несвоевременное прибытие для участия в профилактической беседе	5%
		несвоевременное информирование об изменении места работы и (или) жительства	5%
		нарушение требования о пребывании по месту жительства	31 %

		нарушение требования по лечению от зависимостей	4 %
		употребление алкоголя и (или) наркотических средств либо психотропных веществ	22%
		иное (укажите свой вариант ответа)	0%
7	Какую форму поведения осужденных, в отношении которых установлен пробационный контроль, контролировать труднее всего? (Респондентам было предложено выбрать не более 2-3 вариантов)	обязанность пройти лечение	2%
		обязанность пребывать по месту жительства в определенное время	77%
		не употреблять алкоголь, наркотические средства или психотропные вещества	24%
		обязанность не выезжать за пределы региона проживания	3%
		обязанность не выезжать за пределы РК	0%
		обязанность трудоустроиться	4%
		обязанность закончить обучение	3%
		обязанность оказывать материальную поддержку семье	2 %
8	Оцените уровень рецидива (повторности) преступлений со стороны лиц, находящихся под пробационным контролем.	стабильно высокий	20%
		стабильно умеренный	73%
		стабильно невысокий	6%
		затрудняюсь с ответом	1%
		иное	0 %
9	Как Вы считаете, каким образом более эффективно восполнить дефицит электронных средств слежения в настоящее время?	увеличить штат сотрудников	7%
		выделить дополнительное финансирование на их приобретение	8%
		использовать возможности мобильных телефонов (например, мобильных приложений)	85%
		использовать помощь волонтеров	0%
		иное (укажите свой вариант ответа)	0%
10	Считаете ли Вы перечень обязанностей, установленных для условно-досрочно освобожденных лиц, достаточным для успешной реализации функции пробационного контроля?	да, так как суд может дополнительно возложить иные обязанности	18%
		да, так как исполнения этих обязанностей достаточно для исправления	10%
		нет, так суды редко назначают дополнительные обязанности	56%
		нет, данный перечень уже не отвечает потребностям практики	16%
			8%
11	Какое из указанных суждений в отношении пробационного контроля как принудительной меры воспитательного	это излишняя мера	4%
		она практически полностью дублирует меру по ограничению досуга и установлению особых требований к поведению	83%

	воздействия в отношении несовершеннолетних является, на Ваш взгляд, верным? (Респондентам было предложено выбрать не более 2-3 вариантов)	почти не применяется судами ввиду ее неэффективности	39%
		почти не применяется судами ввиду ее недостаточно конкретной определенности в законодательстве	61%
		эффективная мера, но требует пересмотра с точки зрения возлагаемых обязанностей	57%
		уже имеется вполне благополучная практика применения данной меры	1%
		затрудняюсь с ответом	1%
		иное	0%
12	Считаете ли Вы, что в отношении отдельных категорий осужденных (например, ранее совершивших тяжкое или особо тяжкое преступление, за которое было назначено лишение свободы) целесообразно использовать более интенсивный надзор?	нет, существующих механизмов достаточно	6 %
		нет, лучше сразу отменять пробационный контроль и направлять в места лишения свободы	41 %
		да, существующих мер реагирования недостаточно	55%
13	Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы условно-досрочно освобожденные привлекались к принудительному труду?	отрицательно, так как он должен применяться только в рамках назначенного наказания	6%
		отрицательно, так как это потребует дополнительных контрольных функций	35%
		положительно, так как труд является одним из основных средств исправления осужденного	59%
14	Как Вы считаете, целесообразно ли привлекать волонтеров для выполнения определенных задач на добровольной и безвозмездной основе?	считаю необходимым	7%
		считаю лишним подобное участие	42%
		возможно, в отдельных случаях	51%
		иное (укажите свой вариант ответа)	0%
15	Считаете ли Вы, что по отношению к условно-досрочно освобожденным должны применяться процедуры досрочного прекращения пробационного контроля (в случаях позитивного поведения)?	нет, пробационный контроль за данной категорией лиц должен быть на весь срок неотбытого наказания	89%
		да, можно было бы ввести такую возможность в исключительных случаях	9%
		затрудняюсь с ответом	2%
		иное (укажите свой вариант ответа)	0%

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Результаты анкетирования осужденных, находящихся под пробационным контролем служб пробации г. Караганды и Карагандинской области, г. Костаная и Костанайской области

№	Вопрос	Категория	Процент
1	Укажите Ваш пол:	Женский	26%
		Мужской	74%
2	Укажите Ваш возраст:	до 20 лет	2%
		20-25 лет	15%
		26-30 лет	20%
		31-40 лет	45%
		старше 40 лет	18%
3	Семейное положение:	холост / не замужем	28%
		женат / замужем	28%
		разведен (а)	14%
		вдовец (вдова)	10%
		гражданский брак	20%
4	Какое у Вас образование:	не имею	1%
		неоконченное среднее (1-8 класс)	9%
		основное среднее (9 классов)	20%
		среднее (11 классов)	14%
		среднее специальное	23%
		неоконченное высшее	14%
		Высшее	9%
5	В настоящее время Вы:	работаете	21%
		имеете работу, но временно не работаете	0%
		не работаете, но ищите работу	47%
		нигде не работаете	21%
		учитесь в учебном заведении на дневном отделении	11%
		занимаетесь чем-нибудь другим (укажите)	0%
6	Как Вы оцениваете свои отношения с сотрудниками службы пробации?	хорошие, сотруднические	11 %
		удовлетворительные	77 %
		неудовлетворительные	8%
		конфликтные	4 %
7	Какая мера воздействия была применена к Вам судом?	условное осуждение	11 %
		ограничение свободы	83 %
		лишение свободы было заменено ограничением свободы	6 %
8	Привлекались ли Вы ранее к уголовной ответственности и наказанию?	да, отбывал (а) наказание в учреждении уголовно-исполнительной системы (исправительном учреждении)	27%
		да, находился под контролем службы	25%

		пробации (уголовно-исполнительной инспекции)	
		нет	48%
9	Какая из перечисленных обязанностей, на Ваш взгляд, наиболее сложная в исполнении при возложении судом? (Респондентам было предложено выбрать не более 2-3 вариантов ответа)	трудоустроиться	34%
		начать или продолжить обучение	32%
		не покидать регион проживания	6%
		не покидать территорию РК	0%
		оказывать материальную поддержку семье	22%
		находиться по месту жительства в определенное время	4%
		пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании	23%
		иное	0%
10	Применялись ли к Вам меры воздействия по факту допущенных нарушений?	да, в виде предупреждения	18%
		да, вопрос рассматривался судом, но мера осталась прежней	9%
		да, имело место продление пробационного контроля	5%
		нет	68%
		иное (укажите свой вариант ответа)	0%
11	Какие нарушения в условиях службы пробации Вами были допущены? (Респондентам было предложено выбрать не более 2-3 вариантов ответа)	никогда не нарушал (а) условия пробационного контроля	32%
		несвоевременное прибытие на учет в службу пробации	18%
		нарушение порядок отбывания наказания	13%
		несвоевременное прибытие в службу пробации для участия в профилактической беседе	28%
		несвоевременное информирование службы пробации об изменении места работы и (или) жительства	9%
		иное (укажите свой вариант ответа)	0%
12	Привлекаетесь ли Вы к принудительному труду во время пробационного контроля?	да, привлекаюсь	29%
		нет, я не должен быть привлечен к принудительному труду по приговору суда	22%
		нет, так как я имею постоянную работу (или учусь)	38%
		нет, так как я нетрудоспособен (нетрудоспособна)	4%
		нет, по иным причинам, которые запрещают привлекать меня к принудительному труду	7%
13	Обращались ли Вы за социально-правовой помощью в местные исполнительные органы?	да	22%
		нет, слишком много проблем с документами	36%
		нет, уходит много времени	14%

		нет, не вижу необходимости, решаю все сам(а)	28%
		иное (укажите свой вариант ответа)	0%
14	Как часто инспекторы службы пробации проводят профилактическую работу по месту жительства и работы?	1 раз в неделю	13%
		1 раз в месяц	81%
		1 раз в квартал	6%
		не проводят	0%
		иное (укажите свой вариант ответа)	0%
15	Считаете ли Вы целесообразным использование электронных средств слежения в отношении лиц, к которым установлен пробационный контроль (электронных браслетов)?	да	3%
		нет	97%
		иное (укажите свой вариант ответа)	0%
16	Согласились бы Вы, чтобы контроль за Вами осуществлялся с помощью мобильного приложения?	да	79%
		нет	13%
		затрудняюсь с ответом	8%
		иное	0%
17	Что из перечисленного, на Ваш взгляд, улучшило бы пробационный контроль и помогло бы Вам эффективнее исполнять свои обязанности?	наличие возможности исправить свое поведение после допущенных нарушений (чтобы не было отмены пробационного контроля)	34%
		наличие возможностей к более ранней отмене пробационного контроля в случае хорошего поведения	39%
		меньше контактировать с сотрудниками службы пробации	24%
		привлечение волонтеров и общественных объединений	3%
		иное	0%